

ВЕСТНИК

МГУ им. М.А.Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2011

УДК 800
ISSN 1992-6375

4.2011

Издается с 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77-19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16-18

Интернет-адрес:

www.mgoru.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редакционная коллегия

Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь*,
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

Содержание №4 | 2011

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Буйнов И.А.*
Тема исторической памяти в рок-поэзии рубежа XX–XXI веков 5
- Гусева Т.К.*
К вопросу о богоборчестве: испанская и русская версии 9
- Даниленко О.Д.*
Приемы психологического анализа в романе Ф.М. Достоевского
«Униженные и оскорбленные» 22
- Киселева В.А.*
Образ войны в лирике И. Бродского («Стихи о зимней кампании
1980-го года») 26
- Папилова Е.В.*
Имагология как гуманитарная дисциплина 31
- Петрова М.А.*
Ретроспекция как способ построения лирического сюжета
в поэзии С.А. Есенина: мотив воспоминаний 40
- Рудакова С.В.*
Стихотворение «Еще, как патриарх, не древен я...»
в контексте книги «Сумерки» Е.А. Боратынского 47
- Щербитко А.В.*
Тема и образ книги в романе Р. Брэдли «451° по Фаренгейту» 55

ЛИНГВИСТИКА

- Лю Ди*
Средства достижения прагмасемантической эквивалентности
при переводе русского деепричастия на китайский язык 61
- Нимгирова М.А.*
К вопросу об изучении топонимики 71
- Полонская К.Л.*
Терминологическая синонимия в теннисной лексике 76
- Серкина В.Н.*
Прецедентные тексты как средство выражения
эмоциональной оценки: функциональный аспект (на материале
региональных СМИ). 82
- Шемчук Ю.М.*
Обновление культурных кодов в немецком языке 89

МЕТОДИКА

<i>Баева Л.В.</i> Реализация регионального компонента в школьном курсе русского языка на примере ознакомления учащихся с лексическими диалектизмами	93
<i>Баурина Е.В.</i> Методические аспекты обучения фразеологии в русской школе	102
<i>Бекшенева Г.Х.</i> Изучение сравнений как средство формирования выразительной речи учащихся	106
<i>Киселева О.Б.</i> Формирование акцентологических и произносительных норм в речи младших школьников	112
НАШИ АВТОРЫ	117
CONTENTS	119
ПАМЯТКА АВТОРУ	123

И.А. Буйнов

Тема исторической памяти в рок-поэзии рубежа XX–XXI веков

Статья посвящена изучению темы исторической памяти и духовного наследия в творчестве рок-поэтов и музыкантов, создававших и создающих свои поэтические и музыкальные произведения на рубеже XX–XXI вв. Трепетное отношение к родной земле, стране, городам, любимым улицам пронизывает песни и стихи, посвященные России. Как подлинное горе воспринимается рок-поэтами утрата исторического облика знакомых мест, исторической памяти в целом, и именно поэтому они призывают человека любить свою землю, помнить ее корни.

Ключевые слова: тема Родины, историческая память, свобода, протест, духовные ценности, русская рок-культура, рок-поэзия.

Огромное значение для становления личности, формирования мировоззрения гражданина и патриота играет тот факт, насколько четко и правильно сформировалось в сознании молодого человека представление об основах культуры своего народа, насколько хорошо он знает процессы и события, определившие ход исторического становления и развития России.

Рок-культура, обращаясь к исконным культурным ценностям русского человека и говоря на доступном молодому поколению языке, может быть полезна и в сфере передачи исторического знания и культурных ценностей молодежной среде. Наиболее ярким примером могут послужить эпические рок-баллады 80-х гг. прошлого века, традиционно строящиеся вокруг героических образов и непреходящих духовно-нравственных ориентиров:

*Деревянные церкви Руси:
Перекошены древние стены,
Подойди и о многом спроси:*

*В этих срубах есть сердце и вены.
 Левитан оставался один,
 Когда кисть замирала в застое,
 И тогда среди многих картин
 Вдруг рождалась «Над вечным покоем» –
 На холсте небольшая деталь:
 Церковь старая на косогоре,
 И видна необъятная даль
 На былинно-бескрайнем просторе... [7, «Владимирская Русь»]*

или, например, «Баллада о древнерусском воине» Маргариты Пушкиной.

Историческая тема занимает в творчестве рок-поэтов огромное место в конце 80-х – начале 90-х годов XX в.

Мотив исторических судеб страны объединяет целые пласты творчества рок-поэтов, объединяет прошлое и настоящее, указывает на неразрывную связь судьбы лирического героя с судьбой Родины.

В эту эпоху история, возврат к корням и истокам в текстах песен рок-поэтов используется, как правило, для достижения одной цели, цели объединения народа, обусловленной двумя различными процессами (политическими и общественными), протекающими в то время в стране: во-первых, объединение народа как формирование силы, способной противостоять косности и застою общества, во-вторых, объединение народа ввиду распада СССР.

Мощность этих процессов, оказавших влияние на все сферы жизни общества и человека, в свою очередь и определила масштабы исторической темы в роке тех лет и определила ее как основную, способную объединить народ, дать понять человеку, что он только часть единого целого:

*Лишь потом
 Кто-то долго не сможет забыть,
 Как, шатаясь, бойцы
 Об траву вытирали мечи [3, «Легенда»].*

Чтобы оценить масштабы проникновения исторической памяти в художественное пространство текста, можно рассмотреть данный пример с точки зрения комбинаторной семантики: «бойцы» вытирают «мечи», однако в сознании человека закреплена устойчивая модель, в которой «мечами» владеют (пользуются) «воины». Таким образом, действие «Легенды» В. Цоя расширяется от времен Киевской Руси до войны в Афганистане.

В последнее десятилетие тема исторической памяти и связанные с ней мотивы продолжают находить отражение в творчестве рок-поэтов, при этом наблюдается смещение некоторых акцентов в ее реализации.

Обращение к прошлому теперь связано, как правило, с нагнетанием мотивов разочарования, декаданса, ощущения, что ушло нечто важное, неповторимое и ушло – навсегда. Так в стихотворении Д. Арбениной соединяется 1937-й и 2000-й гг.:

*Россия, 37-ой –
Преддверие новой войны,
Олег Кошевой кашляет кровью,
И дни его сочтены.*

и затем:

*Москва ничему не верит,
Москва никому не простит.
Белоснежный уже ненужный китель
На грязной стене висит [4, «Россия, 37»].*

Кроме прочего, тема истории и исторических параллелей осмысливается теперь в основном в субъективном ключе, чтобы подчеркнуть собственные переживания лирического героя, часто не связанные с проблемами общества.

В этом направлении можно выделить отдельные ситуации, когда ощущения лирического героя передаются с помощью:

1) ощущения единичного лица, предмета, явления, существовавшего в прошлом:

*Я покидаю Столицу:
Kapitulieren!
Раненым фрицем
Немею в тоске [4, «Столица»];*

2) сопоставление (сравнение) с системой, структурой, организацией:

*Осью-колесами
Раскатают поезда бумагу под
Письма помятые,
Обещания вернуться.
Лица разбитые,
Кровь из носа, улыбки и платок.
Листья, заборы и
Признания на полотнах из досок [5, «Карелия»];*

3) обращение к историческому лицу:

*В утренний сонный час,
Час, когда все растаяло,
Я полюбила Вас,
Марина Цветаева [2, «Я полюбила Вас»].*

Отдельным методом в реализации исторической темы в творчестве рок-поэтов начала XXI в. можно выделить *временное совмещение*.

В этом случае реалии прошлого и настоящего соединяются в одном пространстве, в большинстве случаев характеризующемся локальностью и четкой границей. Целью данного приема, как правило, является передача полярных чувств героя, сосуществующих в нем одновременно:

*Большой, широкий город:
Магистрالی и дома,
Гусары в окнах –
Беспользная тюрьма... [4, «31 весна»]*

*Я покидаю Столицу:
Раненой птицей,
Выжженным небом,
Черной травой.
Я случилась здесь летом:
Шёлк тополиный,
Сладость Неглинной,
Степи Тверской [Там же, «Столица»].*

Если мы обратимся к упоминанию Неглинной – реки, свободно текущей в художественном полотне стихотворения, – здесь речь идет о двух временных пластах, и чувства лирического героя становятся предельно понятными: его расставание – это такая же огромная утрата, как и невозможность вернуть истинную, древнюю, прекрасную и гордую суть Столицы (наподобие реки Неглинной, спрятанной в трубу).

Временное совмещение также может быть использовано для создания новых смыслов/смысловых оттенков.

Словосочетание «*степи Тверской*», как и разобранный выше, в первом своем значении включает в ткань стихотворения прошлое: Тверской тракт, пространство и простор. Однако при данной отсылке «включается» историческая память «второго уровня», говорящая о том, что Тверская не всегда была «степью», и что здесь строились лучшие дома, гостиницы и магазины Москвы, она была на протяжении двух веков главной улицей города.

Вспоминая, мы понимаем, как много уже утрачено: церковь Дмитрия Солунского, триумфальная арка Павла I на площади Тверских ворот (Страстной, ныне Пушкинской) (также необходимо обратить внимание на утрату названий), снесенный в 1937 г. Страстной монастырь и т.д., а образ Степи-Тверской предстает в новом облике безрадостной пустоши [1], тем самым подчеркивая горечь утраты, которую чувствует лирический герой.

Принимая во внимание вышесказанное, можно уверенно говорить о непреходящем значении темы исторической памяти в творчестве рок-поэтов, об их активной гражданской позиции, направленной на сохранение великой культуры великой страны.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2007.
2. Земфира. Спасибо [Звукозапись]. М., 2007.
3. Кино. Группа крови [Звукозапись]. М., 1988.
4. Ночные Снайперы. Рубеж [Звукозапись]. СПб., 2000.
5. Пилот. Наше Небо [Звукозапись]. СПб., 2002.
6. Поэты русского рока: Юрий Шевчук, Александр Башлачёв, Александр Чернецкий, Сергей Рыженко, Андрей Машнин. СПб., 2005.
7. Черный кофе. Леди осень [Звукозапись]. М., 1992.

Т.К. Гусева

К вопросу о богоборчестве: испанская и русская версии

Статья посвящена сопоставительному анализу повестей русского и испанского писателей – «Жизни Василия Фивейского» Леонида Андреева (1903) и «Святого Мануэля Доброго, мученика» Мигеля де Унамуну (1931) – в широком контексте художественно-философской мысли первой трети XX в. Автор подчеркивает гуманистическую направленность идей писателей, стремящихся раскрыть в человеке силу, способную привнести смысл в жизнь, восстающих против современного им нивелирования личности обществом, за необходимость исторического и культурного возрождения, выхода из тупика массовой культуры, создания теории, максимально приближенной к человеку. Автор показывает, что идеи испанского и русского писателей сохраняют актуальность и в настоящее время.

Ключевые слова: Л. Андреев, М. де Унамуну, экзистенциализм, рок, агония, интраистория.

Секрет человеческой жизни, всеобщий, потаенный корень, из которого произрастает все остальное, – жажда жизни, это неистовое и неутолимое желание быть всем, оставаясь при этом собой, овладеть целым миром, так, чтобы мир не завладел нами и не поглотил нас; это желание быть другим, не переставая быть собой, и продолжать оставаться собой, будучи одновременно другим; это, одним словом, потребность божественного, нехватка Бога.

М. де Унамуно

Доминанта художественного сознания XIX в. – идея гармоничности, этический критерий оценивания, базирующийся на христианских ориентирах. В XX в. параметры изменяются, т.к. религиозное сознание, подточенное сомнениями и неверием, ослабло. «*Бог мертв*», – объявил Ницше. Человечество погрузилось в атмосферу абсолютного нигилизма. Приближалось время «*самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя*» [3, с. 6], эпоха масштабных разрушений в душе человека начала XX в. Происходит переоценка ценностей, освобождение от сдерживающих человека пределов бога и морали.

Но человек еще пытался верить, что божий лик появится. Создавалась глобальная экзистенциальная ситуация: наедине с метафизическими безднами бытия и собственной души, перед беспредельностью одиночества, оставался только путь к расколотому «я». Утрачивается божественное равновесие духа, человек разделился сам в себе, что порождало экзистенциальное беспокойство. Осознание того, что бога нет и бессмертия нет, отречение от символа веры, очеловечивание бога фактически было тождественно собственному обезбоживанию. Мир без бога превратился в мир без человека. Эта всеобъемлющая формула разрушения, к которой пришло как русское, так и европейское в целом художественно-философское сознание.

Русская литература XX в. – органическая часть европейской культуры. Единое пространство русско-европейской литературно-художественной традиции пронизано внутренними диалогами, историко-культурными параллелями, носящими по большей части характер стихийный в рамках единого, с общими тенденциями развития, процесса взаимодействия литературно-художественной и философской составляющих, в условиях кризисного ломающегося сознания.

«Жизнь Василия Фивейского» Леонида Андреева (1903) и «Святой Мануэль Добрый, мученик» Мигеля де Унамуно (1931) могут служить примером такой литературной параллели. Из образов испанской литературы ближе других к Василию Фивейскому – дон Мануэль. В центре произведений – отход священников от церкви и веры, бунт против бога. Обе

повести предельно условны, в высшей степени насыщены философским содержанием, символикой, что согласуется с общей тенденцией эпохи к сращению собственно художественной и философской мысли, в результате чего появлялись амальгамные произведения; литература играла зачастую иллюстративную роль, воплощая философские идеи писателя.

В основе повестей – философско-этическая проблематика, концентрирующая внимание автора на действии человеческого духа, герои (Василий Фивейский, дон Мануэль) *агонизируют*, пользуясь терминологией Унамуно, находятся в необычной пограничной ситуации, выявляющей их суть и метафизические искания (излюбленный художественный прием обоих писателей – постановка психологического эксперимента); при этом включается символический образ природы как арбитра космического масштаба действий героя, который с ней гармонирует или ей противопоставлен, следствие широкого «панпсихического», по определению Л. Андреева, т.е. пантеистического, мировосприятия авторов.

Рассматриваемым повестям свойственна экзистенциальная направленность – поиск смысла бытия человека и места Бога и веры в системе ценностей человека, а также эгоцентрическая ориентированность на личности самих авторов. У истоков концепций мирового абсурда, человека вне времени и пространства, не постигшего прошлое и обреченного на жизнь без будущего, с оголенным предчувствием смерти, метафизической глубиной прозрения бытия Л. Андреева и М. де Унамуно стоял Шопенгауэр. Русский и испанский писатели, как и Шопенгауэр, в центр рушащегося мира поставили собственное «я», в «Жизни Василия Фивейского», равно как и в «Святом Мануэле Добром, мученике» доминирует голос автора, эксплицитно или имплицитно. Его мыслям и чувствам, субъективной оценке, концепции мира уделяется особо пристальное внимание. Авторское начало является стержнем, объединяющим элементом композиции произведения, главным критерием определения смысловой нагрузки, отбора материала (исключительно важное для доказательства философской истины изучается с гипертрофированным вниманием, незначительное – опускается вовсе), ибо, прежде всего, в образе мысли автора, в его речевой структуре и выражаются качества и стилевые особенности художественного сочинения. Можно даже говорить об имманентно присутствующей в ткани произведений психологической *автопортретности*, исходя из *принципиальной автобиографичности* Л. Андреева и М. де Унамуно. Применительно к стилистике это качество выливается в значительный удельный вес субъективированного, далекого от нейтрально-объективного повествования, типа потока сознания, несущего авторскую экспрессию, вклинивание несобственно-прямой

авторской речи в монологи персонажей, объединение, слияние речи автора и героев, включение монологов персонажей в авторское повествование, стилевые перебивки: летописно-эпический стиль – авторские вставки и т.п.

Оба произведения несут печать близости житийной литературе, изобилуют библейскими аллюзиями. Стропила повествования выстроены по типу жития. Сдержанная форма последовательности фактов от рождения (в случае «Василия Фивейского») до смерти. На сходство Василия Фивейского с «*Моисеем, узревшим бога*» [1, с. 219], а также с библейским многострадальцем Иовом из Ветхого Завета, поставившим вопросы о целях человеческого бытия, границах разума, божественного, провидения указывает сам автор. Можно отметить внешние, сюжетные сходства (страдания обоих святых отцов как основа их экзистенции, мысль об избранничестве, испытание веры, посылаемое богом), исходящие из самой сути экзистенциальной литературы.

Унамуну прямо указывает (устами главной героини, от лица которой идет повествование) на начатый процесс канонизации священника дона Мануэля; среди библейских реминисценций – постоянные обращения к библейским образам отца Мануэля в разговоре с друзьями, «*природное рыдание*» во время службы в «*последнюю страстную неделю*»: «*Боже мой, боже мой! Для чего ты меня оставил?*» [5, с. 117–118], буквально повторяющее восклицание распятого Иисуса, на что указывает и сам автор; уподобление креста, несомого доном Мануэлем, восхождению на Голгофу, упоминание о способности священника исцелять страждущих, аллюзия на эпизод евангельского чуда с вином на свадьбе («*Как-то на свадьбе он сказал: “Эх, если бы мог я всю воду нашего озера превратить в вино...”*» [Там же, с. 101]). Имена героев повести, говорящие и символические, также несут в себе память Библии: о. Мануэль (Emmanuel – «бог с нами»), сестра и брат Анхела и Ласаро Карвальино (Angela – ангел, Lázaro – в Евангелии от Иоанна Лазарь – брат Марфы и Марии из Вифании, воскрешенный Иисусом из мертвых на четвертый день; в католической традиции Лазарь после воскрешения вместе с Марфой и Марией и др. проповедовал христианство среди язычников, что отражено в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского (ок. 1260)). Отец Мануэль, по признанию Ласаро, «*сотворил*» из него «*настоящего человека, воскресил, ...как настоящего Лазаря, ...он дал... веру...*» [Там же, с. 122].

Л. Андреев и М. де Унамуну равно полемизируют с житийной литературой, по закону жанра которой святость имманентна, житие эту святость лишь подтверждает. О. Василий становится святым, пройдя через

страдания; канонизируемый на момент написания записок дон Мануэль, почитаемый народом за святого, сам в Бога не верил, что ввергло его в глубинную *агонию* души.

Этапы приближения к истине о. Василия – путь от *«запуганного попа»* [1, с. 153], жалкого и несчастного (Мануэль изначально славится своим благочестием); через испытание верой, осознание страданий прихожан, несущественность их маленьких грехов (ср. Унамуну: *«Грешные? Это мы-то грешные? Да в чем же наш грех?»*) [5, с. 119]) в нем просыпается другая душа, он становится непреклонен и суров (сначала его антипод Копров замечает, что о. Василий выше его, и чувствует тревожное уважение; потом, следующий этап, начинает бояться его, человекобога, похожего на святого).

В отличие от Иова, решившего, что божий промысел несправедлив и взбунтовавшегося, потребовавшего человеческого суда над божьим произволом, но понявшего свою несостоятельность постичь замыслы бога и раскаявшегося в своем бунте, принявшего возвращенную богом спокойную праведную жизнь, а также идею божественной всеисильности и ограниченности своего разума, Бог для о. Василия – идея гармоничной справедливой жизни. Понимание веры о. Василием диалектично: впитавший веру с молоком матери, он задумался, заколебался, когда на него обрушиваются первые роковые несчастья; начинается внутренняя борьба с собой, балансирование на границах веры, живой-неживой матери. Рождение второго сына, воплотившего для о. Василия рок, толкает его к переоценке привычной веры, направляет к людям; осознание того факта, что ждать помощи от бога бесполезно, приводит к бунту, поиску выхода из тупика, прежде всего, для людей (автор солидарен с вызовом, брошенным Богу о. Василием, который реализует его собственную мечту и перестает на время, казалось, поверив в силы человеческие, упоминать о нависшем роке), желанию отречься, одиночеству, пустоте безверия. О. Василий ушел от веры, но нового миропонимания не нашел; это новое знание о жизни, облеченное в традиционную форму. Смерть попадья рождает в нем мысли о собственном избранничестве, миссии избавить человечество от страданий и безумного хаоса; безверие срастается с желанием служить людям. Он сильнее цепляется за веру; это не смирение Иова, о. Василий видит в себе наместника божьего, хочет совершить чудо в оправдание бытия, подтверждение существования Бога. Но побеждает рациональное осмысление мира, и это рождает вторую волну бунта, осознание, что сын Вася, символ злого рока, иррационального, хаоса, бессмыслицы, всегда с ним. Вера, вторично обретенная и утерянная, рушит для него мир, сознание.

Центральная проблема философской повести Унамуно идентична – духовная жизнь Дона Мануэля, *«агонизирующего»* в своем стремлении уравновесить несоответствие: потребность в вере – невозможность веры для мощного аналитического ума, впитавшего достижения прогресса. Дон Мануэль – типичный герой-*«агонист»*, несущий в себе *«трагическое чувство жизни»*, борьбы разума и веры, *«героический безумец»*, подобный Дон Кихоту, единственно возможный выход, по Унамуно, из тупиков современного мира. Ибо *«вся долгая история христианства – не что иное, как череда прилаживаний нашей моральной совести к миру веры»* [8, с. 121], и образ дона Мануэля является слепком этой философской характеристики.

Доминанта творческих раздумий Унамуно – экзистенциальные проблемы человеческого бытия и духовной жизни, *«нагота души»*, *«внутренняя жизнь»*, которую писатель ставил превыше всего. В их решении он, предвосхищая персонализм, отстаивает личный характер истины: *«истина – это то, во что верят от всего сердца и от всей души»*. Проблема веры и ее места в бытии человека мучила Унамуно на протяжении всей его жизни, ибо вера – незыблемая данность, *«вера – это факт, и изучать ее надо именно в этом ракурсе»*, – отмечал Унамуно в своих личных дневниках [Там же, с. 120]. После религиозного кризиса, спровоцированного смертью малолетнего сына (1897), обернувшейся для писателя космической трагедией, константой произведений Унамуно становятся размышления о личной смерти – бессмертии, вере – безверии. *«Агония»* Унамуно, страстное желание сохранить веру в бессмертие одновременно с сомнением в истинах религии – экзистенциальная основа человека: ввиду имманентности смерти рациональное неверие в вечную жизнь объединяется с безысходной жаждой жизни: *«Надо обратиться к себе и задать себе подлинный вопрос: что будет со мною? Возвращусь ли я в ничто после смерти? Все прочее – лишь жертвовать дух названию, наше реальное – видимости»* [Там же, с. 110].

Проблема человека и его отношения к Богу трактуется Унамуно, предтечей экзистенциализма, в духе экзистенциализма; человек как личность обретает бытие и свободу только через достижение экзистенции, постоянно ощущает особое *«трагическое чувство жизни»*. Оно имманентно и непреодолимо, но выход для человека заключается в его вере, помогающей человеку обрести Бога, осознать возможность бессмертия (только как возможность, поскольку в действительности оно недостижимо, вследствие чего и возникает *трагическое ощущение жизни*). В концепции индивидуальности испанского писателя центральное место занимает жажда бессмертия, следствие конечности человеческого существования, определяющая

возможность сохранения личности после смерти. «...я жажду бессмертия... без него мне на все наплевать», – отметил писатель в эссе «О трагическом ощущении жизни у людей и народов». Бог видится как символ и гарант обеспечения индивидуального бессмертия. Напряженная жажда Бога и осознание собственной смертности и поэтому безверия, наряду с жаждой бессмертия, переживаются экзистенциально трагично, что определяет сам Унамуно, например, в предисловии к роману «Туман»: *«Его терзает навязчивая, почти маниакальная идея, если его душа, равно как души всех прочих людей и даже тварей на земле, не наделена бессмертием, причем бессмертием в том смысле, как понимали его простодушные католики средних веков, тогда пропади все пропадом и не стоит надрываться»* [6, с. 219]. Поэтому весь смысл человеческого существования, согласно взглядам философа, и связан неразрывно с верой, Богом. Истинная личность, по Унамуно, наделенная реальным внутренним содержанием, одержима верой. Реализуя свою волю, она способна выбирать и принимать решения. В связи с этим особенно важными становятся степень влияния Бога на человека и воздействие на веру в бога сторонних факторов.

Проблема бессмертия и вопрос о вере, фундаментальной составляющей экзистенции человека, *«сохраняющей жизнь нашей души, ее кротость, покой, энергию, милосердие»* [8, с. 121], тесно взаимосвязанные в концепции Унамуно, становятся центральными в дневниках писателя и в повести «Святой Мануэль Добрый, мученик» («своего рода идейном и художественном завещании» писателя, ибо в этом произведении «чуть не все идейные темы творчества Унамуно сплетены воедино» [4, с. 23]), во многом носящей характер автопортретный, – сам Унамуно сомневался, *агонизировал*, желая уверовать душой и понимая разумом, что Бог и идея бессмертия потерпели крах. Приведем выдержки из «Личного дневника» Унамуно, которые могут служить доказательством наличия автопортретной составляющей в повести, ибо вполне соответствуют по духу и стилю рассуждениям падре Мануэля, *агониста*, оказавшегося меж двумя полюсами традиционной сильной католической церкви и безверием:

«Многие говорят, кто хотят верить, что хотели бы уверовать» [8, с. 121]; *«Да, я желаю заняться самовнушением»* (чтобы уверовать – Т.Г.) [Там же, с. 126];

«Но тебе недостает веры, и ты чувствуешь, что идешь ко дну и ... просишь Господа помочь тебе. И тогда Он тебе говорит: Человек слабой веры, почему ты усомнился?»

Почему мы сомневаемся? Почему не признаем Иисуса истинным сыном Господним? Мы бы тогда прошли над временем, не погружаясь в его пучину, пересекли бы, окрыленные, наши годы, подобные видению;

и, устремляясь за нами к небу, протекал бы под нашими ногами мировой поток и бежали бы воды времени, унося с собой каждый день свое лукавство» [8, с. 189–190].

Повесть Унамуну представляет собой исповедь, самоанализ, обнажающий двойственность душевных исканий веры. Сам автор охарактеризовал в предисловии повесть как «*философскую и теологическую*» [9, с. 1182], трактовка затрагиваемых проблем неизмеримо глубока, произведение включает в себя обширный круг вопросов гуманистической экзистенциальной направленности.

Метания автора в поисках истины («...что если истина – нечто жуткое, непосильное, смертоносное?» [5, с. 111] отражаются в стремлении его героя «*жить ради народа своей деревни и умереть ради народа своей деревни*» [Там же, с. 102], ибо невозможно (и здесь голоса испанского и русского писателей сливаются) спасти свою душу, если не спасешь душу своего народа. Спасение народ найдет, по Унамуну, все-таки в непосредственной вере, в *интраисторическом* бытии – «*животворить души ... прихожан, чтобы учить их счастью, чтобы помочь им досмотреть до конца сон о бессмертии...*» [Там же, с. 111]. Дон Мануэль воскресил своего Лазаря, не только вернув веру, но еще и «*исцелив ... от культа прогресса*» [Там же, с. 122]. Это реализация центрального интертекстуального мотива Унамуну *интраистории*, его собственное желание укрыться в *интраистории*, единственно истинной реальности, в отличие от официальной истории.

Пусть народ «*спит и видит сны*» [Там же, с. 111], «*живет в привычной скудости переживаний, это избавит его от лишних и ненужных мук*» [Там же, с. 112], «*всякая религия истинна, откуда духовно побуждает к жизни народы, ее исповедующие, откуда утешает их в том, что им пришлось родиться на свет, чтобы умереть...*» [Там же, с. 111]. Победить же время, быть счастливыми могут только «*те, чьи дни текут единообразно! ... Редко они размышляют о Боге, ибо они живут в нем*» [8, с. 106]. К проблеме духовной драмы интеллектуала, который хочет, но уже не может верить, Унамуну обращался неоднократно. По Унамуну, истинной вере – естественной, незыблемой – надо учиться у народа. Невозможно опираться на самого себя в вере. Аллюзию на эту веру, «*веру угольщика*» содержит фамилия главных героев: «*carbón*» – уголь. А отец Мануэль, экзистенциальный герой, заглядывал в «*черные бездны отвращения к жизни*» у смертного одра прихожан (ср. – об о. Василии: «...*глаза пристально смотрели вперед, далеко вперед, в самую глубину бездонного пространства*» [1, с. 172]; «...*бездонно-глубокие глаза, черные и страшные, как вода болота*» [Там же, с. 215]; «*И не было земли,*

и людей, и мира за стенами дома – там был тот же зияющий, бездонный провал и вечное молчание» [1, с. 187]). Носителя такой «нерассуждающей» веры у Л. Андреева, Мосягина, настигла бессмысленная смерть, мир резко разделился на контрасты: с одной стороны, пляска «огненной рыжих волосинок», но, «нелепо веселая, залихватская», она отзывается вокруг бледного помертвелого лица «диким глумлением»; песок – «красивый, золотистый» [Там же, с. 210], но – застрял он во рту и впадинах глаз трупа.

Действие в Вальверде, очевидно, также как и в повести Л. Андреева, происходит на границах, на зыбкой грани между реальным и ирреальным мирами. В символическом одиночестве непонимания и экзистенциальной оторванности находится отец Мануэль, поддерживающий чистую, детскую веру в народе, почитаемый жителями экзистенциальной в своем отчуждении от мира, патриархальной, заснувшей во времени, погружившейся в неизменные в течение веков глубины интраистории деревни Вальверде-де-Лусерна, которая стоит на берегу озера, на дне которого, по преданию, покоится другая, затонувшая, потусторонняя Вальверде. Две ипостаси «феодалного» и «средневекового города» [5, с. 106] Вальверде-де-Лусерны – «та, что скрывается под толщей вод, и та, что глядится в их зеркало» [Там же, с. 124] – реально осознаются жителями деревни. Они слышат их подводные колокола в ночь на святого Иоанна. На границах живет и главный герой повести – между верой и безверием, в агонии души и разума, между городком реальным и мифологическим, и «в глубинах души... дона Мануэля тоже сокрыт и спрятан город, и оттуда тоже порой слышится благовест» [Там же, с. 109].

Три действующих лица составляют основу структуры повести. Физическое описание героев сведено к минимуму. Малозначащая для автора информация (а это все, что не касается непосредственно проблемы веры) умалчивается. Образ священника представляется автором через простодушное и чистое восприятие Анхелы. Знакомство начинается издалека, отношения нереальны, т.к. девушка находится в ситуации неведения; постепенно сокращается расстояние между прихожанкой и святым отцом, исчезают лица-посредники между ними, от обдумывания услышанного о нем Анхела поднимается к раскрытию экзистенциальной тайны «мученика», осознанию ее, желанию «облегчить тяжесть креста, возложенного на него с рождения», и, уже в зрелом возрасте, к рефлексии относительно веры. Героиня приемлет священника полностью и безоглядно, не допуская и мысли о недостатках. Семья дона Мануэля незнакома рассказчице, а, следовательно, и читателю. Образ матери Мануэля, появляющийся единожды, но дважды освещаемый Анхелой

в разных временных пластах – из уст матери вырывается пронзительное «Сын мой!» – не живой образ, наполненный индивидуальным содержанием, но символ материнства; он прямо уподобляется Скорбящей Богоматери.

Автор выделяет во внешности дона Мануэля характерные черты – высокий рост, гордую посадку головы («голову держал, как наша Ястребиная Скала – свою вершину» [5, с. 94]) и, главное, «всю бездонную голубизну ...озера» [Там же] в его глазах. Эта экзистенциальная бездонность голубых глаз (ср. о. Василия: «...бездонно глубокие глаза, черные и страшные, как вода болота» [1, с. 215]) – знак принадлежности дона Мануэля к стану просвещенных, познавших истину, неподвластное рациональному, ибо символы озера и горы наполнены в повести экзистенциальным содержанием, озеро характеризуется не иначе, чем «духовное», и оно видит во сне «небо», традиционный знак духовного просвещения и космической силы. Это чувствовали прихожане, еще при его жизни жители деревни ощущающие «исходившее от него благоухание святости, переполнявшее и опьянявшее Вальверде-де-Лусерну». Он «привлек к себе все взоры, а следом за ними – все сердца, когда же сам глядел на нас, то взгляд его, казалось, пронизывал плоть, словно стеклянную, и смотрел прямо в сердце» [5, с. 91]. Особенно это чувствовали и поэтому любили его дети, святые души. Это качество – проникновение в сердца людей – уподобляет дона Мануэля мощи постижения Иисуса. Также подчеркивается Анжелой (то есть Унамуно) «в особенности сладчайшая власть слов его, а нуще того – голоса (воистину чудотворный голос!), что удавалось ему исцелять безнадежнейших» [Там же, с. 96]. Чувствовал принадлежность о. Василия к запредельному и Копров: «...и чья-то могучая жизнь билась за ними (глазами о. Василия – Т.Г.), и чья-то грозная воля выходила оттуда, как заостренный меч» [1, с. 215].

Образ отца Мануэля, в облике которого перед смертью «проступала торжественная просветленность» [5, с. 118], прямо отождествляется с Иисусом, а его служение вере – с жертвенническим подвигом: «мученик, который, не надеясь на бессмертие, поддерживал в них (в людях. – Т.Г.) надежду на жизнь вечную» [Там же, с. 126]. Жизнь Дона Мануэля – «нечто вроде непрерывного самоубийства или, что то же самое, единоборство с искусом самоубийства, но лишь бы жили наши, лишь бы они жили!» [Там же, с. 114–115]; «...надо сделать все, чтобы люди жили, храня надежду» [Там же, с. 123]. Он «слился в народ» [Там же, с. 120] и растворился в нем, заботился о «бедных... овечках, чтобы было им утешение в жизни, чтобы верили они в то, во что не мог... поверить» сам Дон Мануэль [Там же, с. 119–120]. Игру дона Мануэля автор оценивает

устами Анхелы как «нечестную, но зато благочестивую», «боговнушенную, ...святейшую» [5, с. 126].

Главных героев Анхелу и Ласаро можно трактовать как апостолов отца Мануэля. Образы брата и сестры Карбальино исполняют разные функции в повести. Ласаро появляется в деревне из Нового света (само по себе символично противопоставление Старого – Нового света) как прямой антагонист дона Мануэля: сильная личность, настроенный антиклерикально, он поклоняется разуму; придерживаясь передовых взглядов, обличает социальные проблемы, критикует феодальную застой, царящий в деревне, олицетворении стагнации, ратуя за прогрессивную культуру города. Поэтапно и схематично эти черты нивелируются, Ласаро из потенциального оппонента, врага обращается в преданного соратника дона Мануэля, его «Иисуса Навина». Наметившаяся оппозиция не реализуется, между ними устанавливается гармония согласия: Ласаро посвящает себя религиозной практике, а дон Мануэль открывает пред учеником свой экзистенциальный секрет, годами тщательно охраняемый. Ласаро превращается в двойника священника, разобщение сменяется единением, скрепленным навеки смертью матери, – на это указывает и приобщение сподвижника к природным символам озера и горы, которые можно трактовать как сомнение и веру соответственно, и к процессу дуальной агонии, душевной экзистенциальной и предсмертной, а также и единство в смерти – ранняя смерть ученика, последовавшего вскоре за учителем.

Анхела (ангел), что в греческой традиции означает «вестник», «посланник», как персонифицированная судьба, охраняет память о священнике. Будучи духовной ученицей дона Мануэля, Анхела стала и наследницей его духовных исканий. Имея опыт общения со святым, она осознает, что является последним свидетелем уникальной практики и жаждет, чтобы его послание не исчезло вместе с его смертью; записки Анхелы могут рассматриваться как Евангелие постнищеанской эпохи. Образ Анхелы – так же схематичен и неиндивидуален, как и образ ее брата. Он несет, прежде всего, в себе символически типичные черты Женского начала – интуицию, истинную, чистую и бесхитростную религиозность. Не обладая даром *рацио*, Анхела приобщается к секрету дона Мануэля лишь посредством брата, символически воплощающего *рацио*. Брат и сестра знаково противопоставлены автором как мир чувства и мир разума. В борьбе чувства с разумом (в душе Ласаро) побеждает первое, Ласаро отказывается от приоритета рационального постижения мира, с которым он появляется на страницах повести.

Вера Анхелы не была безмятежной и невозмутимой. Еще до знакомства и превращения в посланницу идей святого отца в душе ее зародилось

сомнение, но вера ее подвергается серьезнейшей проверке (ситуация эксперимента), когда она узнает о благочестивом и милосердном обмене дона Мануэля. Брат открывает ей истину, и то, что с детства казалось самоочевидным, расплывается в тумане (туман – лейтмотивный образ и глубокий символ в творчестве Унамуно). Это ситуация в миниатюре, идентичная символическому возведению Заратустры: «*Возможно ли это! Этот святой старец в своем лесу еще не слышал о том, что Бог мертв*» [3, с. 3], только в случае Унамуно вместо святого старца в лесу – святая девушка в отрезанном от мира городке. «...внезапно мы остались одни на современной земле – мертвые умерли не в шутку, а по-настоящему, они уже не могут помочь. Остатки духа традиционализма растаяли. Модели, правила, образцы уже непригодны. Мы должны решать наши проблемы – искусства, науки или политики – в абсолютной актуальности, без активного содействия прошлого», – так охарактеризовал *обстоятельства* испанский философ Х. Ортега-и-Гассет [7, с. 428]. В конце повести и Анхела, от чьего лица написаны записки-воспоминания событий более чем двадцатилетней давности, предается рефлексии – а верует ли она сама: «*Разве я что-нибудь знаю? Разве во что-нибудь верю?*» [5, с. 126].

Из персонажей второго плана, в основном находящихся в анонимности, выделяется деревенский дурачок Бласильо. Сравнение двух героев с затемненным разумом высвечивает концептуальную разницу мировосприятия Л. Андреева и Унамуно. Вася, «*полурбенок, полужверь*» – холодная жуткая маска, дикий хохот рока, глумящегося над божеской паствой. Бласильо, «*жалкая мартышка*», тоже близок к животному миру иррационального. Однако, благодаря тому, что Падре его «*ласкал больше всех и даже выучил таким вещам, что чудом казалось, как только удалось бедняге их усвоить ... крохотная искорка разума, теплившаяся в мозгу у дурачка, начинала светиться, когда он... подражал своему дону Мануэлю*» [Там же, с. 97]. Дурачок окружен вниманием всей деревни, ибо он – персонифицированная простодушная идея истинного католицизма, его вера, наивная, нерассуждающая, интуитивная, подобная естественной, детской – самая истинная. Он неспособен грешить, ибо невменяем, он – не осознающий своей миссии гарант Евангелия. По этой причине в деревнях Испании во времена Унамуно люди с помрачившимся рассудком пользовались всеобщим уважением. Отметим, что в ортодоксальной традиции близость к господу, «*божья печать*», и вследствие этого – наличие дара прорицания, подразумевались в юродивых, многие из которых были причислены к лику святых.

Функция деревенского дурачка Вальверде-де-Лусерна – подражательная. С помощью Бласильо, двойника дона Мануэля, автор акцентирует

драматизм и экспрессивность повести: дурачок повторяет, обыгрывая, действия святого отца, с тем отличием, что это лишь пустая форма без содержания, парадокс традиционного для испанской культуры смешения низового, игрового, комического и трагического, возвышенного компонентов. Так, слова Иисуса на кресте звучат в городке дважды – в восклицаниях дона Мануэля и дурачка Бласильо. Кульминационная и одновременно заключительная точка развития функции Бласильо в повести – финальная сцена смерти дона Мануэля; выполнив авторское предназначение, умирает и его двойник.

В заключении отметим, что если писатель классической уравновешенной эпохи Л. Толстой был ориентирован на гармоничность личности на почве веры, рационально осознанной и иррационально прочувствованной, то в постнищеанскую эпоху смерти богов наступили духовные – своеволие и хаос броуновского движения. Жизнь видится русским и испанским писателями как трагичная в самих своих основах, гармония возможна лишь на мгновение. Самое острое экзистенциальное противоречие для Л. Андреева и Унамуно – между рациональным сознанием и верой. Поиск Бога приводит героев к духовному бунту. Высший смысл легче постигает Сверхчеловек, Герой, способный к единоборству с роком (Л. Андреев), стремящийся к вере и могущий принять решение (М. де Унамуно).

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Жизнь Василия Фивейского // Андреев Л.Н. Проза. Публицистика. М., 2001. С. 147–224.
2. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на грани столетий. М., 2002.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 2–153.
4. Тертерян И.А. Мигель де Унамуно: личность, свершения, драма // Унамуно М. де. Избр.: В 2 т. Л., 1981. Т. 1.
5. Унамуно М. де. Святой Мануэль Добрый, мученик // Унамуно М. де. Избр.: В 2 т. Л., 1981. Т. 2. С. 93–128.
6. Унамуно М. де. Туман // Унамуно М. де. Избр.: В 2 т. Л., 1981. Т. 1. С. 216–391.
7. Ortega y Gasset J. El arte en el presente y en pretérito // Ortega y Gasset J. Obras completas. Vol. III. Madrid, 1947. P. 389–425.
8. Unamuno M. de. Diario íntimo. Madrid, 2008.
9. Unamuno M. de. San Manuel Bueno, mártir // Unamuno M. de. Obras completas. T. 2. Madrid, 1951. P. 1196–1232.
10. Unamuno M. de. El secreto de la vida // Unamuno M. de. Algunas consideraciones sobre la literatura hispanoamericana. Madrid, 1957.

О.Д. Даниленко

Приемы психологического анализа в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»

В статье рассматриваются некоторые приемы психологического анализа в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», которые отчасти помогают разобраться в одной из центральных тем произведения – теме эгоизма. Такие приемы, как параллелизм сюжетных линий, диалог, принцип контрастного оттенения, повторяющаяся деталь, речь, жест, мимика, знаковый символический эпизод и др., позволяют сгруппировать типы героев-эгоистов и определить роман как произведение «переходное», наметившее в себе линию психологизма, присущую более зрелым произведениям писателя.

Ключевые слова: психологизм, приемы психологического анализа, тема эгоизма, параллелизм сюжетных линий, диалог, принцип контрастного оттенения, повторяющаяся деталь, речь, жест, мимика, знаковый символический эпизод.

В данной статье хотелось бы более подробно остановиться на теме эгоизма в романе «Униженные и оскорбленные», отметить приемы психологического анализа, с помощью которых автор раскрывает данную тему.

Проблема эгоизма занимает в романе центральное место и обозначена писателем с присущей ему философской и психологической глубиной. Причем проблему нравственного выбора, так или иначе, решает каждый из героев в различных жизненных ситуациях. Так выявляются характерные черты эгоистических стремлений и порывов личности и эпохи в целом.

Прежде всего, автор раскрывает эту тему на уровне *сюжетно-композиционном*. Композиционным стержнем является рассказчик Иван Петрович, начинающий писатель. Его первая повесть выступает критерием оценки нравственной позиции героев. Гуманизм произведения близок семье Ихменевых, которые готовы сопереживать бедным и обездоленным, но совершенно чужд князю Валковскому, который испытывает к «маленькому» человеку лишь презрение и неприязнь.

Образ рассказчика дал возможность Достоевскому вести повествование от третьего лица. Эта форма художественного повествования позволяет автору ввести читателя в мир глубоких внутренних переживаний

человека, сконцентрироваться на скоротечных психологических процессах, и, наоборот, лаконично сообщить о длительных событиях. Так, образ Наташи Ихменевой в романе изображен через призму ее психологического состояния. Автор заостряет внимание именно на внутренних переживаниях героини, бытовая сторона жизни отмечена мельком. Такая форма повествования также позволяет вводить в произведение большое количество персонажей и сконцентрироваться на психологических характеристиках личности.

Тема эгоизма углубляется и приобретает новое звучание в связи с использованием в романе двух *параллельных сюжетных линий*. Первая сюжетная линия – история семьи Ихменевых, олицетворение смирения перед драматическими событиями; другая – трагическая судьба Смитов, представляющая своего рода социальное ожесточение. В данном случае показателен эпизод, наблюдаемый рассказчиком Иваном Петровичем. Смит умирает при странных обстоятельствах: почти сразу после смерти собаки, с которой никогда не расставался. Достоевский как писатель-психолог наделяет образ животного символическим значением. Собака Азорка, ранее принадлежащая дочери Смита, воплощает в себе всю нерастратченную любовь старика к своей непрощенной дочери. Но если в первой сюжетной линии мы наблюдаем положительную динамику: Ихменев прощает Наташу, то вторая линия заканчивается трагично – отец умирает, так и не простив дочь.

В романе «Униженные и оскорбленные» представлены разнообразные проявления эгоистических стремлений: это и звериный эгоизм Валковского, и наивные представления Алеши и Кати. Наташа представляет эгоизм жертвенный, страдающий, этот же тип присущ Нелли, Ихменеву. Эгоизм страдания отчасти соотносится и с образом Ивана Петровича.

Итак, как уже было выше сказано, князь Валковский – носитель самого страшного – хищнического, цинического эгоизма. Достоевский никогда не дает сразу полную психологическую характеристику персонажа, дополняет его по мере движения действия. Так, сначала мы видим Валковского через призму впечатлений о нем Ихменева, очарованного им. Но даже в этом случае обращаем внимание на нечто отталкивающее в его натуре: «Князь однако же был не из любезных, особенно с теми, в ком не нуждался и кого считал хоть немного ниже себя» [1, с. 19].

Далее образ дополняется впечатлением о нем рассказчика. Достоевский заостряет внимание на внешней красоте князя Валковского. Признавая его почти красавцем, Иван Петрович в то же время отмечает, что его «лицо не производило приятного впечатления» [Там же, с. 101].

Рассказчик смог увидеть в нем что-то напускное, неестественное. Другими словами, он увидел маску. «Вглядываясь пристальнее, вы начинали подозревать под всегдашней маской что-то злое, хитрое и высочайшей степени эгоистическое» [1, с. 102]. Рассказчик вспоминает и о слухах, окружающих имя князя: «Говорили про него, что он – всегда такой приличный и изящный в обществе – любит иногда по ночам пьянствовать, напиваться как стелька и постоянно развратничать, гадко и таинственно развратничать» [Там же, с. 246]. По мере развития сюжета становится ясно, что внешняя красота и желание выглядеть достойно – напускное. Внутренние страсти эгоистической природы князь не способен скрыть. Мастерство писателя проявляется и в построении *диалогов*, с помощью которых «срывается» благочестивая маска, открывая всю суть звериной природы. Валковский, изысканный развратник, испытывает величайшее наслаждение, обнажая свое низменное начало, при этом он ставит слушателя в неловкое положение. Постепенно породистая внешность как бы «растворяется» в порочном внутреннем мире.

Используя психологический принцип *контрастного оттенения*, Достоевский внешней «красивостью» подчеркивает внутреннюю опустошенность Валковского. Таким образом, *повторяющаяся деталь* внешней красоты героя приводит к снижению образа.

Иной тип эгоизма, описанный в романе, – это эгоизм жертвенной любви, страдания, который присущ Наташе Ихменевои. Образ Наташи связан с понятием любви. Но если князь Валковский способен любить лишь себя и деньги, которые дают определенные привилегии в обществе, то Наташа готова любить избранника, не достойного ее чувства и не способного оценить его в полной мере в силу своей ветреной природы. Любовь эта необычна, она приносит душевные муки героине и мешает ей трезво оценивать происходящие события: Наташа становится глуха к страданиям своих родных и любящего ее Ивана Петровича.

Это необычное состояние («странная любовь») Наташи и Алеши раскрывается в диалогах. Достоевский тонко подает противоречивые чувства героини и как бы дает ей возможность излить душевные страдания единственно не отрекшемуся от нее Ивану Петровичу. Наташа, уязвленная в чувстве ветреным любовником, не гнушающимся измен, подсознательно хотела чувствовать себя выше него. И тем самым даже в этом ненормальном чувстве находила для себя радость возвыситься над ним и таким образом объяснить, почему она берегла эти отношения. Их чувства менее всего походили на любовь между мужчиной и женщиной, а скорее на взаимоотношения матери с сыном: «Я ужасно любила его прощать, <...> когда он оставлял меня одну, я хожу, бывало, по комнате,

мучаюсь, плачу, а сама иногда подумаю: чем виноватее он передо мной, тем ведь лучше... да» [1, с. 304].

Эгоистическое стремление Наташи поработить своего любимого ни к чему хорошему не приводит. Любовь невозможно удержать насильно и даже если бесконечно повторять: «– Он был мой <...> Почти с первой встречи с ним у меня появилось тогда непреодолимое желание, чтоб он был мой, поскорее мой, и чтоб он ни на кого не глядел, кроме меня, одной меня» [Там же, с. 303], любовь окажется там, где ей свободно и вольготно.

Эгоизм страдания характерен и для Николая Сергеевича Ихменева. Рассорившись с князем Валковским, услышав оскорбления в свой адрес, лишившись имения и, самое главное, потеряв дочь, старик замыкается в своем страдании. Достоевский тонко показывает причину такого поведения. Ихменев, обладая натурой доброй и искренней, быстро и глубоко привязывался к человеку, которого любил, и тем жесточе было для него разочарование, связанное с предательством близкого человека.

Ихменев не способен переступить через гордость и простить дочь. Старик, так сильно и вдохновенно любивший, теперь называет ее самыми грубыми словами. Страстная любовь приобрела уродливые очертания, сопровождаясь вспышками гнева обиженного отца: « – Прокляну! – кричал старик вдвое громче, чем прежде...» [Там же, с. 73]. Нервность движений, вскрикивания, дрожь – характерные проявления поведения Николая Сергеевича, свидетельствующие об его постоянном волнении, раздражении, боли, отчаянии, может быть, внутренней мыслительной работы. Речь героя изобилует проклятиями, гневными выкриками. Все это свидетельствует о неуравновешенном психическом состоянии.

В раскрытии образа Николая Сергеевича Ихменева Достоевский использует и такой прием психологического анализа, как *знаковый, символический эпизод*. Один из наиболее ярких изображен в сцене разговора Ихменева со своей женой и Иваном Петровичем. После злых проклятий, сказанных в адрес Наташи, Ихменев в поисках нужной бумаги рванул в нетерпении все, что было в кармане, и в эту минуту из него что-то выпало и звонко ударилось о стол. Это был медальон с портретом Наташи, некогда утерянный женой Ихменева. В одну секунду все стало ясно. Глубоко спрятанное чувство отца никуда не ушло, и наедине с самим собой он продолжал любить ее прежней любовью.

Чтобы заставить героя выйти из круга своих собственных переживаний, Достоевский с помощью рассказа Нелли о ее матери, проклятой стариком Смитом, пытается достучаться до его закрытого сердца. И это удалось – отец прощает дочь.

Таким образом, рассмотрение некоторых значимых элементов психологизма в романе «Униженные и оскорбленные» дает возможность более полно представить формирование системы психологического анализа в творчестве Ф.М. Достоевского. Роман является этапным («переходным») произведением, в котором нашли отражение многие характерные приметы художественного метода писателя. Это первое крупное произведение автора, которое позволило ему сделать уверенный шаг на пути к зрелому творчеству, утвердить некоторые принципы своей философии и проявить себя как тонкого психолога.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. М., 1982.

В.А. Киселева

Образ войны в лирике И. Бродского («Стихи о зимней кампании 1980-го года»)

В статье рассматривается система оценок войны как общественного явления и события в жизни личности в творчестве И. Бродского.

Ключевые слова: образ войны, мировосприятие, художественный образ, поэтический дискурс, И. Бродский.

Война для Бродского – это «крушение мира» [3, с. 53] и, как всякая подлинная трагедия, «событие автобиографическое» [2, с. 48]. Зима, пережитая им, полуторагодовалым ребенком, вместе с матерью в блокадном Ленинграде, эвакуация, с возвращением из которой связано «одно из самых ужасных воспоминаний детства» [3, с. 20], школьные годы на фоне ленинградских «фасадов в выбоинах от пуль и осколков» [2, с. 16] – все это не могло не повлиять на мировосприятие поэта, не найти выражения в его творчестве.

Упоминания о войне явным или скрытым образом присутствуют в огромной части произведений Бродского. Тема войны, военная

проблематика, система авторских оценок войны как общественного явления и события в жизни личности, идейно-художественное осмысление войны определяют драматический и трагический пафос многих его стихотворений. Поэт воссоздает и детали войны, и психологические портреты воинов и полководцев, и военные пейзажи. Значительное место в творчестве Бродского занимает военная лексика, тропы, построенные на ее основе.

Среди наиболее известных его произведений, посвященных войне, – «1 сентября 1939 года» (1967), «На смерть Жукова» (1974), «Каппадокция» (1990–1991). Мотив войны присутствует в таких его произведениях, как «Einem alten Architekten in Rom» (1964), «Речь о пролитом молоке» (1967), «1972 год» (1972), «Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» (1973), «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» (1974), «Мексиканский дивертисмент» (1975), «Колыбельная Трескового Мыса» (1975), «Узнаю этот ветер, налетающий на траву...» и «В городке, из которого смерть расползлась по школьной карте...» (оба стихотворения входят в цикл «Часть речи», 1975–1976), «Я позабыл тебя; но помню штукатурку...» (1993), «Посвящается Чехову» (1993), «В разгар холодной войны» (1994), «Меня упрекали во всем, кроме погоды...» (1994), «Корнелию Долабелле» (1995) и мн. др. «Стихи о зимней кампании 1980-го года» (1980) – одно из наиболее ярких воплощений образа войны в лирике Бродского.

Эпиграфом к этому произведению послужила начальная строка стихотворения Лермонтова «Сон» (1841). В ходе сопоставления двух текстов, объединенных общей темой и общим пафосом, обнаруживается, что абсолютно все образы и мотивы стихотворения Лермонтова присутствуют – как продолжение или преломление – у Бродского.

Центральным в произведении Лермонтова оказывается мотив жара, у Бродского – мотив холода. В первом случае дана цепочка образов «*полдневный жар*», «*солнце жгло*», «*жгло меня*»; во втором разворачивается следующий образный ряд: «*ясный морозный полдень*», «*распространяя холод*», «*снег лежит на вершинах*» и многое другое. Мотив холода в стихотворении Бродского звучит крайне настойчиво и напористо: «*оледенению рабства*» подвергаются не просто отдельные «*державы*», но весь «*глобус*». Примечательно присутствие в заключительной строке Лермонтова слова «*хладеющей*», в чем с определенной долей вероятности можно усмотреть один из литературных истоков мотива «холода/смерти» у Бродского.

По сравнению с лермонтовским шедевром, интонационно-образная система произведения Бродского выглядит намеренно сниженной

и приземленной, так что его «основное эмоциональное содержание <...> – ощущение отвращения» [5, с. 220]. Эпатирующе трансформирован, вульгаризирован образ женщины. Жесткой, снижающей трансформации подвергается и образ воина («человеческая свинина»). Преобразовывая известную метафору, автор сознательно не уточняет, живы ли те, кому было предназначено стать «мясом для пушек», или уже погибли. Профанируя образ воина, освященный традицией классической русской литературы, он лишает присутствующего на войне человека статуса не только героя, но и просто страдальца, претерпевающего боль. Автор таким образом доводит до логического завершения тему обезличения человека, заданную самой жизнью, в которой убийство является обыденным, допустимым, заурядным событием.

Обращает на себя внимание и структурная оформленность произведения. Если у Лермонтова повествование ведется от имени лирического «я» автора-персонажа, то у Бродского лирическое «я» трансформировано в «я / мы», в чем можно усмотреть стремление автора к большей объективности и беспристрастности.

Эта непредвзятость, отдаленность и сдержанность, как ни странно, совсем не означает того, что интонация автора совершенно лишена страсти. Напротив, парадоксальное и невозможное, казалось бы, сочетание этих противоположных подходов – единственный способ высказаться о явлении, оставаться равнодушным к которому просто нельзя: «Не знаю, какое еще из мировых событий произвело на меня такое впечатление. <...> Нарушение естественного порядка; вот что сводило с ума, помимо крови» [3, с. 55]. Рассмотрим, «как работает» [4, с. 8] эта поэтическая стратегия на примере первых четырех строк стихотворения.

Автор начинает свое произведение с позиции стороннего наблюдателя, беспристрастного исследователя, фиксирующего только факты и ничего более, первая его строка кажется выдержкой из труда по баллистике: *Скорость пули при низкой температуре...* Однако далее происходит резкая смена интонации – уже в начале второй строки прорывается живое и эмоциональное «*сильно*», соседствующее с пока еще нейтральным, обиходно-научным «*зависит*», а в третьей мы видим, как неодушевленный объект наблюдения, действующий по четким законам классической механики, наделяется сложным качеством одушевленного: скорость пули зависит «*от стремленья согреться*». Неодушевленная и несущая смерть пуля, орудие умерщвления, становится в восприятии автора живой. И это не просто антропоморфизм, это как раз тот случай, когда попытка теоретизировать оборачивается срывом, всплеском эмоций: объективность научной логики уступает место личностной подлинности чувства,

которая с каждой строкой становится все более очевидной, что и выражается, прежде всего, в выборе лексики.

Субъект речи не ограничивается наблюдением происходящего только с земли. Он следит за тем, что происходит на планете, еще и сверху, извне, из космоса («*Существуй на звездах / жизнь <...>, к рампе бы выбежал артиллерист, мигая*»; «*Шарик внизу, и на нем экватор*»). Это позволяет субъекту речи не отождествлять себя с принадлежащими какой-либо из воюющих сторон, так же как, впрочем, и с теми, кто сохраняет нейтралитет. Его стремление дистанцироваться, направившись вверх, связано не только с намерением лучше и яснее видеть происходящее, что позволило бы делать обобщения в масштабах всего земного шара, но и со стремлением покинуть пространство, в котором насилие и бесчеловечность не просто допустимы, но и обычны.

По мере того, как термины физики («*скорость*»), «*при низкой температуре*») сменяются терминами биологии, точнее, физиологии человека («*мускулатура*», «*торс*», «*переплетенья шеи*»), содержание поэтического дискурса выходит на уровень философско-антропологический. В произведении затронуты проблемы этнокультурного состава мира (здесь звучит распространенный не только в лирике, но и в эссеистике Бродского мотив противопоставления Европы и Азии), проблемы эволюции человека (автор изображает антитезу «общество времен неолитической революции»/«общество современное»). Тему собственно человеческого в произведении контрастно подчеркивает звучащая в этологическом ключе тема животного (автор создает образы животных, отдельные элементы поведения которых со- и противопоставлены поведению человека).

Особую масштабность изображаемому в стихотворении, масштабность не только пространственную, но и временную, придает произведению геологическая тема («*горы*», «*вершины*», «*склоны*», «*поля*», «*овраги*», «*суглинок*», «*камни*», «*грунт*»), с образным обозначением в ее пределах теплового баланса и циркуляции воздушных масс («*Север, пастух и сеятель гонит стадо/к морю, на юг, распространяя холод*»), круговорота влаги («*Снег лежит на вершинах; небесная кладовая/отпускает им в полдень сухой избыток*»), изменчивости теплового режима («*новое оледененье*»). Таким образом антропологическая тема существования и развития человечества перерастает в более широкую тему развития жизни на земле, развития Земли как таковой. Война на этой планете предстает в изображении Бродского явлением отвратительным и чудовищным, это «антропологическое преступление», «колоссальная эволюционная погрешность» [3, с. 56].

Усилению экспрессивности служит композиция произведения, в которой полностью отсутствует лермонтовская сюжетность: это монтаж последовательно сменяющих друг друга изображений, с фотографической точностью фиксирующий бесчеловечные реалии войны. Описанию самих военных действий посвящено всего несколько строк. Основной объем произведения – своеобразный постскрипtum, послесловие, изображение того, что наступает потом, что остается после войны: «Горы не двигаются, передавая / свою неподвижность телам убитых», «Над развалинами аула / ночь», «Праздный, никем не вдыхаемый больше воздух». В этом контексте трудно воспринимать войну как простое продолжение политики иными средствами: карательные функции, по Бродскому, не являются залогом успешности насильственного переустройства мира, они – лишь средство его разрушения, его окончательного расчеловечивания.

И все же, несмотря на ярко выраженный отрицающий пафос всего произведения, на его суровую реалистичность и натуралистическую откровенность, последние строки стихотворения жизнеутверждающи и мажорны, что выражает надежду автора на победу таких общечеловеческих ценностей, как ненасилие, свобода, разумность, мир и жизнь.

Библиографический список

1. Бродский И. Перемена Империи: Стихотворения (1960–1996). М., 2001.
2. Бродский И. Поклониться тени: Эссе. СПб., 2006.
3. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000.
4. Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе: Сб. ст. М., 2002.
5. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М., 2006.

Е.В. Папилова

Имагология как гуманитарная дисциплина

Статья посвящена одному из направлений сравнительного литературоведения (компаративистики) – имагологии. Особое внимание уделяется способам анализа образа «чужого» в произведениях художественной литературы.

Ключевые слова: имагология, сравнительное литературоведение, стереотипные представления, концепт «свои – чужие», образ «чужого».

Понятие «имагология» не так давно вошло в оборот гуманитарных наук. Слово происходит от латинского *imago* (изображение, образ, отражение). Имагология – научная дисциплина, имеющая предметом изучения образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта. Образ «чужого» изучается в имагологии как стереотип национального сознания, т.е. как устойчивое, эмоционально насыщенное, обобщенно-образное представление о «чужом», сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде. Из этого следует, что имагология не только раскрывает образ «чужого», но также, в связи с процессами рецепции и оценки, характеризует и сам воспринимающий субъект, т.е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей.

Имагология имеет междисциплинарный характер: ее источниками являются язык, культура (и массовая, и элитарная), различные виды искусства, литература, фольклор, данные семиотики, этнолингвистики, этнопсихологии, этнографии, этнологии, культурологии, истории, политологии и др. Изучая полученные из этих источников материалы, имагология стремится к их обобщению и выработке некой общей парадигмы рецепции «чужих» в пространстве того или иного национального сознания.

В свете того, что имагология междисциплинарна, можно, по-видимому, говорить, например, об исторической имагологии: ее источниками являются материалы национальной истории, архивные документы, мемуары, из которых можно почерпнуть сведения о том, как формировались и трансформировались представления одного народа о другом в ходе истории. Искусство, например, кино, также отражает представления о других культурах, но они содержатся в кинематографе. Образы «чужих», созданные в произведениях художественной литературы,

позволяют говорить о «художественной имагологии», которая осваивается сравнительным литературоведением.

В отличие от исторической имагологии, материал которой отличается высокой степенью достоверности, художественная имагология обладает достоверностью иного рода: литература при всей ее условности способна полнокровно, живо воссоздать атмосферу человеческих отношений, менталитет, характеры, речь, стереотипы обыденного сознания, сформированные в той или иной национальной или социальной среде. Вместе с тем художественная имагология требует междисциплинарного подхода, т.е. привлечения данных истории, культурологии, этнопсихологии, данных о национальном характере, образе жизни, поведении, обычаях, религии и т.п.

Вплотную к литературоведческой имагологии прилегает фольклорная имагология как дисциплина также филологического цикла. Источниками ее являются все жанры народного творчества (пословицы, поговорки, былины, исторические песни, сказки, обрядовость, анекдоты, частушки и др.). Являясь продуктом народного творчества, фольклор способен правдоподобно и непосредственно отражать бытующие в народе стереотипы массового сознания о чужестранцах. Таков, например, образ немца, формирующийся на основе русских пословиц о немцах, собранных В.И. Далем: *Немец хитер: обезьяну выдумал; У немца на все струмент есть; Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает)* [4, с. 196]. Образ немца, запечатленный в этих пословицах, создан на основе обобщенных представлений, исторически сложившихся в русском народном сознании.

Не менее продуктивно изучение языка в том же аспекте. Языковая картина мира в каждый исторический отрезок времени отражает стереотипы национального сознания, позволяя извлекать из нее имагологическую информацию.

Основопологающим для имагологии является концепт «свой – чужие», определяемый Ю.С. Степановым как «противопоставление, которое, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения, в том числе, конечно, и русского... Принцип “Свой” – “Чужие” разделяет семьи – нас и наших соседей, роды и кланы более архаичных обществ, религиозные секты... И уже вполне концептуально... отличает “свой народ” от “не своего”, “другого”, “чужого”» [11, с. 472]. Именно эта бинарная оппозиция положена в основу имагологии: «свое», родное (например, русское, российское) служит отправной точкой в восприятии и оценке всякого другого, чужого. Так, католический

Запад осознается русским религиозным сознанием оппозиционно по отношению к православной России.

Очевидно, образ «чужого» является архетипом. Под архетипом Юнг понимал «наиболее общий, фундаментальный и общечеловеческий мотив, изначальная схема представлений, лежащая в основе любых художественных структур» [1, с. 110]. Архетипы отражают коллективное бессознательное и составляют основу также художественных образов. Отнести к ним образ «чужого» позволяет набор признаков, присущих всякому архетипу (по классификации А.Ю. Большаковой): типологическая повторяемость, отвлеченность от конкретного материала, матричная функция (т.е. продуктивность с точки зрения воспроизводства на ее основе новых образов – вариантов основного протообразца), первичность в отношении произведенных модификаций, «наследственность» (т.е. передаваемость из поколения в поколение) [2, с. 47].

А.Ю. Большакова выделяет «бинарные» архетипы, такие как «движение – покой», «хаотичность – упорядоченность», «город – деревня», «жизнь – смерть» и т.д. Посредством их, считает автор, производится структурирование внешнего мира по методу оппозиций. Заложённая в бинарном архетипе «идея напряженного диалога антиномичных величин» во многом предопределяет строй человеческого мышления. К бинарным архетипам относится также концепт «свои – чужие», он структурирует внешний мир по методу оппозиции, составляя основу ималогогических исследований [2].

Вопросы отношения к «чужому» характеру, менталитету, культуре волновали человечество на протяжении всей его истории. Об этом свидетельствуют фольклор и художественная литература разных народов. Как отмечает Г. Гачев в книге «Ментальности народов мира», «для первобытного племени другие – это уже не “мы”, “нелюди”, часть природы. Еще в Древнем Египте семиты изображались белыми, негры черными, египтяне желтыми, ливийцы красно-коричневыми. Потом греки обнаружили куда большее число людей, на себя не похожих, и назвали их “этносы” (ἔθνος – народ, порода)» [3, с. 15]. Мифические представления о «других» отражались уже в раннем фольклоре. Из античных историков и философов, изучавших «другие» народы, можно назвать Страбона («География»), Геродота («История»), Платона («Государство», «Законы»). Географические открытия, путешествия, торговля, войны, межнациональные контакты способствовали «узнаванию» народами друг друга. Например, в России источником таких знаний стало «Путешествие за три моря» Афанасия Никитина. В средневековую Русь информация о «чужом» поступала также через царских посланников (например, записки Андрея

Курбского, назначенного Иваном IV воеводой в Дерпт, дабы уберечь православие от протестантизма, распространенного в Ливонии). В эпоху Петра I число контактов с иностранцами резко возросло: путевые записки, доклады, донесения русских (Б.И. Куракина, А.М. Апраксина, П.А. Толстого, Б.П. Шереметева) демонстрируют серьезный интерес к разным граням западной культуры.

В эпоху Просвещения распространению знаний о «чужих» народах особенно способствовал литературный жанр путешествий. В России этому жанру отдали дань Е.Р. Дашкова («Путешествие русской дворянки», 1775), Д.И. Фонвизин («Письма из Франции», 1777–1778), Н.М. Карамзин («Письма русского путешественника», 1791–1792). Исследуя литературу путешествий, О. Кулишкина назвала этот жанр «травелогом», т.е. «тематизирующим идею “открытия новых пространств” (пересечения границ, столкновения “своего” и “чужого”)» [6, с. 230]. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский называли эту модель русских травелогов «паломнической» [7, с. 561]. Позднее жанр путешествий развивали А.И. Герцен («Письма из Франции и Италии», 1847–1852), Ф.М. Достоевский («Зимние заметки о летних впечатлениях» 1863), Н.Я. Данилевский («Россия и Европа» 1869) и др.

Романтизм, как известно, проявил углубленный интерес к национальному самосознанию народа, к самобытности национальной культуры и литературы, к *color local*, к национальному языку и фольклору. Об этом писали Гердер («Голоса народов в песнях», 1779), Гете («Общие размышления о мировой литературе», 1830) и др. Создавая образы персонажей других национальностей (вспомним тему Крыма, цыган и молдован у Пушкина, малоросов у Гоголя, горцев Кавказа у Лермонтова и т.д.), художественная литература этого периода отразила стереотипы других культур, уже сложившиеся в народном сознании. В эпоху постромантизма (у Толстого, Тургенева) подобные темы национальной жизни получили конкретно-историческую трактовку.

Как научная дисциплина литературоведческая имагология начала оформляться в конце XIX в., и только в конце XX в. возник термин «имагология». Большинство исследователей полагает, что эта дисциплина зародилась во Франции и первоначально объектом ее внимания были в основном художественные образы народов соседних стран. Интенсивное развитие литературоведческой имагологии падает на вторую половину XX в.

Болгарский исследователь А. Дима в книге «Принципы сравнительного литературоведения» пишет: «Изучение межлитературных контактных связей и факторов, выступающих в роли посредников, – знание иностранных

языков, книгообмен, знакомство с журналами и газетами, деятельность кружков и салонов, переводы, адаптации и переработки, влияние и источники – приводит к накоплению огромного материала, с помощью которого можно воссоздать – целиком или частично – синтетический образ различных народов в той или иной литературе мира» [5, с. 148]. А. Дима еще не называет эту сферу знаний имагологией, но речь идет именно о ней. Автор замечает, что «исследования, посвященные “национальным типам” и их отражению в разнообразных формах культуры» стали особенно практиковаться в 60–70-е гг. XX в., и прежде всего – во Франции. Отмечая, что отражение «национального типа» в литературе в силу ее специфики не может быть исчерпывающим, он в то же время подчеркивает особую выразительность и убеждающую силу, присущие художественному слову. А. Дима уверен, что представления о той или иной стране не могут быть раз и навсегда данными, они исторически подвижны. Изменяемость их во времени обусловлена самыми разными факторами – процессами политического, социального, экономического, культурного свойства. На создаваемый в литературе образ какой-либо страны влияет также, помимо названных факторов, наличие либо отсутствие опыта личного пребывания автора в стране, жанровые традиции и многое другое. Все это, отмечает А. Дима, «обязывает нас с крайней тщательностью подходить к портрету той или иной страны в литературе» [Там же].

Французский исследователь И. Шеврель в книге «Сравнительное литературоведение» называет имагологию актуальным направлением современной компаративистики, системно изучающим представления одного народа о другом [13, с. 7]. На основе анализа широкого круга источников – книг путешествий, романов, критических эссе о писателях и др. – ученый разграничивает понятия «рецепция» и «влияние», отмечая, что в сфере имагологических исследований первое практически вытеснило второе, поскольку рецепция более связана с процессом коллективного восприятия (и потому более соответствует духу имагологии), тогда как влияние – индивидуально (так, по его мнению, можно говорить о рецепции немецких романтиков во Франции или о влиянии лишь одного из них, Э.Т.А. Гофмана). Однако его толкование названных понятий достаточно дискуссионно.

Польская исследовательница М. Швидерска пишет, что возникновение литературоведческой имагологии связано с именем ученого-компаративиста Ж.-М. Мура, с опорой на герменевтическую феноменологию Поля Рикера. «По мнению Ж.-М. Мура, общественная фантазия способствует созданию культурно-опосредованных образов “чужого” в литературе, которые имеют идеологический или утопический характер. В тексте

эти образы исполняют либо интегрирующую роль (как идеология), либо (как утопия) роль субверсивную, разрушающую данную группу, нацию или культуру» [15, с. 115]. Основываясь на этих теоретических предпосылках, М. Швидерска определяет литературоведческую имагологию как «герменевтический метод интерпретации (“объяснения”) “глубинной семантики” (Поль Рикер) феномена культурного, национального или этнического “чужого”, проявляющегося в мире художественных текстов» [Там же]. В теоретической главе работы рассмотрены терминологически-методологические концепции феномена «чужого».

Анализируя образ Польши в произведениях Достоевского, Швидерска объясняет негативный характер стереотипного образа поляка в творчестве писателя идеологическими и религиозными причинами: собственная православная культура олицетворяла для Достоевского все положительное, доброе, сакральное, а чужая культура «латинской» католической Польши – напротив, все чуждое, враждебное и профанное.

В Германии Хуго Дизеринк в работе «Компаративистская имагология. О политической значимости литературоведения в Европе» (1988) выдвигает мысль о том, что имагология имеет важную гуманитарную функцию – способствует узнаванию народами друг друга в сложном мультинациональном европейском пространстве [14, с. 13].

Поскольку имагология имеет свой предмет и обладает методологией исследования, ее следует признать автономной дисциплиной. Об этом свидетельствует более чем вековая ее история: уже к середине XX в. она понималась как перспективная отрасль компаративистики. Среди ученых, внесших большой вклад в ее развитие, Дизеринк называет М.-Ф. Гияра, Рене Уэллека и других, констатируя широкое распространение имагологии в США и Европе. Активное развитие этой научной отрасли связано, по мнению В.Б. Земскова, с «изучением Советского Союза в США и в Германии, что объяснимо в первом случае – глобальным соперничеством двух сверхдержав, во втором случае – подспудно тлевшим конфликтом в разделенной после 1945 года Германии. В этих странах имагология возникла как ответвление от традиционных дисциплин – русистики и советологии» [12]. В России вопросы рецепции одной нацией другой стали предметом таких научных работ, как, например, «Запад и Восток в зеркале друг друга» (редактор Лев Копелев, ФРГ), «Двести лет вместе» А.И. Солженицына. В литературоведческую имагологию внесли большой вклад А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Г.Н. Пospelов, М.П. Алексеев, Л.Н. Гумилев, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев и др.

Литературоведение пока не располагает устойчивым общепринятым понятийным аппаратом. Для обозначения единиц, выражающих

в художественных текстах представление о «чужом», нет закреплённых на практике терминов, совокупность таких единиц не систематизирована. Отдельные авторы прибегают к использованию своей собственной терминологии. Так, исследуя образ Польши в творчестве Ф.М. Достоевского, М. Швидерска для обозначения понятий «образ», «имаготип», «миф чужого» использует термин «имаготема» (Imagotheme). В «имаготеме» автор выделяет составные элементы – «имагемы» (Imagem), к которым относятся все «польские» персонажи в произведениях Достоевского, а также любые упоминания из области польской истории и культуры [15, с. 117].

В литературном произведении главную роль в создании образа чужой страны и прежде всего представления о чужом национальном характере играют персонажи-иностранцы, носители «чужого» менталитета и культуры. Например, черкешенка и татарка Бела у Лермонтова, цыганка Земфира и полька Мария в «Борисе Годунове» Пушкина, украинцы Тарас Бульба, Солоха, кузнец Вакула у Гоголя, немцы Тузенбах («Три сестры» Чехова) и муж Елены («Белая гвардия») Булгакова. Степень раскрытия персонажа-иностранца может быть разной – от концептуализированного изображения его характера до простого упоминания о нем. О концептуализированном подходе писателя к создаваемому им образу можно говорить постольку, поскольку изображаемая личность персонажа (характер, «живой» человек) выступает в контексте произведения как художественного целого. Например, Германн в «Пиковой даме» Пушкина, Штольц в «Обломове» Гончарова, Инсаров в «Накануне», Лемм в «Дворянском гнезде» Тургенева.

«Живые» герои – не единственный источник формирования образа «чужого» в литературе. Очень часто стереотипные представления о «другой» нации в тексте художественного произведения содержатся в высказываниях героев. В «Пиковой даме» Томский говорит: *«Германн немец: он расчётлив!»* Они возникают также в ходе сюжета, создаются посредством предметных подробностей и стилистическими средствами – сравнениями, лексикой, тропами и т.п. Элементы (способы) построения образа другой нации очень разнообразны, поэтому художественный текст представляет собой многоуровневый объект имагологического исследования. Объём материала такого исследования может варьироваться. Так, можно говорить об образе чужестранца (другой страны) в отдельном произведении конкретного автора, в творчестве писателя в целом, в национальной художественной литературе определённого периода или национальной литературе в целом, и даже – в мировой художественной литературе.

Например, подытоживая исследование образа России и русских в английской литературе IX–XIX вв., Н.П. Михальская выделяет следующие

основные его элементы: идею величины/величия страны (огромные размеры, окружена огромным морем). Представление о стране, несметно богатой продуктами, товарами, людьми, «могучими» в своем единстве и множестве (семейное начало, «пчелиный рой»), способными, «воспламенившись гневом», одерживать победы, проявить военное могущество. Блеск и роскошь царского двора (концептуализированными персонажами выступают чаще всего русские монархи, реже – обобщенные образы крестьян) резко контрастирует с нищетой народа, его рабской покорностью и бесправием. «Цивилизованным» английским путешественником простой русский человек чаще всего воспринимается как «дикарь-варвар» (иногда – лживый, иногда – прямодушный), пристрастный к пьянству. На протяжении веков сохраняется характеристика благозвучности и богатства русского языка. Неизменным символом остается представление о русской зиме (холод, снег, мороз). Атрибуты России в восприятии англичан – икона и топор. Животные, более всего ассоциируемые с Россией, – «свирепый бурый (русский) медведь», под стать характеру русского человека, и волк. Каждый из этих элементов подается в превосходной форме: страна не просто большая, но огромная, богатство – несметное, нищета – невиданная, рабство – полное, власть – абсолютная, мороз – ужасный, жизнь – суровая... [8, с. 145].

Образ страны, народа может формироваться также иносказательными средствами. «Своеобразной метафорой, развернутой в широком политическом, социологическом и эстетическом контексте для обозначения удивительного сплава в русском национальном характере элитарного европейского и национального крестьянского», Н.А. Соловьева назвала сцену, в которой Наташа Ростова пускается в русский танец («Война и мир» Л.Н. Толстого) [10, с. 333]. Смысл этой метафоры – в отражении двойкой структуры «русскости» в металитете дворянства XIX в.: сочетание в нем европейской ориентированности (в плане светской культуры, языка общения, стиля мышления) и чувства национальной принадлежности, т.е. сочетание открытости западному влиянию и сохранения русской идентичности. Наташин танец – как бы «диалог культур» (аристократической и крестьянской) внутри одной русской культуры и между двумя – русской и европейской.

Стереотипные представления одного народа о другом могут быть константными (сохраняющимися неизменными на протяжении долгого времени) или исторически нестабильными, что связано, как правило, с изменением характера межэтнических отношений. Так, в начале XIX в., как пишет А.П. Садохин, Европа считала немцев (и они сами разделяли это мнение) «непрактичным народом, склонным к философии,

музыке, поэзии и малоспособными к технике и предпринимательству. Но произошел промышленный переворот в Германии – и этот стереотип стал анахронизмом» [9, с. 147]. Представление о бережливости, аккуратности, расчетливости немцев более постоянно. В художественном произведении один и тот же стереотип может иметь разный ценностный смысл. Например, расчетливость Германна имеет трагические последствия, а расчетливость ремесленника Шиллера («Невский проспект» Гоголя) – источник комизма.

Таким образом, в основе стереотипизирования лежит исторический опыт народа – опыт взаимодействия с той или иной нацией. Фактором, побуждающим к познанию и оценке всякого «чужого», «другой» культуры, часто является удивление перед непривычным, незнакомым. В условиях глобализации культуры вопрос о путях возникновения стереотипных представлений о «чужестранце», представителе той или иной нации, и о трансформации этих стереотипов – истинных и ложных – в массовом сознании стоит очень остро. Развитие имагологии связано с необходимостью способствовать взаимопониманию между народами и имеет определенную гуманитарную цель.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 110.
2. Большакова А.Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 47–53.
3. Гачев Г. Ментальности народов мира. М., 2008.
4. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2009.
5. Дима А. Образ иностранца в различных национальных литературах // Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. С. 148–153.
6. Кулишкина О. «Свое» и «чужое» в русском травелоге конца XVIII–XIX века (Фонвизин, Карамзин, Достоевский) // Константы национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков / Под ред. Р. Нойхель, Ф. Клар, Э. Шоре. М., 2010. С. 230–237.
7. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры» // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С.
8. Михальская Н.П. Опыт структурно-семантического анализа // Образ России в художественной литературе IX–XIX вв. М., 1995. С. 145–149.
9. Садохин А.П. Этнология. М., 2000.
10. Соловьева Н. Метафора в истории литературы как форма диалога двух культур. Английский взгляд на «Наташин танец» // Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 332–352.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

12. Земсков В.Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. Литературоведение. 2006. № 1. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binn_rubrik_pl_articles=246 (дата обращения: 10.11.2012).
13. Chevrel I. La litterature comparee. Paris. 2006 .
14. Dyserinck H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13–33.
15. Schwiderska M. Das literarische Werk F.M.Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. Muenchen, 2001.

М.А. Петрова

Ретроспекция как способ построения лирического сюжета в поэзии С.А. Есенина: мотив воспоминаний

Автор анализирует ряд стихотворений С.А. Есенина с целью выявления художественной специфики мотивной структуры его поэзии. Исследователь обращается к ретроспекции как характерному способу построения есенинского поэтического текста и вводит в оборот новое научное понятие – «ретроспективный идиллический хронотоп». Делаются выводы о многоплановости ретроспективной сферы есенинского текста, о сквозном, лейтмотивном характере темы воспоминаний в поэзии С.А. Есенина.

Ключевые слова: лирика, лирический герой, литературный жанр, ретроспекция, мотив воспоминаний, ретроспективный идиллический хронотоп.

Ретроспекция (от лат. *retro* – назад и *specio* – смотрю) как обращение человека к прошлому, изучение уже прошедших событий, как мысленное их выстраивание в определенный временной ряд является характерным

способом построения художественной структуры текста С. Есенина. Ретроспективная направленность находит свое яркое и доминирующее выражение в мотивном комплексе его поэтических произведений, в первую очередь – в мотиве воспоминаний.

В отечественной литературоведческой науке существует немало различных определений термина «мотив». Так, Д.Д. Благой в «Литературной энциклопедии», вышедшей в 1925 г. при жизни Есенина, отмечал, что мотив – это «основное психологическое или образное зерно, которое лежит в основе каждого художественного произведения» [1, т. 1, стб. 466]. Л.М. Щемелева с соавторами рассматривает мотив как «устойчивый смысловой элемент лит<ературного> текста, повторяющийся в пределах ряда фольклорных (где мотив означает минимальную единицу сюжетосложения) и лит<ературно>-худож<ественных> произв<едений>» [5, с. 290]. Мы будем придерживаться именно этого определения, понимая под мотивом «устойчивый смысловой элемент художественного текста» [6, с. 71].

Для русской литературы первой четверти XX в. характерно использование многообразных мотивов, причем нередко они тяготеют к обозначению на уровне жанров. Как отметила Л.В. Чернец, «сохранившаяся и в новой литературе традиция *авторских жанровых обозначений* указывает на то, что жанровые категории продолжают оставаться живой реальностью сознания многих писателей и читателей» [7, с. 6]. При этом для литературы этого периода характерны «канонизация и введение в круг художественной литературы *бытовых речевых жанров*» [4, с. 13]. Именно в силу этих обстоятельств рассмотрение мотива воспоминаний в творчестве С.А. Есенина является актуальным, оно позволяет выявить творческое использование поэтом традиций отечественной поэзии.

Мотив воспоминаний является одним из важнейших в лирике С.А. Есенина. С ним связаны важнейшие тематические линии его творчества: память деревенского детства («Мой путь»), ностальгия по уходящей юности и угасшей любви («Не бродить, не мять в кустах багряных...»), тоска по Родине («Персидские мотивы») и отчужденности («Снежная замять дробится и колется...»). Мотивом воспоминаний о разрушенных устоях русской деревни пронизан ключевой концепт образного мира Есенина – «Русь уходящая» и особый тип пространственно-временных отношений в его творчестве, который можно назвать *ретроспективным идиллическим хронотопом*. Мотив воспоминаний характерен для творчества поэта разных периодов: от первых ученических опытов до произведений зрелого мастера.

В качестве примера приведем фрагмент стихотворения «Воспоминание» («За окном, у ворот...»), созданного Есениным в годы учебы

в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе (1911–1912 гг.). Здесь наблюдается творческое использование Есениным фольклорных традиций, для которых характерно обращение к жизненному опыту старшего поколения. Воспоминания такого человека становятся не только размышлениями о прожитой жизни, но и способствуют передаче традиций житейской мудрости людям более молодым и в силу этого не обладающим еще столь разносторонним знанием жизни.

*За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
Юность вспоминает.*

*«Эх, была-де пора,
Жил, тоски не зная,
Лишь кутил да гулял,
Песни распевая.*

*А теперь что за жизнь?
В тоске изнываю
И порой о тех днях
С грустью вспоминаю. <...>» [3, т. 4, с. 11].*

Слова старика – это воспоминания об ушедшей молодости, которую уже не вернуть. Как писала современница Есенина В. Дынник, «результаты событий, смысл происходящего лежат для автора воспоминаний в прошлом» [2, т. 1, стб. 151]. Именно поэтому автор использует здесь слова «тоска» и «грусть».

Явственно звучит в рассматриваемом произведении и характерная для раннего есенинского творчества тема примирения с естественным ходом жизненного цикла, который присущ и природе, и человеку:

*Ну и что ж, покорюсь, –
Видно, моя доля.
Придет им тоже час
Старческого горя [3, т. 4, с. 12].*

Позднее это чувство естественного жизненного и природного круговорота выкристаллизуется в знаменитую есенинскую формулу:

*Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть [Там же, т. 1, с. 164].*

Лирический герой уже самых ранних есенинских стихотворений понимает: молодость и у следующих поколений сменится старостью. Напоминает о быстротечности человеческой жизни и пейзаж. Зима, как умирание

природы, соотносится в произведении со старостью и предчувствием скорой кончины:

*За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
С грустью засыпает* [3, т. 4, с. 12].

С темой смерти связан мотив воспоминаний и в другом раннем стихотворении Есенина – «Исповедь самоубийцы», но в нем речь идет не о естественном, а о *преждевременном* уходе – вследствие душевной трагедии, переживаемой лирическим героем:

*Я видел пролитую кровь
И проклял веру и любовь.
Я выпил кубок свой до дна,
Душа отравой полна.
И вот я гасну в тишине,
Но пред кончиной легче мне* [Там же, с. 47].

В конце жизни, переживаемой сквозь призму сознания угасающего старика и юного самоубийцы, человек вспоминает прожитые годы, оценивает их, подводя итоги. В рассмотренных произведениях эта оценка негативная, люди не удовлетворены своей жизнью, которая завершается, переполняя их душу чувствами тоски и безысходной печали.

В отличие от ранней лирики, где воспоминания приписывались «сторонним» персонажам, в той или иной степени дистанцированным от авторского «я», в зрелом есенинском творчестве воспоминания свойственны самому лирическому герою. Теперь уже у него есть собственный жизненный опыт, а воспоминания позволяют сопоставить происходящие события с тем, что осталось в памяти. Вводя в стихотворение разные временные пласты, автор раскрывает эволюцию лирического героя, показывает многомерность бытия.

Стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...» напоминает пушкинский «свиток» воспоминаний, развертываемый на глазах лирического героя. Оно наполнено философскими раздумьями и размышлениями о жизни человека, о ее радостях и о горестях. Разные временные слои соединяет между собой в этом стихотворении уже выявленный нами ранее ретроспективный идиллический хронотоп. Воспоминание о прошлом соотносится со счастливым сном, ведь сон в образной системе Есенина и есть ожившая память:

*Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне* [Там же, т. 1, с. 163].

Ретроспекция как способ построения лирического сюжета придает есенинской поэзии черты автобиографического повествования. Например, лирический герой стихотворения «Воспоминание» («Теперь октябрь не тот...») размышляет о времени революционных преобразований, сопоставляя с прошедшими годами нынешнее время.

А в стихотворении «О муза, друг мой гибкий...» (1917) воспоминания позволяют воскресить в памяти эпизоды участия поэта в литературной жизни эпохи:

*О мед воспоминаний!
О звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.*

*Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.
Теперь мы стали зрелей
И весом тяжелей...
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей [3, т. 1, с. 135].*

В наибольшей степени черты автобиографизма проявились в маленькой поэме Есенина «Мой путь» (1924), также пронизанной ретроспективной направленностью и памятью о своих родословных корнях:

*Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя,
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущение детских лет [Там же, т. 2, с. 159].*

В «Руси советской» (1924) воспоминания связаны с приездом поэта в родное село, «в котором не был восемь лет». Прошедшие годы связаны с утратами («На переключке дружбы многих нет»), с изменениями в жизни родины – «края осиротелого»:

*А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют. <...>*

*С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол [3, т. 2, с. 94, 96].*

Сопоставление воспоминаний о прошлом с картиной новой жизни села позволяет посредством художественной антитезы показать произошедшие изменения.

В «Руси уходящей» воспоминания помогают оценить прошлое. Автор сопоставляет его с современными событиями и с позиций сегодняшнего дня оценивает былое:

*Но все ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золотоканое цветенье [Там же, с. 103].*

Жизнь дала поэту многообразные впечатления, она обогатила его человеческий опыт. Благодаря этому возникает возможность сопоставления и сравнения. Отсутствие воспоминаний означает для поэта преждевременное старение души, вызывает чувство горького разочарования и ощущение напрасно прожитой жизни:

*А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею [Там же, с. 105].*

По мысли лирического героя, воспоминания обогащают жизнь, делают ее насыщенной и цельной.

Отметим, что сам Есенин был не сторонним наблюдателем, а активным участником совершавшихся преобразований. Об этом свидетельствуют как факты его биографии, так и «большая» поэма «Анна Снегина», воспевающая благодатное духовно-творческое значение воспоминаний для человеческой души:

*Далекие, милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас [Там же, т. 3, с. 164].*

Как видим, ретроспективная сфера мотивной структуры есенинской лирики весьма многопланова. «Опрокинутость» в прошлое, идеализация деревенской старины, «Руси уходящей» у Есенина, как и у других поэтов новокрестьянской плеяды, имеют мировоззренческие корни. На эту основу у Есенина наслаивается и один из ключевых исповедальных лейтмотивов его лирики – воспоминания об ушедшей юности, имеющий

глубоко личный контекст и вместе с тем – богатую фольклорно-литературную традицию.

В ряде случаев, отмеченных в статье, лирическое воспоминание трансформируется в особую жанровую структуру, самостоятельный характер которой подчеркнут самим названием произведения: «Воспоминание» (1911–1912) и «Воспоминание» (1918).

Яркой художественной реализацией мотива воспоминаний способствует *автобиографизм* есенинской лирики. Включенность Есенина в водоворот эпохальных событий придает мотиву воспоминаний в его творчестве историческую достоверность, психологическую убедительность, естественный драматизм.

Библиографический список

1. Благой Д. Мотив // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.–Л., 1925.
2. Дынник В. Воспоминания // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.–Л., 1925.
3. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1996.
4. Жанр и жанровая система в русской литературе конца XIX – начала XX века / Бройтман С.Н., Магомедова Д.М., Приходько И.С. и др. // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза / Под ред. В. Келдыша, В. Полонского. М., 2009.
5. Мотивы поэзии Лермонтова / Щемелева Л.М., Коровин В.И., Песков А.М. и др. // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981. С. 290–312.
6. Томашевский Б.В. Поэтика. М., 1996.
7. Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М., 1982.

С.В. Рудакова

Стихотворение
«Еще, как патриарх, не древен я...»
в контексте книги «Сумерки»
Е.А. Боратынского

В статье представлен анализ различных трактовок стихотворения «Еще, как патриарх, не древен я...». Автор статьи предлагает также свою интерпретацию этого стихотворения, опираясь на контекст книги «Сумерки», явившей собой реализованное стремление автора расширить содержание отдельного стихотворения.

Ключевые слова: Е.А. Баратынский, Е.А. Боратынский, книга стихов «Сумерки», античное, христианское, лирический герой.

«Сумерки» Е.А. Боратынского¹ являют собой первую в русской литературе итоговую книгу стихов. Во всех произведениях своей книги автор касается проблем вечных, общечеловеческих, либо погружая читателя непосредственно в процесс размышлений лирического героя «Сумерек», Поэта, либо знакомя с абстрагированной мыслью, которая, тем не менее, пропускается через сознание лирического героя и воплощается автором в объективных образах.

Впервые в русской поэзии именно в «Сумерках» стихотворения объединяются не по жанровому, не по тематическому и не по хронологическому принципу – общим оказывается угол зрения, та степень высоты обобщения, на которой находится поэт, та общая идея, которая разворачивается автором через совокупность всех поэтических образов сборника.

«Сумерки» являют собой реализацию желания поэта расширить содержание, вкладываемое в отдельно взятое стихотворение. Боратынский с самого начала стремится придать большую глубину и завершенность

¹ Дворянская фамилия поэта Боратынского – Боратынский. Первые его стихотворения и сборник 1827 г. готовили к печати друзья, на слух они восприняли его фамилию как Баратынский. Сам Евгений Абрамович не стал выступать против такого написания, и «Баратынский» стал его своеобразным псевдонимом. Но последнее свое произведение – книгу стихов «Сумерки» – поэт готовил к печати сам, и вывел на обложке фамилию Боратынский. Последние свои стихотворения он подписывал так же. Потому для автора статьи этот факт (воля поэта) стал более значимым, чем частотность использования формы «Баратынский».

каждому поэтическому произведению, входящего в состав книги стихов. Но, с другой стороны, пытается все свои творения объединить в некое целое, ведь мысль конкретного поэтического произведения продолжает развиваться и за пределами этого текста.

Вслед за О.В. Мирошниковой мы рассматриваем стихотворение, попадающее в книгу Боратынского, как художественный текст, чей первичный художественный смыслообраз одновременно и «сужается» под влиянием «контекстовых ассоциативных переключек», «становясь более конкретным и направленным на развитие определенной темы, стиля», и «расширяется», обретая ассоциативный ореол книжного многозначия [8, с. 61].

В книге стихов «Сумерки», явившей собой реализованное стремление автора расширить содержание отдельного стихотворения, главным становится человек как представитель рода человеческого. Но если раньше человек воспринимался центром, вокруг которого все вращалось, и через себя лирический герой Боратынского этот мир познавал и проверял, то ныне он осознает, что он – только часть, при том небольшая, данной действительности.

Лирический сюжет «Сумерек» Боратынского соотносится с развитием мысли лирического героя (Поэта), движение которой имеет неоднолинейный характер: она то развивает предыдущую, то отталкивается от нее, оказываясь ей противоположна. Боратынскому в его книге стихов удастся выявить динамику изменений мира, общества, сознания отдельного человека – Поэта, который становится некой «лакусовой бумажкой» общего состояния мира.

Стихотворение «Еще, как патриарх, не древен я» можно отнести к числу антологических произведений, широко представленных в «Сумерках» Е.А. Боратынского, что связано с желанием его лирического героя, проникнув в прошлое и познав его, понять настоящее и заглянуть в будущее.

Существующие интерпретации этого произведения иногда абсолютно друг другу противоположны.

Так, Е.Н. Лебедев, анализируя «Еще, как патриарх, не древен я...», пришел к выводу, что это «стихотворение, в котором художественно схвачена как раз ситуация псевдопонимания поэта окружающими. Прекрасная девушка потянулась непорочной своей душой к Последнему Поэту, смутно ощущая в нем нечто недоступное остальным (быть может, ту самую мысль, которая, “как дева юная, темна для невнимательного света”). Однако же он чувствует, что сам-то еще не вполне овладел исчерпывающим знанием о мире (ему так же, как “бедному духу”, не дано “постигать тайны мира”). <...>

Но хотя здесь Последний Поэт, вновь встретив непонимание, не омрачился, а даже как бы просветлел душою, факт остается фактом: живое, плодотворное общение с людьми опять не состоялось» [4, с. 168].

Р. Фигут усматривает в этом произведении «поэтико-автобиографическое выражение "Я" циклического субъекта», утверждая, что «говорящее Я обращается с эротическими намерениями к молоденькой девушке», что это «любовное послание стареющего поэта молодой красивой женщине» [10, с. 25, 30].

А. Машевский, размышляя об идейно-тематическом своеобразии стихотворения Боратынского, приходит к следующим выводам: «Ничего тут, в этом мире, не способно изменить мысль, творческий поиск, искусство. Благодатна иная доля – возможность просто жить, просто цвести румяными днями молодости. Здесь опять возникает тема золотого безмыслия, бестревожного счастья незнания. Именно на него благословляет поэт "деву красоты"» [7, с. 11].

Самый развернутый анализ стихотворения Боратынского предложила Н.Н. Мазур, акцентируя основное внимание на образе девы-розы, ибо «сравнение девы с розой является сюжетообразующим» [6, с. 362]. Она выявила широчайший литературный контекст – от античных источников до текстов современников поэта как русской, так и французской литературы, на который опирался автор, создавая свое произведение. Н.Н. Мазур предлагает «разглядеть в "деве красоты" поэзию или Музу» [Там же, с. 368]. Все проанализированные примеры из древней и современной европейской поэзии позволяют исследовательнице прийти к следующему заключению: «При таком прочтении "Еще, как патриарх не древен я..." становится в один ряд с другими мнимо-"летучими" стихами "Сумерек", скрывающими за комплиментарным или эпиграмматическим фасадом проблематику совершенно иного рода: в полумадригале-полуэпиталаме мы угадываем вариацию вечной для поэзии темы "нет, я не весь умру...". Не равный годами патриарху Державину, не претендующий на звание богоизбранного поэта-пророка (Пушкин?), Баратынский вслед за Дельвигом пишет свое поэтическое завещание, ориентируясь не на Горация, а на Сапфо, и благословляет свою Музу неувядаемой розой поэзии в залог нового расцвета – поры "румяных дней и доли благодатной"» [6, с. 376].

В 2007 г. Д.М. Хитрова [11, с. 331–344] предложила свою версию интерпретации стихотворения Боратынского, в которой исходным моментом стала известная история, произошедшая с митрополитом Платоном Левшиним: «Если б вы узнали нашего Архиепископа, то полюбили бы его до безумия <...>. Он называется Платоном, и преимущественнее того, кого именовали божественным. Что он Платон человеческий,

доказывает мне то, что вчера, выходя из сада, княгиня Голицына подошла к нему под благословение, а он сорвал розу, благословил ею княгиню и отдал ей оную» [3, с. 152–153], – а также обстоятельства участия Е.А. Боратынского в свадьбе Марфы Платовой и Дмитрия Голицына. Исследовательница, рассматривая текст Боратынского сначала в проекции на карамзинистскую традицию «поэзии на случай», выявляет в нем черты свадебного мадригала и великосветского анекдота, а затем обнаруживает, что в своем стихотворении «Баратынский сочетает отсылки к сочинениям Дмитриева, ”усвоившего нашей литературе легкость и грацию французской поэзии” [5, с. 398], и ”громкого” Державина, самого известного автора ”духовных стихотворений”» [11, с. 342].

На наш взгляд, глубже всех удалось проникнуть в сложный и многомерный мир стихотворения Боратынского именно Н.Н. Мазур. Но, как нам представляется, не все грани этого крайне противоречивого стихотворения освещены.

*Еще, как патриарх, не древен я; моей
Главы не умастил таинственный елей:
Непосвященных рук бездарно возложенье!
И я даю тебе мое благословенье
Во знаменье ином, о дева красоты!
Под этой розою главой склонись, о ты,
Подобие цветов царицы ароматной,
В залог румяных дней и доли благодатной [1, с. 194].*

Весь поэтический текст Боратынского пронизан грустной иронией. И не сразу понятно, кто является объектом скрытой насмешки – то ли сам Поэт, лирический герой «Сумерек», то ли девушка, неразрывно в контексте произведения связанная с образом розы, то ли Муза (или поэзия), очертания которой угадываются за образом «цветов царицы», то ли сама жизнь.

Амбивалентность сознания Боратынского в этом стихотворении проявилась ярче всего. Как и в «Ахилле», в произведении «Еще, как патриарх, не древен я...» пересекаются две традиции – античная (антологическая) и христианская, которые не только не конфликтуют меж собой, но друг друга обогащают.

Можно предположить, что из введенных в состав «Сумерек» антологических стихотворений это произведение отличается наибольшей пластичностью, живописностью, т.е. ему свойственны качества, которые современники Боратынского считали самыми важными чертами антологических текстов. Показательны в этом плане высказывания В.Г. Белинского: «Содержание антологических стихотворений может браться

из всех сфер жизни, а не из одной греческой: только тон и формы их должны быть запечатлены эллинским духом. <...> поэт может вносить в антологическую поэзию содержание нового и, следовательно, чуждого классицизму мира, лишь бы только мог выразить его в рельефном и замкнутом образе, этими волнистыми, как струи мрамора, стихами, с этой печатью виртуозности, которая была принадлежностью только древнего резца» [2, с. 258–259]. Об этих же свойствах антологических произведений в послесловии к своим «Греческим стихотворениям» в 1850 г. размышлял Николай Щербина: «В антологическом роде поэзии мы привыкли большею частию видеть скульптурное или живописное начало, перенесенное в средства слова, где не только созерцание, но и самая простая мысль становится изваянием, картиной; разумеется, мысль, по содержанию своему способная воплотиться в такую форму. Антропоморфизм греков в их религии, обожание силы, способностей и внешней красоты человека сделали в их искусстве скульптурное начало преобладающим» [12, с. 93].

Боратынскому удалось соединить практически несоединимое – пластичность, выразительность образов, пришедших из древности, и мышление современного человека, в котором соединилась христианская картина мира и неверие скептика. Прошлое и современность у Боратынского в этом произведении не только не вступают друг с другом в конфликт, они как будто друг в друге растворяются.

Мы видим, что первая часть стихотворения полна слов, пришедших из мира христианского – «патриарх», «умастил», «елей», «рук... возложение», «благословенье», во второй же широко представлена традиционная антологическая лексика – «о дева красоты», «розою», «цветов царицы», «залог румяных дней», «доли благодатной».

Используя прием отрицания, Боратынский как будто принижает своего лирического героя: *Ещё, как патриарх, не древен я; моей / Главы не умастил таинственный елей*. И дело здесь не только в его возрасте. Соединив в одном двустишии такие понятия, как «патриарх» и «елей», Поэт сознательно исключил различие трактовок этих понятий, ибо сведенные вместе два эти слова вызвали в сознании современников Боратынского, знающих христианскую культуру и историю, образ знаменитого библейского ветхозаветного Давида.

В христианской мифологии есть история, в которой рассказывается, как пророк Самуил по велению бога Яхве еще при жизни Саула сам помазал на царство юношу Давида, младшего отпрыска незначительной пастушеской семьи (1 Цар, 16: 1–13). Потому образ Давида часто предстает как мессия, т.е. помазанник божий, богоизбранный. Помазание

воспринимается как подтверждение богоизбранности и соотносится не только самим Давидом, но проецируется вообще на царскую власть у евреев, а затем и на христианский обряд оформления монархии через помазание елеем. Кроме того, закрепилась традиция рассматривать Давида и как музыканта, поэта: именно ему приписывают создание Псалмов. Так, в 22 Псалме Давида звучит обращение Давида к Богу: «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена», а в 88 Псалме сам Бог говорит о Царе Давиде: «Я обрел Давида, раба Моего, святым елеем Моим помазал его. <...> И истина Моя и милость Моя с ним, и Моим именем возвысится рог его».

Используя двойное отрицание, Последний Поэт подчеркивает свою непохожесть на этого древнего богоизбранного поэта, воина, царя. И получается, если в предшествующем в «Сумерках» стихотворении «Сначала мысль, воплощена...» лирический герой возвышает мир поэзии и себя, с нею непосредственно связанного, то в этом произведении, сохраняя коленапреклоненное отношение к миру поэтическому, поэт осуждает себя, с горькой иронией признавая, что он, как выясняется, мало чем отличается от тех, кого высмеивал, показывая духовную несостоятельность. Он такой же, упивающийся своею властью, но на самом деле ее не имеющий: «Непосвященных рук бездарно возложено!»

Однако в этих же строках усматривается и иной смысл, который нам подсказывает одно слово – «еще». Богоизбранность Последнего Поэта, в отличие от других людей, живущих с ним в одно время, – это данность, но не все еще самим Поэтом познано, открыто, как следствие, абсолютного погружение в таинство мира Поэзии еще не произошло. Путь Поэта продолжается. А значит, впереди его ждет миропомазание, пережитое когда-то библейскими пророками, после которого им открывалось то, что было недоступно сознанию обычных людей, им сообщались дары премудрости (Пс CIV, 15; 1 Пар XVI, 22; 3 Цар XIX, 16). А потому слова Поэта «*Еще <...> моей / Главы не умастил таинственный елей*» свидетельствуют о предчувствии им пути избранника, о понимании того, что он должен стать помазанником божьим и пройти обряд посвящения на служение высшему миру и людям, обряд, который и будет сопровождаться помазанием елеем, символизирующим сохранность, прочность, приобщенность Духу Святому.

Хотя ряд исследователей (и Н.Н. Мазур, и Д.М. Хитрова) усматривает в тексте Боратынского свадебно-венчальные мотивы, на наш взгляд, все же они не явлены как очевидные в данном произведении. Намек на эти мотивы слишком размыт. Благословенье деве красоты и характеристика ее будущего («залог румяных дней»), на наш взгляд, не выводят на

ситуацию свадьбы. Скорее, в этих строках выражается надежда Поэта на торжество вечной красоты, молодости и творчества.

Сравнение девы с розой, определяющее поэтическую картину стихотворения Боратынского «Еще, как патриарх, не древен я...», оказывается созвучно в чем-то с предшествующим текстом «Сумерек» («Сначала мысль, воплощена...»), где Поэтом было использовано иное сравнение – дева и мысль. Два эти текста, сопоставленные меж собой, рожают еще одну, более сложную метафору: дева – мысль – роза. В центре, как видим, оказывается «мысль», которая может быть соотнесена прежде всего с пространством поэзии.

Связанная с розой мысль в сознании читателей могла родить многие ассоциации, но всего ближе для Боратынского было две параллели – с Сафо, упоминавшейся еще в «Последнем поэте», а потом представшей и в стихотворении «Всегда и в пурпуре и в злате», и с Дельвигом, боль утраты которого не оставляла Боратынского и спустя годы после смерти друга. Н.Н. Мазур в своей работе приводит несколько примеров текстов этой древнегреческой поэтессы, в которых ярко, необычно представлена роза [6, с. 369–372], ставшая в более поздние века очень популярным образом, таящим в себе множество различных смыслов; упоминает исследовательница и тот факт, что именно с Сафо связывали определение розы как царицы цветов. Когда мы говорим об А.А. Дельвиге, вспоминаются и его идиллии, и антологические стихотворения, где частым гостем были «розы». Неслучайно одно из известных посвящений Дельвигу А.С. Пушкина строится на использовании именно данного образа:

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?

В веке железном, скажи, кто золотой угадал?

Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?

Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши! (1829 г.) [9, с. 113].

Прошлое и настоящее, давно ушедший поэт и поэт, недавно покинувший мир, в этом стихотворении Боратынского удивительным образом оказываются связаны. И звеном, их соединяющим, становится Поэт, ныне здравствующий, ощущающий свою избранность, но еще не прошедший все этапы обряда посвящения. Он воздает дань уважения тем, кто несет с собою в мир красоту и юность. Благословляя на вечную юность, он сам будто оказывается под властью таинства, что свершает. Потому двойственность собственного положения его не тяготит: да, он пока еще человек, наделенный необычным даром, но он уже ощущает близость к вечному, божественному. В отличие от ситуации, описанной в стихотворении «Недоносок», где сознание «бедного духа» разрывалось между небом и землей, земным миром и миром духов, или от обстоятельств, в которых

оказался лирический герой в стихотворении «На что вы, дни!», когда его душа стала существовать как будто отдельно от тела, в произведении «Еще, как патриарх, не древен я...» Последний Поэт испытывает восторг от жизни, от присутствия рядом юности, красоты. Он устремлен в будущее, скепсис, ранее разьедающий его душу, его сознание, как будто исчезает. «Живая вера» дает свои первые восходы. Пока он играет в «патриарха», благословляющего красотой (розою) красоту (деву красоты), но он уже осознает величие этого момента, а значит, его потенциальные возможности скоро откроются и окажутся востребованы.

Библиографический список

1. Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М.; Л. 1955. Т. 5.
3. Де Линь: Письма и мысли маршала принца де Линь, изданные в свет баронессою Стаэль Голстеин. М., 1809. Ч. 1. 152–153.
4. Лебедев Е.Н. Тризна. Книга о Е.А. Боратынском. М., 1985.
5. Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. М., 1998.
6. Мазур Н.Н. Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария. Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 345–378.
7. Машевский А. Вопросы Баратынского // Литература. Прилож. к газете «Первое сентября». 2002. № 14. С. 8–12.
8. Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика. Омск, 2004.
9. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1963. Т. 3.
10. Фигур Р. Субъективное и несубъективное в циклическом субъекте «Сумерек» Е.А. Боратынского // Логос. 2001. № 3. С. 19–39.
11. Хитрова Д. Ода как мадригал: к описанию одного стихотворения Баратынского // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 331–344.
12. Щербина Н. Греческие стихотворения. Одесса, 1850.

А.В. Щербитко

Тема и образ книги в романе Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту»

Данная статья посвящена ключевой теме романа Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» – книге, которая является символом, воплощающим идею традиционных человеческих ценностей, разума и духа. Особое внимание обращено описанию Р. Брэдбери книги как вещественного предмета и образу «люди-книги».

Ключевые слова: образ книги, роман-антиутопия, массовая культура, одномерный человек, литературная традиция.

Прошрое тысячелетие, тесно связанное с массовой культурой, стало эпохой «одионочества среди толпы» (Рисмен), поэтому книга, с ее традиционной близостью к человеку, с особыми «интимными узами между автором и его читателем» [6, с. 8], с возможностью через нее «познавать мир индивидуально, вне коллективного сознания общины» [8, с. 15], оказалась так важна. По сравнению с агрессивными способами воздействия на сознание (реклама, телевидение, радио, интернет, регулирование потребления), книга не довлееет над человеком, только он «ее властелин» [2, с. 265]. Кроме того, на фоне беспредметного мира симулякров книга оказалась хранилищем смыслов. Поэтому проблема необходимости дальнейшего существования книг раскрывается во многих созданных в XX в. антиутопиях, где книга выступает «главным символом прошлого, теперь отрицаемого, ... главным символом всех старых ценностей» [12, р. 101].

Особенно полно тема книги раскрывается в романе-антиутопии Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту» («Fahrenheit 451», 1953). Его сюжет строится на том, что государство запрещает чтение и предписывает уничтожение книг, а тот, кто их читает, объявляется сумасшедшим. Тема книги в романе тесно связана с феноменом и символическим значением книги, важностью книги для человека и поэтому соприкасается с вечными темами человеческого бытия и сознания. Тема книги в романе связана с процессом постижения героем самого себя через любовь к другим людям, выход из отчуждения, катализатором которому способны послужить книги. Поэтому их образ в романе раскрывается с различных сторон.

Книга в романе – главный враг тоталитарного государства по нескольким причинам. Для Брэдбери она является символом сомнений, сомнения же – это пребывание в нестабильности, пробуждающее интеллект,

способность мыслить [9]. Поэтому книга – опасный инструмент, могущий противостоять массовости сознания и, следовательно, способный разрушить цельность псевдо-счастливого общества, созданного государством. Кроме того, книга – символ традиции, связи с прошлым, «одно из вместилищ, где мы храним то, что боимся забыть», которые «показывают нам поры жизни» [2, с. 264], сложный мир человеческой души.

Любовь к книгам самого писателя позволила ему создать этот роман о книгах¹ (написанный, кстати, в подвале библиотеки), заполненный не только цитатами из Библии, многих литературных произведений, разговорами о книгах, но и самим видом книг, их описанием. В романе важно не только отношение к книжной культуре, содержание книги, особое значение имеет и книга как вещественный предмет, форма выражения: «книги пахнут мускатным орехом или еще какими-то пряностями из далеких заморских стран» [Там же, с. 263]. Брэдбери метафорически связывает образ книги с голубем – контрастно белым по сравнению с черным пеплом сгорающего мира, шелестящим крыльями-страницами, или с птицами вообще: «Журналы падали, словно подбитые птицы, а женщина стояла среди этих мертвых тел», «книга, как белый голубь, трепеща крыльями, послушно опустилась прямо ему в руки» [Там же, с. 227–228]. И это не случайно: птицы – символы души человеческой, нечто, принадлежащее небу, миру духа, связь неба и земли.

Именно через книги главный герой находит путь к своему новому Я. Ведь вначале пожарник Гай Монтэг – типичный человек массового общества. Он точно выполняет предписания, не задумываясь о причинах и последствиях. Он не способен чувствовать, почти не способен мыслить. Но часть сознания Монтэга не удовлетворена работой и жизнью в подобном обществе преследования и потребления и своей ролью. Почти неосознанно он совершает преступление – крадет на пожаре книги и пробует их читать. Однако его ум долго продолжает походить на сито, через которое течет, не задерживаясь, песок (смысл прочитанного), ведь сам Монтэг уже оторван от традиции постижения текста. Учителем Монтэга становится профессор Фабер, та самая «семиотическая личность», которая, как считал Лотман, нужна для появления новой «семиотической личности», «читатель, хранящий в памяти некоторые предшествующие сообщения» [7, с. 28]. Ведь жизнь книги как одной из сторон круга коммуникации связана с носителем традиции, памяти, знаний.

¹ Как писал Вл. Гаков, это произведение само – символический образ романа автора с книгой [4, с. 291].

Наиболее ярким воплощением такого образа в романе становятся представители контрастного массам меньшинства – люди-книги. Брэдбери создает этот метафорический образ, отчасти прибегая к народной мудрости («ходячая энциклопедия»). Люди-книги – это людское сообщество, чье предназначение – «сохранить знания» [2, с. 323]. Образ людей-книг в романе предстает как полная оппозиция образу представителей большинства – пожарных. Ведь, как говорит предводитель людей-книг, «мы тоже сжигаем книги. <...> Лучше все хранить в голове, где никто ничего не увидит, ничего не заподозрит. Все мы – обрывки и кусочки истории, литературы, международного права» [Там же, с. 323]. Брэдбери осуществляет в романе «идею книги без фактов ее производства» [12, р. 103], ведь книги реализуются наиболее полно в самих людях. Благодаря мыслям, заключенным в книгах, люди-книги надеются помочь человечеству прервать историческую традицию, по которой одно поколение печатает, а другое – сжигает.

Люди-книги – мощный и оригинальный образ Брэдбери (своеобразное переосмысление евангельского образа «Слово стало плотью»), в них в полной мере проявляются надежды писателя на мирное преобразование жизни: люди-книги – не духовные лидеры, а «всего лишь обложки книг» [2, с. 324].

Но в романе присутствует и традиционный образ книги – книги бумажной, которую уничтожает огнем само человечество (отсюда – название романа). Хотя в то же время писатель указывает на сакральную связь человека и книги, особенно важную в эпоху информационной агрессии и новых технологий тем, что книгу «можно победить силой разума» [Там же, с. 265], тогда как мир новой информационной реальности «мнет вас, как глину, и формирует вас по своему желанию» [Там же]. Стены в виде телевизионных экранов – часть массовой культуры, оппозиционной культуре человеческого духа и мысли, символом которых являются книги. Поэтому книга в романе – это камень преткновения и выбора. Отношением к книгам проверяется то, к какому «лагерю» принадлежат герои романа – к мыслящему меньшинству или бездуховному большинству.

Книга для массовой культуры – «заряженное ружье» и паутина слов, ведь иногда это сила более серьезна, чем любые медиа-средства. Книга способна показать неисправимую катастрофу мира и жизни человека тем, что включает и стимулирует его сознание. Для Брэдбери важно, что книги не только вместилища информации, что они способны не только научить, а зывают к душе человека, оживляют ее. В них проявляется надмирная природа человека, его высшее духовное естество – способность к творчеству, созданию мира. За каждой из книг стоит человек, не

сразу понимает Монтэг, поэтому уничтожение книг равно самоуничтожению (отсюда в романе Феникс как символ человечества). А видимое разногласие книг, подчеркиваемое Битти, – это всего лишь разнообразие, возможность узнать разные точки зрения и найти свою. Человек не должен слепо повиноваться книгам, как и велениям общества. Ведь книги сами по себе не идеальные ценности. Если их содержание несет зло, то это «устрашающий бастион, таящий в себе смертные приговоры, ... перечень поражений, ... нагромождение войн, склок, депрессий, эпидемий, этот водоворот кошмаров, эти катакомбы бреда и головоломных лабиринтов, которые бьются, ища выход и не находя его» [1, с. 417]. Книга может быть вместилищем кошмарных идей, носителем зла. Однако Брэдбери настаивает на сохранении любой книги, ведь каждая – артефакт истории и культуры человечества. По мнению философа Ортеги-и-Гассета, «сущность человека заключается в его истории и, стало быть, всякое пренебрежение историей самоубийственно. Беспамятство, безразличие к прошлому приводит... к возвращению варварства» [10].

Уничтожение книг во все времена человеческой истории выявляет нетерпение инакомыслия, ведь это не только практический, но и символический акт порывания с традицией, с определенным учением, отрицание знания, воспринимаемого как ложное, «своего рода лекарство» [6, с. 219]. Ведь в книге особенно ясным становится власть слова, логоса. Поэтому и в романе книга наделяется остротой скальпеля, взрезая оболочку бесчувственности и замкнутости на себе «одномерного человека». Книга, как говорит одна из подруг Милдред, «ранит душу» словами, проникающими через панцирь душевного сна. И извечный выбор между таким спокойствием и мятежностью знания оказывается выбором между причастностью к божественному и жизнью животного.

Роман Брэдбери наглядно показывает механизм воздействия на человека книги, этого «предела совершенства в сфере воображаемого» [Там же, с. 9]. В книжной культуре проявляется не только прошлое, но и величие человечества, способность человека к богоравному делу – творчеству. Книги никогда не утрачивают актуальности – ведь человеческая природа, о которой написаны лучшие из них, неизменна в любой век, даже в век техники. В эпоху всеобщей разобщенности, духовного одиночества, когда человек словно бы «посторонний» для всего мира, книга оказывается другом, собеседником, зеркалом и хранилищем ценностей и отличных друг от друга точек зрения. Книга способна помочь найти себя в мире массового сознания, научить не бояться быть в меньшинстве. По слову И. Бродского, литература учит «частности человеческого существования» [3, с. 7–8]. Книга раскрывает человеку не только мир, но

и себя, «помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных» [3, с. 9]. Книги тем и опасны для массового и тоталитарного общества, что они открывают горизонт. Поэтому в романе Брэдбери книги под таким строгим запретом – ведь чем «богаче эстетический опыт индивидуума, тем тверже его вкус, тем он свободнее» [Там же, с. 11]. И именно поэтому вся история человечества связана с уничтожением книг, «как будто книги и свобода слова, символом которой они сразу же стали, породили такое же количество цензоров» [6, с. 10].

Однако в настоящее время книги не нужно сжигать или запрещать – главная опасность живет в самих людях, все меньше ими интересующихся. Ведь наиболее опасно не давление извне – опасность таится в сознании человека, в латентном нежелании думать, расти, сознавать себя существом надмирного порядка. «В нашем обществе книг больше не жгут по приказу Гитлера или святой инквизиции. Их делают бесполезными, их удушают изображениями, звуками, предметами», – писал Фр. Трюффо, создатель кинофильма по роману Брэдбери [цит. по: 11]. Поэтому так актуален и важен роман «451° по Фаренгейту», в котором книга является доминантной темой, помогающей постижению человека, раскрывающей его сознание. Образ книги в романе насыщен смыслами, символическим наполнением, в конечном счете, связанными с библейской и христианской образностью и символизмом, включающими текст романа в круг высочайшей организации, сильнейшей смысловой наполненности. Образ книги восходит к своему первообразу – Книге книг, Библии, делая человека читающего носителем высочайшей духовной культуры. Книга в романе Брэдбери как особая смысловая спираль закручивает вокруг себя сюжет и персонажей, так что роман становится редким случаем «книги о книгах». А книга в настоящее время, как и всегда – это, как сказал великий Виктор Гюго, «обетованное убежище для мысли на случай нового всемирного потопа, нового нашествия варваров» [5, с. 335].

Библиографический список

1. Брэдбери Р. Смерть – дело одинокое: Роман. М.; СПб., 2009.
2. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту // Брэдбери Р. Марсианские хроники: Сб. М., 2002. С. 197–334.
3. Бродский И. Власть стихий: эссе. СПб., 2010.
4. Гаков В. Побег из детства. Жизнь и книги Рэя Брэдбери // Брэдбери Р. Д. Избр. соч.: В 3 т. Т. 3. Что-то страшное грядет: Роман. Канун Всех святых: Повесть. М., 1992. С. 272–302.

5. Гюго В. Собор парижской богородицы // Гюго В. Собр. соч.: В 6 т. Т. I. М., 1988.
6. Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! / Пер. с франц. СПб., 2010.
7. Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Т. I. Ст. по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М., 2005.
9. Ортега-и-Гассет Х. Сомнение и верование. – «Пучина сомнений». – Место идей. // Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ortega_Idea/03.php (дата обращения: 28.10.2011).
10. Ортега-и-Гассет Х. Человеческая неблагодарность и нагая реальность // Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ortega_Idea/05.php (дата обращения: 28.10.2011).
11. Ханютин Ю.М. Реальность фантастического мира: Проблемы западной фантастики. Выдержка из книги. URL: <http://raybradbury.ru/articles/f451-hanutin/> (дата обращения: 28.10.2011).
12. Touponce W. Ray Bradbury and the Poetics of Reverie: Fantasy, Science Fiction, and the Reader. UMI Research Press, 1984.

Лю Ди

Средства достижения прагмасемантической эквивалентности при переводе русского деепричастия на китайский язык

В данной статье исследуется проблема эквивалентного перевода русского деепричастия на китайский язык. Анализ языковых средств китайского языка, используемых для перевода деепричастия, произведен с учетом степени их прагмасемантической эквивалентности.

Ключевые слова: деепричастие, семантика, прагматика, стилистика, перевод, китайский язык, средство выражения, эквивалентность.

Деепричастие как сложный грамматический феномен традиционно вызывает трудности при переводе его на китайский язык, в котором не существует единой категории, соответствующей этому классу слов. Между тем деепричастие – это лингвистический феномен, обладающий целым рядом грамматических и прагматических особенностей. Средства китайского языка, используемые для перевода деепричастия, по-разному передают его семантику и стилистические свойства. В данной статье мы проанализируем степень прагмасемантической эквивалентности средств китайского языка, используемых для перевода деепричастия, опираясь на современные лингвистические исследования, характеризующие конститутивные признаки этой категории.

I. Двойственность грамматических характеристик деепричастия.

Общепринято мнение о том, что деепричастие обладает признаками глагола и наречия. К глагольным признакам относятся: 1) лексическое значение производящего глагола; 2) грамматические признаки: вид, глагольное управление, переходность/непереходность,

возвратность/невозвратность, залоговые значения, таксис (относительное время). К наречным: 1) неизменяемость (деепричастие примыкает к тому слову, от которого зависит); 2) синтаксическая функция – обстоятельство (образа действия, причины, времени, условия и др.).

Из перечисляемых признаков видно, что к отличительным признакам деепричастий следует отнести обстоятельственную синтаксическую функцию, которая осуществляется с опорой на глагольную семантику, и таксис, поскольку остальные признаки могут отражаться и передаваться «основой» производящего деепричастия глагола. По нашим наблюдениям, в подавляющем большинстве случаев перевод деепричастия на китайский язык осуществляется с помощью китайского глагола, поэтому мы предлагаем, что анализ значения обстоятельства и таксиса является центральной задачей в осмыслении эквивалентного перевода деепричастий.

II. Синтаксические связи и функции.

Двоякая природа деепричастия приводит к тому, что оно может вступать в два разных типа грамматических отношений – подчинительные и сочинительные. В случае, когда лексические значения деепричастия и глагола-сказуемого семантически не связаны друг с другом, два предиката находятся в сочинительных отношениях и демонстрируют перечислительные и сопоставительно-противительные значения. Подчинительные отношения деепричастия, по наблюдениям О.М. Чупашевой, в предложении также неоднородны: они могут проявляться в примыкании и полупредикативности. Примыкание обусловлено наречной характеристикой деепричастия, а полупредикативность – глагольной. Под полупредикативностью деепричастия понимается одновременное подчинение и подлежащему, и сказуемому [6, с. 18]. В словосочетании деепричастие примыкает к главному слову, как правило, выраженному глаголом, существительным или прилагательным, и в этом случае в предложении оно выполняет роль второстепенного члена – обстоятельства. В рамках этой категории большинство грамматических значений деепричастий имеет парадигму, т.е. предложение с деепричастием может превращаться в предложение с союзом, в результате чего деепричастие четко проявляет обстоятельное значение (иногда сочинительное), что принципиально важно для перевода.

Китайские языковые средства, используемые для передачи подобных отношений, бывают трех типов.

1. *Формально-семантический тип, передающий сочинительные и подчинительные отношения.* В его состав входят три средства:

– конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + структурное вспомогательное слово «地» + глагол (глагольное словосочетание)», передающая значение образа и способа действия. Например: *Что-то*

случилось? – спросила мать, как бы придерживая сердце рукой. – Что он... там? (Алек., Третий в пятом ряду) “出了什么事啦? 母亲提心吊胆地问道, “他在学校...惹什么祸了?”¹

- конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + видо-временное вспомогательное слово «着», «了», «过» + глагол (глагольное словосочетание)», передающая временное значение и значение образа и способа действия. Например: – *Ну, разумеется!* – воскликнул офицер, усмехаясь. – *Здесь – опытный человек...* (Горьк., Мать) “哼, 那还用说!” 军官冷笑着大声说。“这里有个老手...”;
- союзное сложное предложение, передающее все значения деепричастия, кроме значения образа и способа действия, значения присоединения. Например: *Со дня на день надо было ожидать приезда земского суда для описи имущества, которое он просрочил, увлекшись различными новыми хозяйственными предприятиями.* (Л. Толст., Утро помещика) 他还得随时准备地方法院来人登记他的财产, 因为他热衷与经营各种新企业, 过期没有付押款。

Особенностью этих средств является то, что статус второстепенных членов в них определяется материально выраженными показателями: вспомогательными словами и союзами.

2. *Функционально-семантический тип, передающий сочинительные и подчинительные отношения.* К нему принадлежит два средства, для которых характерно отсутствие вспомогательных слов: обстоятельство-центрально-словосочетание (чжун дун дуань юй) и соединенно-предикативное словосочетание (лянь дун дуань юй), которые являются элементами функционально-семантической системы современного китайского языка. *Обстоятельство-центрально-словосочетание* – один из типов атрибутивно-центральных словосочетаний (пянь чжэн дуань юй), в которых слова функционально строятся по модели «атрибутивное (зависимое) слово + центральное (главное) слово». Атрибутивное и центральное слова могут являться глаголами (глагольными словосочетаниями), выполняющими синтаксические функции соответственно обстоятельства и сказуемого. В этом случае глагол (глагольное словосочетание) служит обстоятельством, которое передает только значение образа/способа действия по отношению к главному глаголу (глагольному словосочетанию). В доказательство можно привести следующий пример: *乘黑夜逃走* *уйти, пользуясь темной ночью* [4, с. 782].

¹ Большая часть примеров перевода русских предложений на китайский язык, использованных в данной работе, взята из «Русско-китайского словаря для переводчиков художественной литературы» [9].

Параллельно с атрибутивно-центрными словосочетаниями в китайском языке существуют *соединенно-предикативные словосочетания*. Они характеризуются наличием 2 или более предикатов, следующих друг за другом без фонетической паузы и без союза [11, с. 48], например: «*выйти* (с какой целью?) *погулять*», «*идти в горы* (зачем?) *собрать травы*». Такое словосочетание образуется по модели «глагол (глагольное словосочетание) + глагол (глагольное словосочетание)», в котором один глагол (глагольное словосочетание) передает значение цели, причины, времени, образа/способа действия, перечисления по отношению к другому глаголу (глагольному словосочетанию). В отличие от формально-семантического типа, эти средства не имеют материально выраженных показателей, в их выделении следует опираться на функцию, выполняемую элементами, косвенно выражающими семантику обстоятельства.

3. *Аналитико-семантический тип, служащий для передачи сочинительных и подчинительных отношений*. Этот тип представлен сложными бессоюзными предложениями. Хотя в китайской лингвистике бессоюзное предложение не рассматривается как самостоятельный тип сложных предложений, оно является фактом языка и по своей структурно-семантической организации напоминает русское бессоюзное сложное предложение. По сравнению с двумя вышеописанными языковыми средствами, используемыми для передачи подчинительных и сочинительных отношений деепричастий, бессоюзное сложное предложение характеризуется «непрозрачностью», что обусловлено семантической и интонационной природой объединения его частей. В результате смысловые отношения между частями бессоюзного сложного предложения «нередко характеризуются многозначностью, диффузностью семантики, зыбкостью границ между различными значениями» [3, с. 575]. Таким образом, бессоюзное сложное предложение может передавать все типы грамматических значений деепричастий.

При переводе деепричастия следует учитывать, что, кроме сказуемого, оно связано с подлежащим, которое обозначает субъект основного предиката, подчиняющего данное деепричастие как второстепенное сказуемое. Для передачи полупредикатности деепричастия в китайском языке используются конструкции без вспомогательных слов: обстоятельственно-центрные словосочетания и соединенно-предикативные словосочетания, а также конструкции со вспомогательными словами: «глагол (глагольное словосочетание) + структурное вспомогательное слово «地» + глагол (глагольное словосочетание)», «глагол (глагольное словосочетание) + видо-временное вспомогательное слово «着», «了», «过» + глагол (глагольное словосочетание)». Они служат для передачи комплексного сказуемого в простых предложениях. В этом случае слово (иногда

и вспомогательное слово), передающее деепричастие, потенциально связывается с подлежащим, потому что в простом предложении нет другого субъекта: отправитель второстепенного предиката обязательно является единственным подлежащим в предложении. Например: 老木匠不眨眼儿地等在车门旁。[11, с. 67]. Букв.: *Старый плотник, не мигая глазами, ждет у двери машины.* Здесь невозможно описывать другого субъекта, не мигающего глазами.

Если же конструкция с деепричастием переводится сложным предложением, то эта глагольная форма передается сказуемым придаточной части, где есть свое подлежащее, которое в то же время представляет собой подлежащее главного сказуемого.

III. Однозначность или многозначность.

Возможность включения деепричастий в контексте в одну парадигму (единственная соотносительность) или в несколько парадигм (множественная соотносительность) свидетельствует о наличии у них либо одного, либо нескольких значений соответственно, это позволяет разграничить определенную (дифференцированную) и неопределенную (недифференцированную) грамматическую семантику деепричастий.

Китайские языковые средства передачи определенности/неопределенности можно поделить на два вида. *Категория определенности* оформляется с помощью обстоятельственно-центральных словосочетаний (без вспомогательных слов), конструкций, построенных по модели «глагол (глагольное словосочетание) + структурное вспомогательное слово «地» + глагол (глагольное словосочетание)», «глагол (глагольное словосочетание) + глагол (глагольное словосочетание)», «глагол (глагольное словосочетание) + глагол (глагольное словосочетание) + глагол (глагольное словосочетание)» и союзных сложных предложений. Они обладают разными возможностями для выражения однозначности деепричастия. Обстоятельственно-центральное словосочетание (без вспомогательных слов) передает семантическую определенность в соответствии с нормами китайского языка, а в конструкциях «глагол (глагольное словосочетание) + структурное вспомогательное слово «地» + глагол (глагольное словосочетание)», «глагол (глагольное словосочетание) + глагол (глагольное словосочетание) + глагол (глагольное словосочетание) + глагол (глагольное словосочетание)» и союзном сложном предложении вспомогательные слова и союзы грамматизируют придаточное предложение, призванное передать семантику деепричастия, и блокируют появление у него других значений.

Категория неопределенности передается соединенно-предикативными словосочетаниями (без вспомогательных слов) и бессоюзными сложными предложениями. Первый тип служит для передачи какого-либо обстоятельственного значения с дополнительным оттенком перечислительности.

Нечеткость семантических отношений между частями бессоюзного сложного предложения приводит к тому, что это средство способно выражать любое обстоятельственное значение, а также их комплекс.

IV. Имплицитность и эксплицитность.

В зависимости от способа передачи семантики второстепенного сказуемого они могут быть разделены на эксплицитные и имплицитные. Этот признак определяется не семантикой деепричастия, а характером средств китайского языка, используемых для его передачи.

К *эксплицитным средствам* относятся: конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + структурное вспомогательное слово «地» + глагол (глагольное словосочетание)», конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + видо-временное вспомогательное слово «着», «了», «过» + глагол (глагольное словосочетание)», союзное сложное предложение. В этих конструкциях показателями экспликации второстепенного сказуемого служат либо вспомогательные слова, либо союзы. Весьма условно их можно назвать «суффиксами» деепричастия.

К *имплицитным* относятся остальные средства. Их грамматическое значение образуется или в соответствии с нормами китайского языка, или в результате взаимодействия лексических значений составных элементов. Например, в соединенно-предикативных словосочетаниях без вспомогательных слов обстоятельство цели находится на втором месте, обстоятельство образа/способа действия – на первом.

V. Таксис.

В рамках грамматической семантики таксис (относительное время) является одним из отличительных признаков деепричастий. Необходимость обсуждения этого аспекта заключается в том, что, если переводчик игнорирует данную категорию, нарушается последовательность действий, описываемых в предложении. Такая ситуация часто возникает при переводе деепричастия бессоюзным сложным предложением. При всех других способах перевода таких проблем не возникает, поскольку используемые ими союзные средства и синтаксические связи четко передают таксисные отношения между членами предложения.

В то же время бессоюзное сложное предложение имеет богатые возможности выражения временной соотносительности между деепричастием и сказуемым-глаголом, которая может принадлежать к одному из трех типов: *одновременность*, *разновременность* и *недифференцированное временное отношение*.

Тип таксиса в бессоюзном сложном предложении имеет аналитическую и интерпретационную характеристику. В том случае, если предложение с деепричастием без целевой, причинной, уступительной или

какой-либо другой обусловленности переводится бессоюзным сложным предложением, его порядок слов должен строго соответствовать порядку слов в иностранном языке. В случае одновременности «при отсутствии специальных показателей деепричастие совершенного вида помещается в препозиции к личной форме – порядок предикатов при этом отражает реальную последовательность действий» [1, с. 261]. Поэтому недопустимо изменять порядок слов в переводе. Например, *Записав это, он болезненно всхлипнул и опять ногтями изранил свою грудь* (М.А. Булгаков). Изменение в позиции второстепенного сказуемого по отношению к основному в китайском бессоюзном сложном предложении приводит к изменению смысла фразы иностранного языка.

VI. Стилистика.

Сопряженность семантики деепричастий проявляется не только в грамматических значениях, но и в стилистической маркированности. Деепричастия в современном русском языке по стилистической окраске делятся на две группы, различающиеся формообразующими аффиксами: *книжные формы* с суффиксами *-а, -я, -в*: *дыша, зная, сказав* и *разговорно-просторечные* с суффиксами *-вши, -ши*: *сказавши, пришедши*¹ [2, с. 325–326]. См.: *Сказав эти слова, Чертопханов соскочил с дивана и торжественно удалился* (И. Тургенев. *И, сказавши это, родители мне опять поклонились – и не стало их видно: одни стены видны* (И. Тургенев). В современном активном употреблении находятся формы с первой группой суффиксов, поэтому носителями русского языка деепричастия воспринимаются как показатель книжных стилей. Суффиксы второй группы в современной разговорной речи практически не встречаются, поэтому воспринимаются как устаревшие. Так, архаизовались деепричастия на *-учи, -ючи*, которые в пушкинскую эпоху еще употреблялись, но уже воспринимались как элемент народно-поэтической речи: *идучи, стояючи, скакучи и др.* Например: *По крайней мере, идучи от графа к себе домой, он усиленно чему-то улыбался* (И. Гончаров). Таким образом, деепричастия в прагматическом аспекте могут быть охарактеризованы с точки зрения активного/пассивного запаса.

Хотя средства китайского языка, используемые для перевода русского деепричастия, недостаточно подробно изучены китайскими лингвистами

¹ Неверно было бы утверждать, что абсолютно все деепричастия на *-вши, -ши* стилистически маркированы. Возвратные глаголы образуют нейтральные деепричастия: *закрасневшись, наплакавшись, оставшись, улыбнувшись*. Стилистически нейтральны и те немногие деепричастия невозвратных глаголов, которые без *-ши* не могут быть образованы: *выросши, легши, простерши, разжегши* [2, с. 326].

в стилистическом аспекте, некоторые переводческие соответствия напоминают по стилистическим свойствам деепричастия. В таких конструкциях, как 1) «глагол (глагольное словосочетание) + видо-временное вспомогательное слово «着», «了», «过» + глагол (глагольное словосочетание)», 2) «глагол (глагольное словосочетание) + структурное вспомогательное слово «地» + глагол (глагольное словосочетание)», 3) обстоятельственно-центральное словосочетание (без вспомогательных слов), 4) соединенно-предикативное словосочетание (без вспомогательных слов), используемых для передачи деепричастий, атрибутивные элементы, выражающие значение образа и способа действия, эксплицитно или имплицитно используются при «глагольном сюжетоведении в первую очередь для конкретизации», так как деепричастия придают речи особую живость, наглядность [2, с. 326–327]. Например: – *Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче, – ответил он, приосанившись.* (Лерм., Герой нашего времени) “可不是, 打从阿历克赛·彼得罗维奇那时候起, 我就在这儿当差了。”他摆出煞有介事的样子回答说。В четырех указанных выше конструкциях с другими значениями (кроме значения образа и способа действия) зависимые элементы передают значения более объективные, необходимые, им характерны такие свойства, как лаконизм, языковая экономия. Например, 上街买菜 (букв. *выйдя из дома, купить овощи; выйти из дома и купить овощи; выйти из дома для покупки овощей*), 拿笔写字 (букв. *взяв ручку, писать; взять ручку и начать писать*). Таким образом, в китайском языке они не имеют книжной маркированности.

Для перевода деепричастий, употребляемых в книжных стилях, эффективно используются союзное и бессоюзное сложные предложения. Как известно, союзы обладают возможностью уточнения смысловых отношений между частями высказывания, именно поэтому они оказываются востребованы текстами научного и делового стилей. В монографии «Синтаксис русского научного языка в сопоставлении с китайским» (Харбин, 2005) отмечено, что, по статистике автора, в речи научного стиля современного русского и китайского языков союзные сложные предложения используются чаще бессоюзных [12, с. 165–166]. В исследовании «Современный китайский язык» (Пекин, 2004) отмечено, что в книжной речи союзное сложное предложение употребляется чаще: 如果一个医生他根本不想治好这个病人, 而是把这个病人当作实验的材料, 当作求得技术的工具, 人怎么可能不死? (曹禺 《明朗的天》) (букв.: *Если врач не собирается лечить больного и просто считает этого больного экспериментальным материалом и средством повышения квалификации, как больному не умереть?*) 因为饿, 她已经没有力气跑跑跳跳。(老舍 《四世同堂》) (букв.: *Так как она голодна, у нее уже нет силы играть*

и гулять.) [8, с. 364]. Таким образом, мы имеем основание считать, что союзные сложные предложения в китайском языке имеют определенную книжную маркированность.

Что касается бессоюзного сложного предложения, то оно обладает статусом, противоположным статусу союзного сложного предложения. В книге известного китайского русиста Чжана Хуэйсяня «*俄汉语对比研究*» (Шанхай, 2004), посвященной сопоставлению русского и китайского языков, отмечено, что в разговорной речи бессоюзные сложные предложения преобладают как в русском, так и в китайском языке [13, с. 427]. Мнение о том, что бессоюзное сложное предложение в китайском языке используется чаще, чем в других языках, в том числе и в русском, также свидетельствует о его возможности служить альтернативой перевода деепричастий в текстах разговорного стиля.

Таким образом, при переводе деепричастий современного русского языка на китайский язык используются конструкции со значением образа и способа действия, союзное сложное предложение, которые близки к стилистическому свойству деепричастий. Можно сказать, что словосочетания обычно употребляются при переводе деепричастия (деепричастного оборота), обладающего меньшим объемом информации, а союзные сложные предложения – в тех случаях, когда объем информации велик. По наблюдениям О.М. Чупашевой, среди 9 грамматических значений деепричастий (в предложении с единственным соответствием) не обнаруживается только одной соответствующей разновидности сложного предложения – образа и способа действия [6, с. 120–144]. Именно данное значение может быть переведено словосочетаниями китайского языка.

VII. Норма употребления деепричастий и ее нарушение в художественном тексте.

При переводе деепричастий, имеющем целью их эквивалентное прагмасемантическое воссоздание, следует помнить, что норма употребления этой категории в стандартизированной речи строго обязательна для соблюдения. Нормативным является употребление деепричастий только при подлежащем, обозначающем субъект действия. При этом действия, обозначаемые глаголом и деепричастием, должны относиться к одному субъекту (*Подводя итоги прений, председатель собрания отметил общность взглядов докладчика и участников совещания*). Нарушения этого правила квалифицируются синхронной грамматической стилистикой как отступление от нормы. Например, фраза «*Переходя через рельсы, стрелочника оглушил неожиданный свисток паровоза*» содержит материал для анализа ошибки в «Справочнике по правописанию, произношению, литературному редактированию» [5, с. 323].

В то же время, учитывая динамику нормы, переводчик художественных и публицистических текстов должен помнить, что в произведениях таких писателей XIX в., как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, наблюдаются многочисленные отступления от современного правила. Например: *Поселившись теперь в деревне, его мечта и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была при деде* (Л. Толстой). Для XIX в. такое употребление не было аномальным, поскольку в ряде случаев нормы русского языка формировались под влиянием французского, бытовавшего в аристократической среде в качестве языка повседневного общения. Таким образом, в литературе XIX в. согласование деепричастия с иным, нежели у главного сказуемого, субъектом не являлось стилистически маркированным. В этом случае для произведений XIX в. мы предлагаем переводить такое несогласование с соответствующим современным нормам согласованием подлежащего.

Однако уже в конце XIX в. норма употребления деепричастий изменилась и приблизилась к современной. Именно на изменении нормы построена языковая игра, использованная А.П. Чеховым в рассказе «Жалобная книга» (1884), где старая норма контрастирует с новой. Отметим, что китайские переводчики не обратили внимания на стилистический потенциал деепричастия и перевели его в соответствии с нормами китайского языка: «*Подъезжая к своей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин*» (“本人乘火车到达这个车站, 观赏窗外的风景, 不意我的帽子飞掉了。依·亚尔蒙金。” [10, с. 342–343], букв.: «Я подъезжал к этой станции, глядел на природу в окно, из-за невнимательности моя шляпа слетела»). В этом фрагменте рассогласование подлежащего и второстепенного сказуемого намеренно употребляется писателем для создания комического эффекта, который особенно отчетливо осознается на фоне всего остального текста, где деепричастия употреблены в полном соответствии с современной писателю нормой. Таким образом, использование деепричастия в художественном тексте может быть сопряжено с решением стилистической задачи, которая должна быть отражена в переводе.

Проанализировав прагмасемантические аспекты перевода деепричастия средствами китайского языка, мы выяснили, что далеко не все они должным образом исследованы транслатологией. Между тем процесс межкультурной коммуникации требует большего внимания к этому вопросу.

Библиографический список

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2006.

2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 2010.
3. Диброва Е. И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. Ч. 2. М., 2002.
4. Ошинин И. М. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. Т. 3. М., 1983.
5. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.
6. Чупашева О.М. Грамматика русского деепричастия. Мурманск, 2008.
7. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
8. 北京大学中文系现代汉语教研室, 现代汉语(重排本), 北京, 商务印书馆, 2004.
9. 龚人放主编, 俄汉文学翻译词典, 北京, 商务印书馆, 2000.
10. 契科夫(俄), 汝龙译, 《契诃夫小说全集. 第2卷》, 上海, 上海译文出版社, 2008.
11. 黄伯荣, 廖序东, 现代汉语(增订4版)(下), 北京, 高等教育出版社, 2007.
12. 王利众, 俄汉科学语言句法对比研究, 哈尔滨, 哈尔滨工业大学出版社, 2005.
13. 张会森, 俄汉语对比研究, 上卷, 上海, 上海外语教育出版社, 2004.

М.А. Нимгирова

К вопросу об изучении топонимики

Автор рассматривает вопросы, касающиеся становления топонимики как самостоятельной научной области. В статье описываются основные моменты развития философии имени в различные исторические эпохи. Особое внимание уделяется современному этапу развития и накопления топонимического знания в отечественной и зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: имя, имя собственное, апеллатив, топоним, ойконим, классификация и обобщение, указание и индивидуализация.

Историческую и культурную значимость топонимов невозможно переоценить. Многие топонимы появились раньше, чем первые письменные источники, поэтому они являются частью дописьменной истории языка.

Для человека одинаково важны и современные, и вышедшие из употребления топонимы, которые, обладая кумулятивной функцией, представляют огромный интерес для историков, географов, лингвистов, а также ученых других областей знаний.

Традиционный подход к рассмотрению лексики индоевропейских языков предполагает деление общего корпуса слов на знаменательные и служебные слова. В то время как служебные части речи выполняют связующую функцию, знаменательным словам присуща номинативная функция, слова знаменательных частей речи обладают лексической самостоятельностью и называют предметы, действия, чувства, качества, ощущения. Топонимы, названия географических объектов, принадлежат к классу имен собственных четвертого порядка, если следовать иерархии: лексика языка → имена → имена собственные → топонимы.

Уже философы античности и средневековья рассуждали об имени, его отношении к вещам. В основе древнегреческого учения о языке лежит понятие *логоса* (с греч. «слово», «предложение, высказывание», «речь»), введенное древнегреческим философом Гераклитом. Слово обозначало, таким образом, и речь, и смысл, и саму мысль и, в итоге, разум. Это объясняется, по-видимому, синкретичностью античной философии, для которой были характерны слитность, нерасчлененность проблем.

На средневековую теоцентрическую философию огромное влияние оказывает религия, все интерпретируется исходя из абсолютной личности, Бога. Евангелие от Иоанна начинается словами: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога». Смысл едва ли не любого слова надо искать в толковании Библии (греч. *книги*). Если в новое время принято считать, что философия – это мышление в понятиях и что она представлена авторами, то в средневековье, ориентированном на авторитет, не было авторов в общепринятом значении. Истинным автором, как мира, так и слова о мире считался Бог, авторитетами – отцы церкви.

Новый виток развития философия и теория имени получают лишь в конце XIX – начале XX вв. Одним из основных представителей философии имени прошлого столетия является А.Ф. Лосев, который утверждал: «человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живет он в глухонемой действительности» [2, с. 33].

В настоящее время язык является одним из основных явлений для изучения. Российский филолог Ю.С. Степанов, рассуждая о природе имени, говорит о совокупности «вещей», находящихся в пустом пространстве. Так, любая «вещь», размещенная в пространстве, всегда может получить «имя». Это «имя» связано не только с «вещью», но и с ее сущностью [4].

Отсюда возникает закономерный вопрос: может ли каждое знаменательное слово языка выступать в качестве имени собственного, в частности, топонима? Поскольку имена собственные, в отличие от апеллятивной лексики, не обладают классифицирующей функцией и не могут обозначать класс объектов, для них характерна указательная и индивидуализирующая функции. Это объясняет более тесную связь между названием и обозначаемым им объектом на карте. Для успешной коммуникации необходимо четко представлять себе, о каком именно объекте идет речь. Например, для ойконимии Соединенных Штатов характерна омонимичность названий населенных пунктов (*Belleville, New Jersey – Belleville, Illinois; New London, Connecticut – New London, New Hampshire – New London, Minnesota – New London, Ohio*), поэтому ойконимы сопровождаются указателями штата.

Более того, известны многочисленные случаи переименования названий ввиду целого ряда причин – неблагозвучность или потеря актуальности названия, смена политических взглядов, попытка увековечить выдающуюся личность или памятное мероприятие и пр. В нашей стране можно привести случаи отказа от названий населенных пунктов, относящихся к советской эпохе: *Ленинград → Санкт-Петербург; Сталинград → Волгоград*. Итак, имя собственное должно быть маркированным и самодостаточным для данной языковой общности, только в этом случае название не утратит своей актуальности. В противном случае географическим объектам могут возвращаться прежние названия (*Санкт-Петербург → Ленинград → Санкт-Петербург; Вятка → Киров → Вятка*).

На современном этапе развития научного знания следует отметить возрастающий интерес к изучению топонимов. Наличие в большинстве стран географических сообществ является закономерным и указывает на то, что многие страны трепетно относятся к накопленным знаниям и стремятся к их сохранению и систематизации. Появление подобных организаций относится, преимущественно, к XIX в. – времени Промышленной революции в Западной Европе, колониальных войн Британии, Гражданской войны в США. Так, Российское географическое общество было образовано в 1845 г., оно стало четвертым в Европе и пятым в мире. В Соединенных Штатах Совет по географическим названиям (*US Board Geographic Names*) был создан в 1890 г. Основные задачи, которые выполняют эти организации: «сбор и распространение географических знаний» (Россия), «унифицирование и систематизация географических знаний, данных о населении и экологии, приведение написания и использования названий к единому стандарту» (США).

Существует особая Группа экспертов по географическим названиям при ООН (*United Nations Group of Expertson Geographical Names*), которая

была образована в 1959 г. В отличие от вышеуказанных топонимических сообществ, первоочередной задачей данной организации является стандартизация географических названий не только на национальном, но и на международном уровнях, поскольку деятельность этой организации объединяет и систематизирует результаты исследования топонимических комиссий в каждой стране-участнице в отдельности.

Работа данной группы осуществляется по 23 секциям (*divisions*), каждая страна имеет право выбора одной или нескольких секций. Среди прочих направлений (Балтийская, Кельтская, Китайская, Южноафриканская и другие секции) находит место и объединенная секция Соединенных Штатов и Канады. Более того, деятельность организации охватывает 10 основных направлений, включая изучение названий стран, топонимические базы данных и географические сборники, топонимическую терминологию, произношение и пр.

Изначально топонимику оформляется как особое направление в географии, истории и языкознании. Между тем, термин «*toponymy*» впервые употребляется в английском языке в 1876 г., а термин «*toponym*», впервые введенный в 1899 г., употребляется параллельно с уже существующим «*place name*». Споры о соотношении топонимики с определенной областью знания приходятся на середину и вторую половину XX в. Но «в настоящее время научные исследования наиболее динамично и плодотворно развиваются на стыке нескольких областей знания» [1, с. 33].

В 1959 г., в один год с экспертной группой при ООН, формируется отдельная Топонимическая комиссия московского филиала Российского географического общества. Появление комиссии способствовало переосмыслению накопленного знания о топонимах и становлению топонимики как отдельной научной области в советском языкознании. Создание комиссии позволило объединить деятельность разрозненных в то время по различным учреждениям географов, лингвистов, историков и прочих специалистов, интересующихся топонимикой. Организатором создания комиссии и ее первым председателем был известный в нашей стране исследователь ономастики В.А. Никонов. В разные годы в ее состав также входили известные географы и топонимисты: Р.А. Агеева, Г.П. Бондарук, Т.П. Соколова, Е.М. Поспелов, принимавшие участие в создании топонимического словаря «Имена московских улиц»; В.Д. Беленькая, исследовавшая иноязычные топонимы, Н.В. Подольская и А.В. Суперанская, занимавшиеся теоретическими вопросами общей ономастики.

В настоящее время работа комиссии осуществляется в нескольких направлениях. Во-первых, это вопросы теоретической топонимики, включая классификацию топонимов, терминологический аппарат, мето-

ды исследования, лексико-семантические и структурно-грамматические особенности различных категорий топонимов, источниковедение, историю науки. Во-вторых, географический аспект топонимики, предметом изучения которого являются географические условия возникновения и функционирования названий, а также понимание происхождения и значения названий.

Стоит отметить, что деятельность данного комитета носит междисциплинарный характер, «даже для сугубо лингвистических докладов, посвященных структурному и семантическому анализу топонимов, предъявляется как обязательное условие историко-географическое осмысление выявленных топонимических актов» [3]. Одним из обязательных направлений работы комитета является практическое применение накопленных топонимических знаний (региональная топонимика, передача иноязычных названий средствами русского языка и пр.).

Итак, приведенные суждения позволяют рассматривать топонимику как самостоятельную междисциплинарную науку, которая использует методы лингвистического, географического, исторического, социального анализа.

Библиографический список

1. Басик С.Н. Общая топонимика: Пособие для студентов геогр. фак. Минск, 2008.
2. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990.
3. Ономастика: Топонимическая комиссия Московского филиала Российского географического общества // family-history.ru: интернет-портал по истории и генеалогии. URL: http://family-history.ru/material/onomastics/opomastics_17.html (дата обращения 20.04.2011).
4. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). М., 1985.

К.Л. Полонская

Терминологическая синонимия в теннисной лексике

Анализ фактического материала показывает, что синонимия в области теннисной терминологии основывается на тех же принципах, что и синонимия в сфере общеупотребительной лексики. Однако сфера тенниса диктует ряд моментов, которые позволяют говорить о присутствии в ней значительного числа абсолютных синонимов, что почти не свойственно сфере общеупотребительной лексики. Даны объяснения этому явлению.

Ключевые слова: лексика, синонимия, синоним, термин, теннисная лексика, терминология.

При анализе теннисной лексики особого внимания заслуживает вопрос о наличии синонимии, о ее допустимости в сфере указанного пласта лексики и о влиянии жаргонизмов на процесс формирования теннисной лексики как части общей спортивной терминологии. Поскольку само положение, касающееся допустимости синонимии в области терминологии в настоящее время, по существу, стало недискутируемым [1, с. 11], и количество синонимических терминов и терминов-дублетов уже не вызывает сомнения, то в рамки исследования попадает другой аспект данной проблемы: почему синонимия оказывается возможной.

Термин, как известно, однозначен, т.е. он описывает явление, объект или действие в точно очерченных координатах. Синоним представляет то же явление, тот же объект и то же действие, по сути, в тех же координатах, но с упором на несколько иную его детализацию, поэтому абсолютных синонимов (типа обычно приводимых «гиппопотам» и «бегемот» или «языкознание» и «языковедение») в общеязыковом составе почти не наблюдается. Даже в приведенных выше примерах при их стопроцентном тождестве наблюдается, на наш взгляд, разделение: в первом случае имеет место отнесенность слова к научной систематизации данного животного («гиппопотам») и к его общеязыковому называнию («бегемот»), тогда как во втором случае речь идет либо о представлении сведений о языке в их теоретическом обосновании («языковедение»), либо об объеме тех знаний, которыми мы располагаем («языкознание»).

Если с этих позиций подойти к анализу синонимии в сфере теннисной лексики, то картина будет иметь следующий вид. Обычная синонимия строится как такое соотношение двух, трех и большего количества

относительно тождественных слов, где относительность совпадений допускает выделение некоторого остатка, который позволяет посмотреть на названный фрагмент в несколько иной его оценке. Возьмем, например, слова-синонимы типа «лицо», «физиономия», «морда», «рыло», где при отнесенности к той же части человеческого тела создаваемый образ оказывается не полностью адекватным. В связи с этим обстоятельством полного наложения на объект в цепочке синонимов не только не создается, а, напротив, получается некоторая фрагментарность его представления. В приведенной цепи, как видно из участвующих в ней синонимов, не все слова являются нормативно употребительными, т.е. литературными. Наряду с нормативно употребительными в качестве синонимичных единиц свободно функционируют и жаргонизмы, и в ряде синонимичных цепей заимствования и профессионализмы, т.е. единицы, приближающиеся к терминам или являющиеся ими. С этих позиций позволим себе посмотреть на теннисную лексику.

В этом плане возникает вопрос, является ли синонимичная цепь абсолютно замкнутой или она замкнута только на определенный исторический промежуток времени, имея тенденцию к включению в себя новых дополняющих ее слов-наименований?

Для ответа на данный вопрос попытаемся проанализировать указанный пласт лексики с точки зрения входящих в его состав терминов как полных, т.е. абсолютных, или частичных, или относительных синонимов. В связи с тем, что таких лексем оказывается достаточно большое количество, то можно говорить не об отдельных случаях, а о тенденции создания среди теннисной лексики терминов-дублетов, типа:

В ряде случаев (весьма распространенных!) к одному теннисному термину дается сразу несколько синонимичных терминов типа: *Game penalty* – снятие гейма – наказание, назначаемое игроку; *Disqualification* – дисквалификация игрока по причине его неспортивного поведения; см. также *Default*.

Случаи, когда к одному и тому же термину словари дают один и более синонимов, носят достаточно частый характер, например, *Fencing* – ограждение – элемент оборудования теннисной площадки в виде металлической, нижней сетки, забора и т.п., др. назв. *Stop-netting*.

Количество подобных примеров можно было бы легко продолжать. При этом довольно часто также в виде синонимичных приводятся термины:

1. Термин с устаревшим наименованием: *total prize money.*; др. назв. *Prize Money*; *Total summer.*; др. назв. *Total Prize Money*.

2. Термин без разъяснений, а только лишь со ссылкой на синонимичный термин или с очень кратким раскрытием содержания: *Grommet (grummet)*

strip – кусочек пластиковой трубки, вставленный в отверстие для струны; др. назв. *Gringles*; *Grooved stroke* см. *Favorite stroke. On the fly* – *жарг.* «С лёта» (по мухе) – удар по мячу до его приземления на площадку; см. *Volley*.

3. Термин с указанием на его заимствованный характер или его появление в поле теннисной терминологии, но являющегося, по своей сути, не нормативным термином, а жаргонизмом: *Groundies* – *ам. жарг.* – удары по мячу с отскока, выполняемые открыто с поверхностью ракетки с задней линии; др. назв. *Groundstroke*;

Coupe de Mousquetaires фп. – Кубок Мушкетеров – награда победителю *French Open* в одиночном мужском разряде; см. также *Musketeers*; *Dolly жарг.* «куколка» – очень простой (обычно сильный) удар с лёта (*Put-away*) или смэш (*Smash*); заимствовано из терминологии крикета;

Love жарг. – Этим словом при ведении теннисного счета обозначается «ноль» (например, «30 – love» означает счет 30–0).

Таким образом, теннисные термины обладают всей той гаммой семантических характеристик, которые свойственны терминам. Но при этом им присущи свои признаки, к числу которых мы относим наличие подавляющего количества синонимов. Возникает вопрос: с чем связано данное явление?

На наш взгляд, оно объясняется, во-первых, сравнительно «молодой» терминологической базой теннисной терминологии, для упрочения и стабилизации которой лексикографы вынуждены не только давать развернутые лексикографические статьи, объясняющие значение каждого термина, во-вторых, необходимостью приводить другие слова, поясняющие теннисный термин, вводя их тем самым в сферу терминологии, в-третьих, неустоявшейся окончательно теннисной терминосистемой, в связи с чем имеет место широко распространенная база параллельно существующих слов-сателлитов, отнесение которых к терминам вызывает большие сомнения и, как отмечалось выше, до конца не может считаться установленным. Тем не менее, нельзя не признать тот факт, что терминологическая база в области тенниса уже сформирована, хотя продолжает находиться в стадии своего активного становления.

Поэтому при рассмотрении синонимии в области теннисной терминологии, с одной стороны, и синонимии общего словарного состава – с другой, мы наряду с общими моментами считаем возможным выделить те, которые характеризуют исключительно теннисные термины как термины игрового спортивного порядка.

Итак, первым является, на наш взгляд, отражение в них пространственного фактора. Вторым выступает не менее важный для игры фактор – количественный. Приведем примеры, подтверждающие сказанное.

Фактор счета. Сюда относится непосредственно счетный момент, например, объединяющий или оценивающий игру по выражению тотального результата «*total, all*» или порядковость в счете, например, *Two! (Take two!) судейск.* – «Два!», означает, что у подающего остается еще две подачи; др. назв. *Second* (вторая); см. *Let!; Two against one.* – «Двое против одного» – тренировка; см. *Threes.*

Мы воздержимся от дальнейшего продолжения иллюстраций и, учитывая проанализированный выше материал, попытаемся ответить на главный вопрос о разграничении синонимии в области теннисной лексики и в области общеязыковых лексем.

Позволим себе дать суммарное обобщение поставленным вопросам и тем самым объяснить причины тех особенностей, которые присущи теннисным терминам на настоящий период их функционирования в английском языке.

Как показало исследование, в теннисной лексике дело заключается не столько в редких случаях подобного синонимичного тождества, а в необходимости выражения мысли через ряд словарных единиц, относящихся к одному и тому же референту. В синонимичной цепи такого рода один и тот же объект мысли получает ту многогранность своего представления, которая позволяет коммуниканту, как получателю информации, создать воображаемый образ более или менее точно [2, с. 125].

Поэтому, оставаясь относительно замкнутой, синонимическая цепь отражает главный принцип своего построения: способность включать в себя при своем речевом выражении не один, а несколько синонимов, единство которых отражает многомерность представляемого объекта. В силу этого синонимия в сфере общеязыкового словарного состава строится по таким правилам своего функционирования, которые, во-первых, определяют существование синонимов в синонимично-антонимичной цепи слов-наименований, связанных с общим для них референтом, во-вторых, внутри синонимично-антонимичной цепи они обычно распадаются по принципу либо полной, либо относительной оппозиции, позволяющей создавать целые лексико-семантические поля с большей или меньшей долей оппозиционности их по отношению к антонимам, в-третьих, сама синонимическая цепь носит относительно закрытый характер, позволяющий дополнять и расширять ее за счет новых слов-наименований, смысловой характер которых лишь под влиянием коннотации позволяет рассматривать их как синонимы (вначале одноразовые, а затем во многих случаях приобретающие гражданские «права» своего вхождения в общую синонимическую цепь), в-четвертых, синонимы могут употребляться в последовательном следовании друг за другом, что

не только не противоречит правилам их использования в речи, а, напротив, представляет собой один из тех стилистических приемов, которым в меру своей одаренности пользуется любой человек и особенно писатели и поэты.

Говоря об общеязыковой синонимии, мы, естественно, затронули только те основные положения, которые кажутся нам важными для анализа синонимии в сфере той части терминологической лексики, которая представлена теннисными терминами. В этом смысле выше были предложены те четыре обобщающих пункта, которые мы попытаемся положить в основу сопоставления с теннисными терминами.

Теннисные термины как единицы терминосportивной системы обладают следующими отличительными признаками.

1. Теннисный термин существует в цепи наименований, связанных с общим для него референтом, где из множеств синонимов термином оказывается лишь тот, значение которого совпадает с синонимом безостаточно. Поэтому в случае наличия двух или трех слов в терминологической цепи можно считать синонимами только те, которые при наложении друг на друга совмещаются настолько, что оказываются полностью тождественными, т.е. абсолютно синонимичными. Это и есть то основное условие, которое позволяет рассматривать совмещенные слова как термины. При этом нужно учитывать, что термин должен отвечать своему основному призванию – быть однозначно точным, в связи с чем он должен функционировать по формуле $C_T = 1$ значение. Поэтому, если в термине отмечается два или более чем два значения, даже близких, но все же отличающихся, то, на наш взгляд, эти слова не являются синонимическими терминами, а представляют собой термин и близкие к нему слова общенародного языка, через которые раскрывается требуемое значение термина.

2. Если при сопоставлении синонимов имеет место смысловоразличающий или смыслодополняющий остаток, то речь не может идти о синонимии в этих терминах, а только о близости их значений, которая в термине недопустима.

3. Синонимическая цепь в теннисных терминах, относясь к общему спортивному лексико-семантическому компоненту, имеет характер относительной незамкнутости. Это позволяет включать в нее все новые термины, также имеющие принципиальные отличия от синонимичной цепи общелексического плана (которая поэтому часто именуется при рассмотрении всего лексико-семантического поля не просто синонимической, а синонимично-антонимической). Отличия, касающиеся теннисных терминов в этом пункте, определяются тем обстоятельством, что

в теннисной сфере невозможно одновременное следование нескольких относительных синонимов, поскольку речевая ситуация не закрепляет их как термины, а только позволяет использовать такие слова-наименования как еще неустоявшиеся, но уже привлекаемые элементы (в число которых обычно попадают жаргонизмы и прочие слова-однодневки, которые потенциально могут со временем войти в синонимическую цепь синонимов теннисной лексики, т.к. они действительно однозначны и в этом смысле полностью отвечают формуле $C_T = 1$ значение).

4. И, наконец, теннисные термины могут употребляться в последовательной цепи следования только в том единственном случае, если их значения абсолютно совместимы. В противном случае они могут вызвать то недопонимание, которое в момент спортивного тайма, особенно во время игры на корте, способно вызвать недопонимание и привести игроков в состояние замешательства.

Итак, отличие терминологической синонимии в теннисной лексике от синонимии в общелексическом вокабуляре нам представляется весьма значительным.

Синонимия в теннисной терминологии существует, но ее проявление крайне ограничено и выявляет себя только в условиях полной адекватности терминов, совпадения которых носят стопроцентно тождественный характер. При этом, если в общеязыковой синонимии такое явление как абсолютная синонимия представляется редким и в основном определяется принадлежностью синонимов к разным сферам (обычно общеязыковой и профессионально ограниченной), то в области теннисной терминологии синонимия существует как та абсолютная величина, которая оказывается не только доминантной, но и не допускающей какого-либо радиуса в своем выражении: теннисный термин является синонимом другого или ряда других терминов, если налицо имеется факт их абсолютного совмещения.

Библиографический список

1. Лиховцева В.И. Теннисный лексикон. М., 2004.
2. Нелюбин Л.Л. Проблема термина и научно-технического перевода // Терминоведение. 1995. № 2–3. С. 10–12.
3. Свиридова Л.К. Роль эмоциональных структур в реализации категории тождества. М., 2004.
4. Сорокина Э.А. Аспекты лингвистической терминологии // Научно-техническая терминология. 2001. № 2. С. 84–85

В.Н. Серкина

Прецедентные тексты как средство выражения эмоциональной оценки: функциональный аспект (на материале региональных СМИ)

В статье подвергаются анализу функции прецедентных текстов как языковых единиц. В качестве материала были использованы прецедентные тексты, которые употребляются в региональных СМИ. Обращает на себя внимание использование прецедентных текстов в качестве средства создания образа автора.

Ключевые слова: коннотация, образ автора, прецедентный текст, СМИ, фоновые знания, эмоциональная оценка, языковая личность.

Одним из средств представления эмоциональной оценки в тексте служат прецедентные тексты, метафорическая природа которых лингвистами связывается с эмотивностью. Отталкиваясь от точки зрения исследователя эмоционально-оценочной лексики Н.А. Лукьяновой, мы относим прецедентные тексты к лексическим средствам выражения эмоциональной оценки [8, с. 186].

Как известно, прецедентные тексты являются неотъемлемым компонентом когнитивной базы языкового коллектива, отражают различные аспекты чувственного восприятия мира. Прецедентные тексты представляют собой «готовые формулы», в которых закреплён многовековой опыт человечества, результат его познавательной деятельности. С помощью них раскрывается внутренняя и внешняя жизнь народа со всеми ее проявлениями. Данную точку зрения (возможность отображения в прецедентных текстах особенностей национального характера) при анализе прецедентных текстов, изъятых из текстов астраханских журналистов, мы также учитываем.

Прецедентные тексты употребляются астраханскими журналистами в различных материалах и ситуациях, с различными целями, и при этом, проникая в текст, они каждый раз наполняются конкретным содержанием, обусловленным конкретным контекстом. Прецедентные тексты используются авторами чаще в тех случаях, когда журналисты хотят передать неординарность ситуации, что, в свою очередь, невозможно без выражения оценки. По словам Е.В. Дегтевой и М.А. Ягубовой, оценка является «собственно человеческой» категорией: «с одной стороны,

она позволяет говорящему выразить отношение к любому жизненному факту, событию, лицу и т.д., с другой стороны, она ярко характеризует самого оценивающего человека» [3, с. 192]. Поэтому оценка относится к важнейшим средствам выражения доминанты газетной речи и осуществления воздействующей функции данной разновидности языка.

В результате анализа исследуемого языкового материала (около 1800 языковых единиц, извлеченных в результате сплошной выборки из газет «Факт и компромат», «Астраханские ведомости», «Горожанин», «Комсомолец Каспия», «Волга» и «Молодежная палитра») с эмоционально-оценочной точки зрения нами были выделены прецедентные тексты с отрицательной и положительной коннотацией. Следует отметить, что именно коннотация предполагает выражение эмоций. Самую многочисленную группу из общего числа всех прецедентных текстов, собранных нами в исследуемых СМИ, составляют прецедентные тексты с отрицательной коннотацией (таблица 1).

Таблица 1

**Сравнение частотности употребления прецедентных текстов
с отрицательной и положительной коннотацией**

Название СМИ	Прецедентные тексты с отрицательной коннотацией	Прецедентные тексты с положительной коннотацией
«Факт и компромат»	94%	6%
«Астраханские ведомости»	84%	16%
«Горожанин»	60%	40%
«Комсомолец Каспия»	55%	45%
«Волга»	52%	48%
«Молодежная палитра»	33%	67%

Как показывают результаты анализа, самый большой разрыв между количеством прецедентных текстов, выражающих противоположную коннотацию, оказался у еженедельника «Факт и компромат» и газеты «Астраханские ведомости». Данные факты свидетельствуют о том, что прецедентные тексты с отрицательной коннотацией наиболее часто используются в материалах социально-политического и экономического характера, каковыми и являются вышеупомянутые издания.

Для выражения положительных эмоций прецедентные тексты астраханскими журналистами используются крайне редко. С целью же выражения отрицательной характеристики и для выражения соответствующих эмоций употребляется целый ряд прецедентных текстов: *Различные частные «бахчисарайские сараи» растут, как грибы после дождя* («Волга».

2009. № 27); *Зачем пустили Хозова в огород?* («Факт и компромат». 2009. № 10); *Однако это молчание купленных «ягнят» ни к чему не приведет* («Факт и компромат». 2011. № 1).

Данные примеры еще раз подтверждают суждение о том, что «текст, несущий в себе негативную оценку, скорее заинтересует читателя и долго задержится в его памяти, тогда как оценка позитивная будет воспринята либо скептически, либо равнодушно» [9, с. 66].

В этом аспекте также можно выделить две немаловажные цели использования астраханскими журналистами прецедентных текстову: одобрение и порицание (осуждение) – так называемые «эмоционально-оценочные регулятивы». Как отмечает Л.Г. Бабенко, «этот тип речевых оценочных высказываний характеризуется ориентацией на собеседника, включает при этом все виды похвал и оскорблений. Основное средство их манифестации – коннотативно-эмотивная лексика, ярче всего обнажающая межличностные отношения» [2, с. 122]:

- одобрение: *Где родилась, там и сгодилась* («Волга». 2010. № 26; о юбилее акушерки Черноярской районной больницы); *Поспешили, но людей не насмешили* («Волга». 2009. № 106; об открытии районной школы); *А у вас в районе газ, а у нас водопровод. Вот!* («Волга». 2010. № 35);
- порицание: *Теперь железная лошадь с балабачником топчут это место* («Факт и компромат». 2010. № 21); *Министр на все руки* («Факт и компромат». 2010. № 41); *На власть нацелены новые герои... Им точно закон не писан* («Факт и компромат». 2010. № 39); *Как «Бай» красноярцев квартир лишил* («Факт и компромат». 2010. № 19).

Вторая группа многочисленнее, что еще раз подтверждает наш вывод относительно преобладания отрицательной оценочности в текстовом поле региональных СМИ. Данные функции (одобрение и порицание) соотносятся, по нашему мнению, с *воздействующей функцией* [2]. Как считает М.А. Кормилицына, автору важно выразить свое эмоциональное состояние прежде всего для того, чтобы вызвать подобное же чувство у читателей [7, с. 19]: выражая положительную оценку поступков, поведения героев материала, автор рассчитывает вызвать у адресата положительную эмоциональную реакцию, и наоборот. В основе одобрения лежит интерес и внимание к объекту, в основе порицания – отрицательное отношение к нему.

Посредством прецедентных текстов авторы дают оценку действиям представителей разных социальных слоев, в частности, чиновников. Каждому автору присущи свои речевые обороты, определенный стиль, что характерно и для единиц, выражающих эмоциональную оценку.

Остановимся подробнее на «*интенциональной функции*» прецедентных текстов [2]. Мы имеем в виду использование их в качестве средства создания образа самого автора. Содержание текста, как известно, является для его создателя одновременно и объектом изображения, и объектом сопереживания. Анализ изучаемых языковых единиц позволяет глубже раскрыть идеи и мысли автора, осознать авторское мировоззрение. Как нам представляется, употребление прецедентных текстов, обнаруженных нами в исследуемых материалах, связано прежде всего со стремлением авторов к образности, точности изображения. Насыщенность некоторых материалов разнообразными прецедентными текстами свидетельствует об образованности создателей текстов, их прекрасном владении фоновыми знаниями.

Здесь считаем уместным обратиться к такому термину, как «языковая личность» (термин Ю.Н. Караулова), проблему которой рассматривают сейчас современные направления филологии. Т.И. Ерофеева, ссылаясь на многочисленные исследования, справедливо заметила, что «язык индивида – это не только язык человека определенной профессии или возраста, это речевой стиль личности как таковой» [4, с. 103].

Таким образом, многие прецедентные тексты характеризуют не только героев текстового материала, на которых прецедентные тексты направлены, но и авторов этого текста. Исследуемые языковые единицы «помогают читателю легко определить эмоциональное состояние автора». В результате, как отмечает М.А. Кормилицына, формируется единое эмоциональное пространство автора и читателя [7, с. 23].

По тому, как журналист пишет, какие дает оценки, мы судим о его интеллекте, моральных нормах. Как отмечает Т.Ю. Колясева, некоторые отрицательно-оценочные наименования «выполняют функцию своеобразного зеркального отражения» [6, с. 52]. Эти негативные оценки очень часто оказываются удивительно точными. Авторы *высмеивают определенные модели поведения: Надо ведь и отдохнуть иногда. Надо, Федя, надо* («Волга». 2009. № 68); *КПРФ на выдумки хитра!* («Факт и компромат». 2009. № 13); *Взял от жизни все, что и было установлено в ходе обыска* («Факт и компромат». 2009. № 17); *Пили они долго и счастливо* («Волга». 2009. № 4); *Украл, вытил, вышел под залог* («Астраханские ведомости». 2010. № 12).

Рассмотрев данные оценочные единицы, мы имеем возможность определить систему ценностей автора, его мировоззрение. Именно в использовании анализируемых языковых единиц репрезентуется внутренний мир журналиста. Изображая предметы и явления окружающей действительности, журналист вводит адресата своих текстов в свой внутренний мир, раскрывая свой психологический портрет.

Как известно, предметы и явления оцениваются по нескольким основаниям: морально-этическому, интеллектуальному, эстетическому. Оценка, бесспорно, соотносится с характеристикой. И здесь можно с уверенностью утверждать, что основной функцией прецедентных текстов является *характеризирующая функция* (Н.Д. Арутюнова). Наличие данной функции связано с потребностью дать точную, меткую характеристику по одному или нескольким признакам. Прецедентные тексты «используются... для того, чтобы дать о референте некоторую информацию или выразить к нему свое отношение» [1, с. 344]: «*Полковник наш рожден был хватом, слуга царю, отец солдатам*» («Факт и компромат». 2009. № 1); «*Отдохнуть вам надо, Виктор Федорович, золотой вы наш человек!*» («Факт и компромат». 2009. № 24; о чиновнике Красноярского района); «*Алиса и Базилио XXI*» («Факт и компромат». 2009. № 13).

Астраханские журналисты используют прецедентные тексты не только как средство образной характеристики, зачастую с их помощью высказывают свои мысли, мнение о происходящем в регионе, выражая при этом свои эмоции, часто *иронизируя* над тем, что происходит в окружающем мире: «*А кто в теремочке жить будет?*» («Астраханские ведомости». 2008. № 4); «*А в остальном у нас, как у той маркизы, все хорошо*» («Факт и компромат». 2009. № 17); «*Сам себе энергетик*» («Горожанин». 2010. № 46; о самовольном подключении к отоплению); «*Сегодня за 11, но маленькие, а завтра за 9, но большие*» («Комсомолец Каспия». 2010. № 42; о транспортной ситуации); «*Буратино есть не у каждого*» («Волга». 2009. № 38; об экономическом кризисе).

Необходимо также отметить *стимулирующую функцию* (Н.Д. Арутюнова) прецедентизмов: «*Не уклоняйся – судим будешь*» («Комсомолец Каспия». 2008. № 44); «*Теперь у нас не забалуешь*» («Комсомолец Каспия». 2010. № 45); «*На государство надейся, но сам не плошай*» («Волга». 2010. № 172; вопросы местного самоуправления); «*Не пей из колодца – пригодится плюнуть*» («Волга». 2009. № 38).

Говоря о функциях прецедентных текстов, нельзя не упомянуть *интерпретационную функцию* (Л.Г. Бабенко), посредством которой автор дает эмоциональную оценку мира, действительности. Данная категория достаточно объемная, назовем ее самые распространенные группы:

- оценка событий: «*Первый блин...*» («Горожанин». 2010. № 23); «*...его песенка как судьи была давно спета*» («Факт и компромат». 2009. № 3); «*Байтемиров пытался сесть сразу на два стула*» («Факт и компромат». 2010. № 41);
- действий: «*Он хотел, как лучше...*» («Факт и компромат». 2010. № 39); «*...выбирая главу Красноярского района, поменяли шило на мыло*» («Факт

и компромат». 2010. № 18); *На голубом золоте хорошо греют руки многочисленные газопосредники* («Факт и компромат». 2010. № 13; о ситуации с газом).

- характеристика взаимоотношений героев: *Когда в товариществе согласия нет* («Комсомолец Каспия». 2009. № 26); *Муж и жена – одна сатана* («Комсомолец Каспия». 2010. № 37); *За что Сапожникова хвалит Байтемирова* («Факт и компромат». 2010. № 41).

Добавим, что оценка реальных событий может быть как основной, так и сопутствующей целью высказывания. В первом случае она служит непосредственному выражению оценочного отношения к излагаемому. В данном случае оценка имеет характер дополнительной информации, накладывающейся на основное содержание, поэтому различают собственно-оценочные и несобственно-оценочные высказывания [5, с. 102].

В материалах астраханских журналистов мы выделили следующие цели использования прецедентных текстов, оценка в которых является сопутствующей целью, т.е. выражается косвенно:

- объяснение причины: *Жадность фраера погубит* («Факт и компромат». 2009. № 1); *Но коли и на старуху бывает проруха, то уж на 67-летнего старика – тем более* («Факт и компромат». 2009. № 11); *И целого миллиарда мало* («Факт и компромат». 2009. №3); *Не надо будить спящую собаку* («Астраханские ведомости». 2010. № 12).

Объясняя причину какого-либо события, явления с помощью прецедентного текста, автор неосознанно дает характеристику сообщаемому факту:

- эстетическая функция; в этом случае анализируемые языковые единицы призваны исключительно украшать речь: *Со школьного корабля на выпускной бал* («Комсомолец Каспия». 2010. № 50); *В пух и мех* («Комсомолец Каспия». 2010. № 90); *Обыкновенное чудо* («Комсомолец Каспия». 2010. № 102);
- вывод, умозаключение: *Недолго музыка играла* («Волга». 2010. № 26); *Веревочке пора перестать виться...* («Факт и компромат». 2009. № 24); *А тех ли ругали?* («Горожанин». 2010. № 15); *Одной красотой сыт не будешь* («Волга». 2010. № 102); *Что бог ни делает – все к лучшему* («Факт и компромат». 2010. № 12).

Изучив функциональные аспекты прецедентных текстов в текстовом пространстве астраханских СМИ, мы убедились, что они способны дать эмоциональную оценку прямо или косвенно. По тому, как авторы объясняют, уточняют что-либо, при помощи каких языковых единиц они это делают, мы имеем возможность судить об эмоциях авторов, их отношении к описываемому предмету.

Таким образом, в материалах астраханских журналистов прецедентные тексты выполняют целый ряд различных функций: помимо эмоциональной оценки, они также уточняют, конкретизируют ту информацию, которая была дана выше. При этом можно добавить, что в целом среди прецедентных текстов преобладает антропоцентрическая оценка (окружающий мир в восприятии человека), что обусловлено, конечно же, природой жанров исследуемых материалов.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
3. Дегтева Е.В., Ягубова М.А. Оценочное слово в языке газеты // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. С. 192–204.
4. Ерофеева Т.И. Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 90–91.
5. Иванина Г.Н. Выражение эмоциональной оценки в современном немецком языке : Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
6. Колясева Т.Ю. Эмоционально-оценочная лексика в текстовом пространстве Д.И. Стахеева : Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008.
7. Кормилицына М.А. Средства создания эмоциональной тональности газетного текста // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2005. Вып. 5. С. 16–25.
8. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск, 1986.
9. Ягубова М.А. Гендерный аспект оценки в языке печатных СМИ // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 61–73.

Ю.М. Шемчук

Обновление культурных кодов в немецком языке

Основной целью данной статьи является описание проблемы обновления культурных кодов в немецком языке. Семантический уровень культуры кодируется посредством новых лексем. Статья рассматривает проблему перекодировки литературного языка в жаргон.

Ключевые слова: культурный код, переключение кодов, перекодировка литературного языка в жаргон.

Как известно, основными характеристиками кода культуры являются: 1) самодостаточность для производства, передачи и сохранения человеческой культуры; 2) открытость к изменениям; 3) универсальность. Вторая особенность кода предполагает трактовку языка как кодирующей системы с учетом происходящего в настоящее время процесса обновления культурных кодов. Смысловой уровень культуры по-новому кодируется посредством современных лексем. Иными словами, в языке может происходить перекодировка, т.е. замена одного кода на другой.

В современной социолингвистике кодом традиционно принято называть любую разновидность языка: как собственно литературный язык, так и диалект или жаргон. Рассмотрим проблему обновления культурных кодов на примере современных изменений в узуальной норме в плане предпочтения сниженных слов.

По наблюдениям языковедов, даже устная речь современного интеллигента в достаточно сильной степени жаргонизирована (Земская Е.А., Крысин Л.П., Ермакова О.П., Розина Р.И., Золотова Г.А. и др.): «Интеллигенция поигрывает разномастными словечками, демонстрируя независимость, широту вкусов, а иногда и всеядность» [1, с. 132]. «Иносистемность» подобного рода выразительных средств в полной мере осознается говорящими, на что указывает их интонационное выделение, «цитатный» характер употребления; часто им сопутствуют оговорки: «как сейчас говорят», «говоря современным языком» и т.п.

Процесс включения отдельных сниженных элементов в литературный текст лингвисты нередко называют «демократизацией языка» (Е.А. Земская), «коллоквиализация языка» (К. Гутшмидт), «переключение кодов», или «кодовое переключение», т.е. это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языкового регистра на другой, обусловленный коммуникацией.

Всеобщий отказ от языковой цензуры, мотивированный ложной демократизацией, стал массовым явлением. Этот процесс может рассматриваться как *вульгаризация языка* в результате сглаживания различий между социальными слоями и группами [2], как *сдвиг «в представлении об эталоне хорошей речи* в средствах массовой информации, а через их посредство и влияние – и во всем обществе» [4, с. 551], а также как *перекодировка литературного языка в жаргон*.

Происходит изменение моральных, этических и ценностных установок общества, что по-разному интерпретируются в современных лингвистических исследованиях. Интересен подход немецких филологов Л. Кунцша [8] и Х.Д. Шлоссера [9] к исследованию лексем, обозначающих утрату человеком морально-нравственных ценностей, и названных «*Unwörter*» – «*неприемлемые слова*». К таким лексическим единицам, например, причисляется *Wohlstandsmüll* (замена выражения *arbeitsunfähige Kranke*). Ср. также *ethnische Säuberung*, *national befreite Zone*, *sozialverträgliches Frühableben*, *sozialverträglicher Stellenabbau* и *Buschzulage*. Историю возникновения лексемы *Buschzulage* подробно описывает в своей работе У. Кремер [7].

По мнению У. Кремера, языковая действительность в Германии свидетельствует об огромном дефиците такта и терпимости в обществе. В качестве примера приводится история с введением так называемого *Buschzulage*, т.е. надбавки к зарплате западногерманским администраторам и специалистам, которые поехали в «новые федеральные земли» (т.е. бывшую ГДР), чтобы поднимать там экономику. Это слово обозначало в Германской империи финансовые льготы для немецких чиновников, работавших в колониях (в «буше»). Таким образом, становится очевидной пренебрежительная оценка жителей и территории бывшей ГДР.

Словосочетание «*публичное хамство*» впервые употребил Дольф Штернберг в заголовке своей статьи «*Die öffentliche Schnödigkeit*» [10]. С недавнего времени в лингвистике появился языковой термин «общий жаргон» (Е.А. Земская, О.П. Ермакова, Р.И. Розина), ср. с термином американской лексикографической традиции – «общий сленг» (*general slang*). Общий жаргон – это тот пласт современного жаргона, функционирование которого не ограничено рамками отдельной замкнутой социальной группы. «Он употребляется (или, по крайней мере, понимается) всем городским населением» [3, с. 418]. Им владеют, в числе прочих, образованные носители языка, и он с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации, через которые и распространяется. Снижение эталона, снижение речевого стандарта неоднократно отмечалось современными исследователями как русского языка (О.Е. Сиротина, И.И. Грачева, Е.В. Ерофеева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова,

О.П. Сквородникова, В.Н. Телия), так и немецкого языка (Д. Штернберг, У. Зайдель, У. Кремер, Л. Кунцш, Г. Иллгнер).

По свидетельству германских языковедов (Х. Эггерс, П. Браун, Х. Глюк, В.В. Зауэр, Ф. Дэбус, П. Поленц, Й.А. Бэр и др.), немецкий язык переживает с середины XIX в. новую эпоху своего существования. На сегодняшний день существует стандартный немецкий язык, в развитии и изменении которого принимают участие разнообразие социальные слои населения и группы и который реализует свои региональные особенности в различных функциональных и ситуативных вариантах. Современный немецкий язык имеет размытые границы между стандартным языком и социально обусловленными вариантами. Особенно отчетливо это наблюдается в широком употреблении жаргонной лексики в различных ситуациях, что является лишним доказательством перекодировки литературного языка в жаргон. Для немецкого языка нормой становится исчезновение табуированных зон. Изменения лексического состава тесно связаны с переменой самосознания, что, в свою очередь, зависит от смены ценностей.

Причины перекодировки литературного языка в жаргон заключаются не только в общественной терпимости по отношению к вульгаризмам, но и в популяризации сниженной лексики посредством телевидения, т.к. значительную роль в культурном воспитании в современном обществе играют средства массовой информации. «Они активно участвуют в становлении общественного мнения, формировании образа социального мира, давая возможность передавать большие объемы информации на огромные расстояния и огромные по численности аудитории, тем самым активно воздействуя на массы» [5, с. 19–20]. В целом радио- и телевизионные передачи приобрели характер межличностной коммуникации.

Массовая коммуникация является ценным источником для исследования современного немецкого языка. Пространство массовой коммуникации: ТВ, радио, пресса, отчасти Интернет, – та среда, в которой объединяется и перемешивается множество речевых потоков из различных подсистем языка, где, собственно, протекают активные процессы, влияющие на состояние языка в целом. Публичная речь должна следовать нормам литературного языка и быть эталоном языковой корректности, на что ориентирована, например, речь дикторов, передающих последние известия. Однако в последнее время на телевидении преобладают развлекательные передачи, модернизируется речевая манера проведения серьезных репортажей (они модифицируются в шоу). В связи с этим Г. Иллгнер говорит о чрезмерной гибкости современного языка масс-медиа, в котором широкое распространение получили коллоквиализмы и слова

англоамериканского происхождения. Исследователь отмечает снятие морально-этических запретов на телевидении, снятие запретов на вульгаризмы. Серьезные темы преподносятся в виде шоу [6].

Одной из особенностей языка СМИ является интенсивное применение жаргонизмов. Жаргон, широко используемый в средствах массовой информации, становится в настоящее время социально престижным, на него ориентируются многие говорящие. Отмечается усиление разговорного начала в массовой коммуникации наряду с более широким употреблением нелитературных языковых средств, что означает перекодировку литературного языка в жаргон.

Таким образом, проблему жаргонного обновления словарного состава немецкого языка можно рассматривать сквозь призму изменений культурных кодов.

Библиографический список

1. Золотова Г.А. Функции и дисфункции современной русской речи // Русский язык сегодня: Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Крысин. Вып. 1. М., 2000. С. 122–136.
2. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
3. Розина Р.И. От происшествий к действиям (семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона) // Русский язык сегодня: Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Крысин. Вып. 1. М., 2000. С. 418–432.
4. Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об ее эталоне // Русский язык сегодня. Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Крысин. Вып. 2. М., 2003. С. 548–555.
5. Филиппова И.Ю. Мифологизация массового сознания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2002.
6. Illgner G. Die deutsche Sprachverwirrung: lächerlich und ärgerlich: das neue Kauderwelsch. 2. Aufl. Padeborn, 2001. S. 99–105.
7. Krämer U. Von Ossi-Nachweisen und Buschzulagen. Nachwendewörter – sprachliche Ausrutscher oder bewußte Etikettierung? // Von «Buschzulage» und «Ossinachweis»: Ost-West-Deutsch in der Diskussion / Ruth Reiher, Rudiger Lazer (Hg.) Berlin, 1996. S. 55–69.
8. Kunzsch L. Wörter des Jahrhunderts. Unwörter. М., 2000.
9. Schlosser H.D. 525 Jahre «Unwort»: Gesamt-, West- und Ostdeutsches im Spiegel der Sprachkritik // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? / Hrsg. von Karin M. Eichhoff-Cyrus und Rudolf Hoberg. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2000. S. 289–301.
10. Sternberger D. Die Öffentliche Schnödigkeit // Sprachstörungen: Beitr. zur Sprachkritik. München, Wien, 1978. S. 30–37.

Л.В. Баева

Реализация регионального компонента в школьном курсе русского языка на примере ознакомления учащихся с лексическими диалектизмами

В статье раскрывается примерное содержание регионального компонента по русскому языку и предлагаются возможные пути его реализации на различных этапах обучения. Автор как исследователь диалектной лексики и как учитель делится собственным опытом целенаправленной лингвокраеведческой работы в школе.

Ключевые слова: этнокультурный подход, лингвистическая составляющая регионального компонента, региональная лексика, лексические диалектизмы.

Региональный компонент стандарта основного общего образования по русскому языку является его вариативной частью и призван обеспечить формирование ценностного отношения к родному языку как историческому и культурному коду народа, возрождение национального самосознания, воспитание уважения к истории и культуре своей малой родины.

Определение содержания регионального компонента образования по русскому языку, по нашему мнению, следует связывать:

- с экстралингвистическими факторами, отражающими особенности функционирования языка в конкретной местности;
- с собственно лингвистическими фактами, специфичными для той или иной местности;
- с лингвокраеведческими и архивными источниками, представляющими собой объект этнолингвистического исследования.

Основными условиями реализации регионального компонента по русскому языку являются следующие:

- наличие лингвистического краеведческого материала, отражающего языковые особенности края (например, диалектная лексика);
- включение в определенной системе и последовательности в инвариантную часть школьного курса русского языка регионального языкового материала;
- создание речевой среды (условий коммуникации), предполагающей активное включение учащихся в речевую деятельность при направляющем воздействии учителя;
- использование в процессе обучения русскому языку с учетом регионального компонента различных организационных форм учебной и внеучебной работы.

Важнейшей лингвистической составляющей регионального компонента является диалектная лексика, отражающая специфику определенной местности.

Особый интерес в рамках поставленной проблемы представляет изучение региональной лексики, в частности лексических диалектизмов, характерных для диалектной микросистемы говора с. Варшавки Карталинского района Челябинской области.

Село Варшавка располагается на юге Карталинского района (32 км от г. Карталы) на левом берегу р. Карагайлы-Аят. По Указу императора Николая I о «Переселении казаков на Оренбургскую пограничную линию» Варшавка была основана «в 1843 году как поселение № 22, куда были переселены 227 бело-пахотных солдат и 93 калмыка. Название дано в ознаменование победы над польскими повстанцами под Варшавой в 1831 году» [2, с. 16]. В настоящее время население преимущественно русское.

Говор с. Варшавка формировался в условиях межъязыковых контактов – на базе русских говоров и тюркских языков (башкирского и казахского) и сложился как акающий. Исследуемый говор на «Диалектологической карте Южного Урала» не отмечен и заслуживает более детального изучения. Наряду с литературным языком в разговорной речи жителей функционируют лексические диалектизмы.

Многолетний опыт систематизации диалектной лексики позволил автору статьи классифицировать значительный по объему языковой материал, представленный лексическими диалектизмами, по следующим группам.

1. Собственно лексические диалектизмы (самая большая группа) – «синонимы соответствующих слов литературного языка» [3, с. 9]. Например: *васёта* «намедни, накануне» (*Бабушка продолжала рассказывать: «Заглянул ко мне васёта сосед, сказал, что скоро война кончится»*);

за́дорога «доска, прикрепленная к краю лежанки русской печи» (*Ребя-тишки, не деритесь на печи-то, за́дорогу оторвете*); *заскурла́титься* «загрубеть» (*Кожа на руках от работы заскурла́тилась*); *защи́панцы* «открытые сладкие пирожки, защипнутые в середине» (Положи с собой в дорогу с десяток защи́панцев); *ера́нка* «цветок на подоконнике» (*На окошке ера́нки растут лучше – солнца много*); *ката́тка* «платок, женский головной убор, обычно расшитый или с кистями» (*Ката́тки у меня лежат еще не надеваны*); *насе́дла* «перекладина, жердочка в курятнике, на которой сидят куры ночью» (*Я сегодня встала раным-рано – куры еще на насе́длах спали*); *поголешек* «часть носка, обнимающая голень» (*Носки-то у меня из серого пуха, а на поголешках белые полоски*); *подденки* «осадок при изготовлении топленого сливочного масла» (*Я сегодня испекла торт на подденках. Такие вкусные подденки я ела, когда мама масло перетапливала*); *оту́добеть*: 1) «отойти от холода» (*Замерзла, пока дошла до школы, насилу оту́добела*), 2) «отойти от испуга» (*Он и напугал ты меня, еле оту́добела*); *ша́рышки* «кушанье, приготовленное из сдобного теста, круглой формы, испеченное в большом количестве кипящего жира» (*Бабушка к чаю сегодня напекла ша́рышки, а вчера пекла шаньги*).

2. Лексико-семантические диалектизмы, имеющие другое значение, чем в литературном языке. Данные единицы состоят из общерусских корневых и аффиксальных морфем в специфических для диалекта комбинациях: *госпо́дненький* «убогий, странный» (*Госпо́дненький он какой-то: она его ругает, а он помалкивает, только глазами хлопает*); *дернутый* «ненормальный, ненормальная» (*Дернутая она какая-то, не поймешь ее: то плачет, а то смеется*); *дорогой* «белый гриб» (*Татьяна прошлым летом столько доро́гих засушила, а нынче нет ни одного грибочка*); *за́клик* «запрет» (*За́клика нет ему: делает, что хочет*); *засо́вка* «задвижка в печной трубе» (Ну-ка, ребяташки, задвиньте засо́вку-то там, пока я не забыла, а то весь жар из печи выйдет.); *ката́лка* 1) «скалка для раскатывания теста» (*Бери ката́лку и помогай мне раскатывать лепешки на бишбармак*), 2) обл. «тележка на двух колесах для перевозки бидона с водой» (*Мне и самой нужна ката́лка, я буду воду в баню возить, приходи вечером за ней*); *куде́лька* (о девочке) «растрепанная, лохматая» (*Причешись, куде́лька ты наша*); *на́долба* «большая неуклюжая женщина» (*Хорошо, что жена-то у него такая на́долба, а то он-то маленький, как говорится, ни высокого достать, ни тяжелого поднять не может*).

3. Этнографические диалектизмы – наименьшая по объему группа слов среди лексических диалектизмов, но представляющая наибольшую ценность, т.к. они «называют предметы, понятия, характерные для

быта, хозяйства данной местности, и не имеют параллелей в литературном языке» [6, с. 9]: *стамичо́к* «шкафчик, встроенный в русскую печь, на который опирались угловой частью полати и полка» (*В стамичка́х у нас хранили шило, нитки и всякую всячину. / Бывало, тетя Нюра скажет: «Открывайте, девочки, стамичо́к, я тараканов кипятком из чугуна ошпарю»*); *ла́тка* «глиняная или деревянная посуда для приготовления теста; сосуд, кадушка» (*Мама разводила тесто на блины в хорошей такой глиняной ла́тке. / В ла́тке раньше месили хлеб*).

Особый интерес вызывают диалектизмы, не зафиксированные в лексикографических источниках. В изучаемом говоре к ним относятся слова: *буздя́кнуть* «ударить» (*Я при аварии так буздя́кнулась о лобовое стекло, что оно разлетелось вдребезги*); *вы́зноздить* (вызноздило) «сильно похудеть в результате болезни» (*Вот как его вы́зноздило. Болезнь-то никого не красит*); *духа́нька* «милый, возлюбленный» (*Ты – духа́нька моя, краше нету тебя*); *жлу́дный*: 1) «человек, любящий что-либо через меру» (*На работу жлу́дный.*); 2) «человек, любящий много и вкусно поесть» (*Жлу́дная до еды-то моя Клава была. А как она лапшу любила!*); *зада́шный* «гордый» (*Зада́шный он у них через чур был, никого за людей не считал – он самый лучший во всем*); *засуро́пить* «закрывать плотно, заткнуть» (*Засуро́пил пробку-то как, не могу открыть!*); *коробчи́ть* «собирать, наживать» (*Коробчи́л, коробчи́л всю жизнь свое добро. Никому ничего не давал. Вот умер. Кто ж его добрым словом помянет?*); *насто́мьчить* «настроить кого-либо против, подучить» (*Против нас его насто́мьчила, вот он и не кажется к нам на порог*) и др.

Новые фиксации диалектизмов требуют лексикографического описания, которое предполагает обращение к языковой рефлексии информантов, наблюдение, сопоставление и проверку их толкований контекстами. Особую значимость при этом приобретает фоновая информация: необходимо знать историю села, особенности жизни конкретного информанта. Немаловажную роль в достоверности новых фиксаций играет тот факт, что исследователь диалектной лексики, как в нашем случае, является коренным жителем того населенного пункта, говор которого изучается.

В результате изучения были составлены толкования диалектизмов, представляющих собой новые фиксации. Остановимся на анализе некоторых лексем.

Кате́тка «платок, женский головной убор, обычно расшитый или с кистями». Лексема в «Словаре русских народных говоров и словарях уральских диалектов» отсутствует, что позволяет сделать вывод об ее узлокальном распространении. Лексема является устаревшей, т.к.

женщины в настоящее время повседневно не носят данный головной убор, о чем можно судить из контекста информанта-женщины пожилого возраста: *Много катёток у меня лежат еще не надетаны. Надарить-то надарили, а носить-то некуда: в клуб не хожу уже, а в магазин такой не надеваю.*

Сбедить «поранить». Саша руку так сильно сбедил, не знаю, когда теперь она у него заживет. Рассматриваемая лексема образовалась от существительного *беда* «то же, что несчастье» [5, с. 39]. В словаре Даля слово *сбедить* имеет другое значение: «набедить, напроказить, напрокудить, наделать бед». В других лексикографических источниках, по нашим данным, наблюдаемая лексема отсутствует.

Шабала́ «совок с дырочками для выгребания углей из печи». Шабалу́ возьми да угольков для самовара нагребь в заглушку, пока много их нагорело, а то самовар скоро не сможем поставить. Да шабало́й-то потряси, чтобы зола просеялась. На территории изучаемого говора функционирует омоним *шабала* «шумовка», отмеченный в словаре В.И. Даля: «*Шабала, кашик, шумовка, большая дырчатая ложка, плоская поваренка, которою снимают пену, достают сваренные яйца, пельмени*» [1, т. 2, с. 216].

Среди новых фиксаций обнаружены слова, относящиеся к наиболее употребительному словарному пласту, – экспрессивы, которые выражают определенное эмоционально-психологическое состояние говорящего. Эмоционально окрашенная лексика связана с темой «человек» и несет как положительную, так и отрицательную оценку качеств, черт, нравственных понятий. Дадим характеристику некоторым экспрессивам говора с. Варшавка.

Бекéиш «отриц. бестолочь, бестолковый человека мужского пола». *Ох и бекéиш ты, Серега. Ничего не понимаешь в грамоте. Хоть кол на голове теши! / Не послушался ты меня, бекéиш, теперь живи, как хочешь.* Данный лексико-семантический вариант не зафиксирован в лексикографических источниках. Лексема *бекéиша* в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова зарегистрирована в значении «старинное долгополое пальто сюртучного покроя» [8, с. 28]; в «Толковом словаре русского языка» Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. *бекéиша* – «верхняя мужская одежда на меху, в талию и со сборками, под казакина, чекменя» [5, с. 42]; в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля отмечено, что «Бекешь м. бекешка ж. венгр. сертукъ, кафтанчикъ, или чекменекъ на меху; бекешный, къ нему относящийся. Бекешникъ м. кто носит или работает бекеши» [1, т. 2, с. 114]. Появление отрицательной коннотации лексемы в рассматриваемом говоре объясняется оценкой человека, не знающего толк в чем-либо.

Ищя́я презр. «злая, худая (тощая) женщина» *Вот это жена у него! Худая больно. Да говорят, что еще и злая. И где только такую ищяю нашел?* В Словаре В.И. Даля «и́щяя, ищейная собака, ищейка ж. лягавая, гончая или вообще которая ищет дичь чутьем» [1, т. 2, с. 48]. Какую параллель можно провести между этими значениями? Если только вспомнить, что иногда слово «собака» употребляется в качестве ругательного слова: *Ах ты, собака! Опять не слушаешься?*

В «Словаре русских говоров Башкирии» приведено пять значений слова: «ищя́я и ищя́я: 1. = ищя́я. Пчелиный рой, отделившийся от улья и ищущий себе место. Ишшэ́йа фчя́ра улетела, поди ни поймаш; 2. = ищя́я. Пчела, которая ищет нектар для сбора. Ишшейа села на гречишно поле. 3. = ищя́я. Тот, кто что-нибудь ищет. 4. = ищя́я и ищя́я. Груб. Блудница (о женщине) = ищя́я. Софсем от рук отбилась, чиста ишшэ́йа стала, чертофка = ищя́я. Ишшэ́йа проклята, привязалась к йему. 5. = ищя́я. Ящерка. Вона гадина, ишшейа» [6, с. 167].

В четвертом значении, как и в лексико-семантическом варианте д. Варшавка, речь идет о женщине: *ищя́я* – блудница и *ищя́я* – злая, худая (тощая). Эти слова можно отнести к семантической группе «названия лиц», но между лексическими значениями этих слов нет ничего общего.

В пятом значении *ищя́я* – это ящерица, а если обратим внимание на контекст: *Вона гадина ищя́я*, то увидим, что оценочная характеристика у этого слова отрицательная.

Можем предположить, что *ищя́я*-гадина, *ищя́я*-пчела (жалит), *ищя́я*-собака (кусает) повлияли на значение слова, которое употребляется жителями села Варшавка: *ищя́я* – злая, худая (тощая) женщина.

Кулэ́ма «увещательное, положительное о человеке женского пола». *Ах ты, кулэма, свалила с подоконника еранку!* У В.И. Даля: *кулэ́ма* – ловушка для мелких зверьков [1, т. 1, с. 216].

Полары́иный «отриц. о человеке: дурной; чаще употребляется в сравнительной форме – как *полары́иный*». *Когда тебе будут делать прививку, то веди себя хорошо, да не дергайся там, как полары́иный.* По нашим данным, этот лексико-семантический вариант не зафиксирован в лексикографических словарях.

Сруи́ная полож. «о женщине, способной хорошо выполнить любую работу». *Жена-то у него сруиная: хоть испечь, хоть напрясть, хоть связать.* Лексема не зафиксирована в «Словаре русских народных говоров» и в словарях уральских говоров, что свидетельствует о его узколокальном распространении. Многие информанты приводили однотипные контексты: *Сруи́ная же́ница – это та, у которой в руках все спорится... Сруи́ная же ему жена попала! Все по хозяйству умеет делать.*

Процесс ознакомления учащихся с лексическими диалектизмами представляет собой целенаправленную лингвокраеведческую работу, которая может быть реализована на всех этапах обучения русскому языку:

- 1) при систематическом включении региональной лексики в рамки отдельных тем, в первую очередь темы «Лексика»;
- 2) при организации наблюдений за особенностями функционирования диалектизмов в текстах краеведческой направленности;
- 3) при обучении разговорному стилю речи на уроках развития речи;
- 4) при привлечении учащихся к учебно-исследовательской работе по сбору языкового материала и составлению словаря диалектных слов;
- 5) в рамках элективного курса.

Использование диалектной лексики на уроках русского языка осуществлялось с учетом принципов словарно-семантической работы: экстралингвистического – соотносительность диалектизма и реального явления; парадигматического – толкование слова через синонимический и антонимический ряды; синтагматического – показ функционирования лексической единицы в речи. Указанные принципы легли в основу разработанной нами системы лексико-семантических, лексико-грамматических и лексико-стилистических упражнений. В качестве примера приведем отдельные варианты заданий, используемые к качеству экспериментальных при изучении русского языка в 6 классе.

1. Рассмотрите предметы на фотографиях. Как называются эти предметы в нашей местности? Есть ли им название в литературном языке? Подберите к диалектным словам общеупотребительные.

2. Определите, какой частью речи является диалектное слово, и произведите морфологический разбор данного слова.

Ребятишки, не деритесь на печи-то, *зѣдорогу* оторвете.

Своебышливый у нас Вовка – все-таки ездил после операции на лошади, хоть ему и нельзя было.

Гнездился, гнездился, насилу уселся.

«Заглянул ко мне *васѣта* сосед, сказал, что скоро война кончится», – вспоминала бабушка.

Материал для справок: *зѣдорога*, обл. – доска, прикрепленная к краю лежанки русской печи; *своебышний (своебышливый)*, обл. – о человеке, настаивающем на своем при любых обстоятельствах; *гнездиться*, обл. – о человеке: *усаживаться поудобнее*; *васѣта*, обл. – *намедни, накануне*).

3. Прочитайте тексты. Вставьте в соответствующей форме подходящие по смыслу слова на месте пропусков, учитывая принадлежность текстов к тому или иному стилю. Смотрите слова для справок. В каком стиле речи уместно использовать диалектные слова?

*Речка Ай, моя душа,
Что..., едва дыша?
А в разлуке долгой
Мне казалась Волгой.*

(Отрывок из стихотворения Суслова В.А.) [4, с. 356].

Около нашего дома ранней весной лог идет! – похвастался Вася. – А сейчас только... маленький ручеек. (Из разговора соседей).

*«Сонет доступен только мастерам», –
Учили нас в литературной школе.
Но если кровью он ... с пера,
Освобождая от великой боли,
Как не рискнуть!*

(Отрывок из стихотворения Скворцова К.В.) [4, с. 334].

Я поранил палец, завяжи мне его, а то кровь (Из разговора друзей).

Слова для справок: *течет*; *чури́т*, обл. – течет.

4. Объясните лексическое значение и способ образования следующих диалектизмов. Какие морфемы помогли вам в определении лексического значения?

Защи́панцы (пирожки), *насе́дла* (перекладина в курятнике), *поголе́шек* (часть носка), *ша́рьшки* (кушанье круглой формы), *ката́лка* (скалка).

5. Определите, к каким частям речи относятся следующие диалектизмы. Какие морфемы помогают определить это?

За́дорога (доска), *заскурла́титься* (загубеть), *ката́тка* (платок), *стамичо́к* (шкафчик), *буздя́кнуть* (ударить), *жлу́дный* (о человеке), *зада́шный* (гордый).

6. Произведите морфемный разбор диалектных слов. Докажите, что морфемный анализ способствует определению лексического значения слова.

Гне́здиться (усаживаться поудобнее), *базо́вка* (скотный двор), *сба́дить* (поранить), *срушина́я* (о женщине), *тенё́тня* (паутина), *куде́лька* (растрепанная, лохматая девка).

7. Подберите к следующим диалектным словам синонимы и антонимы.

Засуро́пить (закрыть плотно, заткнуть), *коробчи́ть* (собирать, наживать), *настомы́чить* (настроить кого-либо против, подучить), *духа́нька* (милый, возлюбленный), *на́долба* (крупная женщина).

8. Составьте словосочетания со следующими диалектизмами в качестве главного слова.

Дорого́й (белый гриб), *шабала́* (совок), *защи́панцы* (пирожки), *васе́та* (накануне), *жлу́дный* (о человеке), *гне́здиться* (усаживаться).

9. Найдите в толковом словаре значения следующих лексических диалектизмов.

В каком значении употребляются эти слова в нашем селе?

Базóвка, катéтка, шабалá, сбéдить, бекéи.

Остановимся еще на одном виде работы, в рамках которого происходит углубленное знакомство учащихся с лексикой родного края. Это работа над ученическим иллюстрированным словарем диалектных слов.

Данная работа начинается на уроках русского языка с 5–7 классов, ученики делают словарики, где размещают в алфавитном порядке диалектные слова. С целью выявления наиболее употребительных диалектных слов учащимся можно предложить подобрать материал по тематическим группам: «Предметы быта», «Интерьер избы уральских казаков», «Одежда», «Подворье», «Кушанья».

Работа над словарем диалектной лексики более интенсивно проводится в 8–9 классах в рамках элективного курса «Диалектная лексика жителей села Варшавка». Продолжая поисковую работу, начатую в 5–7 классах, учащиеся знакомятся с теоретическим материалом, который позволит в дальнейшем произвести классификацию лексических диалектизмов.

Каждое слово обычно представляется в виде таблицы: анализируемое слово; перечень словарей, по которым устанавливается наличие или отсутствие этого слова. Следующий этап – определение лексического значения слова. Учащиеся проводят самостоятельные разыскания, беседа с респондентами, сравнивают не менее пяти лексических значений, составляют словарную статью. Примеры, иллюстрирующие слово, учащиеся также берут из бесед с информантами, отбирая более яркие. Количество примеров может быть различным – от одного до трех. Слова в словаре располагаются по тематическим группам в алфавитном порядке. Структура словарной статьи: 1) слово в именительном падеже; 2) формы слова; 3) часть речи; 4) толкование лексического значения слова; 5) примеры, иллюстрирующие лексическое значение данного слова; 6) фотографии или рисунки, выполненные учениками.

Как показывает практика, ознакомление учащихся с лексическими диалектизмами развивает познавательный интерес к прошлому своего края, стимулирует к изучению особенностей функционирования языка той местности, где они живут, воспитывает любовь к родине, формирует ценностное отношение к родному языку.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2006.
2. Каргалинский район. Тетрадь юного краеведа / Авт.-сост. Ю.М. Алентьев, М.С. Гитис, А.П. Моисеев. Челябинск, 2006.

3. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Современный русский язык: слов.-справ.: Пособие для учителя / Под ред. П.А. Леканта. 2-е изд. М., 2005.
4. Литература России. Южный Урал: Хрестоматия. 5–9 кл. / Сост. Капитонова Н.А., Крохалева Т.Н., Соловьева Т.В. Челябинск, 2002.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
6. Словарь русских говоров Башкирии: А–И / Под ред. З.П. Здобновой. Уфа, 1997.
7. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.

Е.В. Баурина

Методические аспекты обучения фразеологии в русской школе

В статье рассматриваются некоторые спорные вопросы методики преподавания фразеологии на уроках русского языка в современной общеобразовательной школе. Автором описана природа фразеологической единицы, представлена система упражнений в дополнение к учебно-методическим комплектам по русскому языку, способствующая формированию всех типов компетенций школьника, и выявлена ее роль в структуре методики преподавания фразеологии в русской школе.

Ключевые слова: фразеология, языковая личность, методика преподавания фразеологии, компетенция.

Фразеология – золотая сокровищница русской культуры. Как наука о языке она способствует формированию деятельной языковой личности в условиях современной лингвистической ситуации. Важными направлениями в современной дидактике обучения русскому языку являются лексико-фразеологический и лингвокультурологический аспекты, формирование компетенции в области русского национального менталитета и культуры. Поэтому изучение русской фразеологии, русского речевого этикета, русских обрядов и традиций является необходимой и наиболее востребованной задачей, решение которой способствует формированию русской языковой идентичности, усиливает роль русского языка как

средства объединения нации, является важным компонентом в формировании коммуникативной компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык. Фразеологизмы отражают национальную культуру комплексно, всем своим идиоматическим значением, а также своими прототипами, поскольку свободные словосочетания, ставшие фразеологическими, описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое. Фразеология как раздел школьного курса русского языка содержит в себе огромный образовательный, развивающий и воспитательный потенциал.

Наряду со словами большое место в речевом поведении учащегося занимают устойчивые по составу и воспринимаемые в речи в готовом виде фразеологические сочетания, или фразеологизмы. Они отличаются целостностью и образностью значения. Именно поэтому они так широко используются лучшими мастерами слова: А.С. Пушкиным, И.А. Крыловым, Н.В. Гоголем, А.С. Грибоедовым и другими. Речь человека, хорошо знающего фразеологию родного языка, не только образна, метка и выразительна, но и строится быстро и легко. Так, фразеология обогащает речь учащихся образцами народно-авторского речетворчества и облегчает конструирование речи.

Таким образом, изучение фразеологии тесно связано с вопросами культуры речи и речевого мастерства, а изучение фразеологии в школе – это одно из средств повышения культуры речи учащихся.

Традиционно фразеология как раздел науки о языке изучается в среднем звене школьного образования, однако на современном этапе ей уделяется недостаточное внимание в курсе русского языка.

Усвоение фразеологических единиц – постепенный, *длительный* процесс, поэтому сегодня проблема преподавания фразеологии и процесс работы над фразеологизмами на уроках словесности приобретает особую актуальность.

Итак, аспектный анализ современных учебников по русскому языку для средней школы свидетельствует: авторы предусматривают в том или ином объеме специальные задания и упражнения по фразеологии, однако в целом работа носит эпизодический характер и сводится к толкованию значения фразеологизмов и работе со словарем.

В рамках обучающего эксперимента нами разработана направленная на формирование культуроведческой и языковой компетенции учащихся система упражнений по усвоению фразеологических понятий и формированию умений использовать фразеологизмы в собственной речи.

I. Упражнения, направленные на повторение и закрепление знаний учащихся о значении фразеологизмов.

1. Прочитайте. Распределите фразеологизмы на две группы. Запишите каждую группу в отдельный столбик. Какие это группы?

Засучив рукава, в поте лица, пальцем не пошевелить, сложа руки, палец о палец не ударить, не покладая рук.

2. Определите, в каком варианте значение фразеологизма указано неверно:

- а) *считать ворон* – бездельничать;
- б) *в час по чайной ложке* – медленно;
- в) *тертый калач* – опытный (о человеке);
- г) *седьмая вода на киселе* – близкие родственники.

3. Прочитайте. Запишите рядом с каждым фразеологизмом из первого столбика противоположный ему по значению фразеологизм из второго.

<i>За тридевять земель</i>	<i>Хоть пруд пруди</i>
<i>Повесить голову</i>	<i>Взять себя в руки</i>
<i>С гулькин нос</i>	<i>Воспрянуть духом</i>
<i>Выйти из себя</i>	<i>Рукой подать</i>

4. Прочитайте. Какие предложения содержат ошибки в употреблении фразеологизмов? Исправьте ошибки и запишите исправленные предложения.

Вася красиво, как курица лапой, написал заглавие.

Женя остановилась, до глубины души восхищенная чудесной музыкой.

Котенок был очень некрасивым, глаз не оторвать.

Мы дружно работали сложа руки.

II. Упражнения, способствующие усвоению школьниками категориального признака фразеологизма – устойчивости.

1. Прочитайте. Какие из фразеологизмов записаны правильно? В каких фразеологизмах имеются ошибки?

Беречь как зеницу глаза, встать не с той ноги, гнаться за двумя зайцами, губы заговаривать, покраснеть до кончиков волос.

Исправьте ошибки и запишите фразеологизмы.

2. Допишите фразеологизмы, выбрав из скобок нужное слово или форму слова. Объясните ваш выбор.

Держать ... остро (уши, ухо). Смотреть сквозь ... очки (розовые, темные). С ... нос (голубиный, гулькин). Делать из ... слона (комара, мухи). Не в своей ... (чашке, тарелке).

III. Упражнения, направленные на формирование образности речи школьников.

1. Прочитайте предложения. Какое из предложений, по вашему мнению, является более выразительным, образным? Объясните, почему вы так считаете.

Ничего не помню, все вылетело из головы. Ничего не помню, все забыл. Вы не слушайте Сережу: он всегда делает из мухи слона. Вы не слушайте Сережу: он всегда преувеличивает.

2. Прочитайте предложения. Замените подчеркнутые слова фразеологизмами. Что изменилось? Предложения запишите.

*Вера Сергеевна объясняла решение задачи, но Петя не слушал. Ира узнала, что поездка откладывается, и **загрустила**. Кирилл целый день **бездельничал**. Мы догадывались, что он нас **обманывает**. Первого сентября Уля проснулась **очень рано**.*

Справочный материал: *повесить нос, водить за нос, ни свет ни заря, бить баклуши, пропустить мимо ушей.*

Мы предлагаем также комплексное задание, которое может стать стимулом для написания сочинения.

Прочитайте текст. Найдите в тексте фразеологизмы (задание может быть предложено в игровой форме: «Кто больше найдет в тексте фразеологизмов?»).

Мой самый близкий друг Шурик любил, оказывается, считать ворон, бить баклуши и гонять лодыря. Дома он, как о том были наслышаны все в квартале, палец о палец не ударял, чтобы помочь бабушке. Как его только ни корили вернувшиеся с работы родители, что ему ни выговаривали, а ему все нипочем. В один из вечеров мы, приятели Шурика, услышали, что на его месте мы давно бы сквозь землю провалились и что мучили бы нас угрызения совести. А этому, что ни толкуй – в одно ухо влетает, в другое вылетает. И таким он, оказывается, был и когда от горшка два вершка только составлял, и теперь, вымахавши с коломенскую версту. Все с него как с гуся вода, все ему что об стенку горох.

– Нет, мать, – заключил однажды отец, – я больше не намерен бросать слова на ветер и сидеть сложа руки.

И он потянулся за ремнем на стене, чтобы Шурику всыпать по первое число, задать баню, снять с него стружку и в конце концов показать, где раки зимуют... (По Э.А. Вартаньяну).

Найдите в тексте фразеологизмы, которые имеют одинаковое значение. Назовите их. Каково их значение? О значении каких фразеологизмов вы еще догадались? Назовите их и объясните значение.

Внедрение в технологию преподавания фразеологии упражнений, способствующих формированию компетенций разных типов и компетентности учащегося в условиях современной языковой ситуации – важная и актуальная проблема современной образовательной системы, решить которую может помочь комплексный подход к изучению фразеологической системы русского языка.

Библиографический список

1. Баранов М.Т. Методика изучения лексики и фразеологии в средней школе. М., 1988.
2. Воителева Т.М. Формирование коммуникативных умений и навыков учащихся на уроках русского языка. М., 1994.
3. Гаврилов В.В. Обучение фразеологии на уроках русского языка в 6 классе средней школы на основе освоения фразеологически связанных (символических) значений. М., 2001.
4. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.

Г.Х. Бекшенева

Изучение сравнений как средство формирования выразительной речи учащихся

В статье предложена поэтапная система, направленная на формирование навыка опознания сравнений и умения употреблять их в собственной речи в качестве средства развития выразительной речи учащихся. Представлены примеры упражнений и заданий для учащихся 8 класса общеобразовательной школы.

Ключевые слова: выразительность речи, сравнение как выразительное средство, сравнительный оборот в изобразительно-выразительной функции.

Проблема развития речи школьников – важное звено в системе обучения русскому языку в общеобразовательной школе. Как отмечают психологи, «именно в отрочестве человек начинает понимать, что развитие речи имеет познавательное значение» [1, с. 379].

Одной из составляющей такой работы является освоение учащимися основных выразительных средств литературного языка. Л.П. Федоренко, формулируя закономерности усвоения речи, отмечала: «Речь усваивается, если приобретает способность чувствовать выразительные

оттенки лексических, грамматических, фонетических языковых значений» [5, с. 40].

Под *выразительность речи* понимаются «такие особенности ее структуры, которые позволяют усилить впечатление от сказанного (написанного), вызвать и поддержать внимание и интерес у адресата, воздействовать не только на его разум, но и на чувства, воображение» [3, с. 205].

Одним из основных средств выразительности является сравнение – «слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой» [2, с. 759]. Сравнение проявляется на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях языка.

Исследователи отмечают три основных компонента, составляющих ядро данного понятия. Во-первых, объект сравнения – то, что сравнивается; во-вторых, субъект сравнения – то, с чем сравнивается, и, в-третьих, основание сравнения, или связующий признак. Например: *Пусть все будут сыты и веселы, не завистливы и не лаются друг с другом, как злые псы.* (Н. Гоголь).

В данном предложении содержится полное сравнение: объект сравнения – *все*, субъект сравнения – *злые псы*, основание сравнения – *лаются*.

Сравнение в русском языке имеет разные способы выражения:

1) с союзами: *как, словно, будто, точно, как будто, подобно* и т.д., например: *хитрый, как лиса; сияет, будто звезда; точно каменный, подобно звезде* и т.д.;

2) без союзов, например:

- при помощи творительного сравнения: *подкрался лисой*;
- сравнения, образованные по типу бессоюзных предложений: *ее глаза – звезды*;
- при помощи сравнительной степени прилагательного или наречия: *твои глаза ярче роз*;
- имена прилагательные, выражающие сравнительные отношения: *золотая пыль (пыль как золото)*;
- сравнения, выраженные приименным родительным падежом, например: *Он напевал тонким голосом девушки (М. Горький)*.

Освоение и использование сравнений в собственной речи является необходимым условием развития выразительности речи учащихся: при их помощи усиливается познавательная функция и происходит активная работа воображения. Ознакомление со сравнением, его изобразительно-познавательной функцией происходит в 8 классе при изучении систематического курса синтаксиса.

Анализ творческих работ учащихся 8 классов школы № 38 г. Тюмени позволил нам сделать вывод о том, что школьники плохо опознают сравнения в тексте и практически не употребляют их в собственной речи. Так, для диагностики степени сформированности умения использовать сравнения школьниками нами был предложен текст, включающий сравнения разных моделей (выраженные словом, словосочетанием, сравнительным оборотом) и следующие задания к нему:

- 1) найдите сравнения;
- 2) выделите лексические средства, с помощью которых создается образ;
- 3) укажите, какой признак лежит в основе сравнения предметов друг с другом;
- 4) определите, какие языковые средства входят в состав сравнений.

Результаты работы были следующими: большинство учащихся опознали сравнения с союзами *как*, *будто*, *словно* (*как большие птицы*, *будто лебеди*, *словно пьянея*). Модель сравнения – форма творительного падежа имени существительного (*пышным ковром*, *тает золотом*, *темной ратью*) – учащимися не была определена. Единицы из учащихся смогли определить компоненты сравнения и указать признак, по которому предметы сравниваются друг с другом.

При выполнении дополнительного задания на моделирование предложений со сравнениями и подбор союза к сравнениям в форме творительного падежа «*тает золотом*», «*темной ратью*», «*пышным ковром*» учащиеся испытали затруднения: неправильно определили признак, положенный в основу сравнения, немотивированно употребили творительный сравнения с союзом «как». Например: «*Шоколад у меня в руках растаял, как золото*», «*Налетели комары, как темной ратью*», «*Волосы у этой девочки вились, как пышным ковром*».

Неумение учащихся пользоваться сравнением в речи, ошибки в его употреблении объясняются отсутствием как теоретического материала, так и целенаправленной системы работы над сравнением на уроке русского языка.

Так, например, в школьном учебнике по русскому языку для 8 класса под редакцией М.М. Разумовской и П.А. Леканта представлена модель сравнения с союзами *как*, *словно*, *будто*, *точно*, *как будто*, *подобно* и *т.д.* Теоретические сведения ограничиваются только указанием на то, что сравнительные обороты являются в предложении обстоятельствами и рассматриваются причины их обособления [4, с. 66].

Практический материал на закрепление данной темы также мало представлен, так, задание на определение функции сравнений отражено лишь в одном упражнении (упр. 103; задание: объясните, для чего автор использует сравнения) [4, с. 67].

Таким образом, материал учебника не помогает учителю организовать работу над изобразительно-выразительной функцией сравнения.

Нами была разработана система, направленная на формирование умения употреблять сравнения в собственной речи в качестве средства выразительности речи.

На первом этапе организуется работа школьников со «Словарем сравнений и сравнительных оборотов в русском языке» (автор – К.С. Горбачевич): предлагается знакомство со структурой словаря, построением словарной статьи, комментариями к сравнениям и стилистическими пометами.

Второй этап предполагает систему упражнений, включающих следующие задания.

1. Используя предложенный языковой материал, образуйте сравнения, выраженные в форме творительного падежа. Составьте с ними словосочетания: *как стрела, как змея, как зигзаг, как кошка, словно мотылек, словно дуга.*

2. Образуйте словосочетания, содержащие в своем составе сравнения с союзами. Подберите к ним соответствующие эпитеты. Используйте следующий языковой материал: *вороном, камнем, тучей, спиралью, пирамидой, вьюном, горой, ковром.*

3. Из приведенных примеров образуйте сравнения в форме родительного падежа без предлога. Составьте предложения с образованными сравнениями: *глаза, как у кошки; ум хитрый, как у лисы; походка, как у медведя; трусливый, как заяц.*

4. Используя примеры, образуйте сравнения, описывающие состояние, характер, внешность человека с помощью союзов *как, словно, будто, точно* и т.д.:

а) дождь, снег, дорога, музыка, небо, айсберг, море, калейдоскоп;

б) заяц, лиса, бурундук, время, солнце, звезда, береза.

При выполнении заданий №№ 5, 6 учащимся предложено использовать «Фразеологический словарь русского языка» (под редакцией А.И. Молоткова).

5. Соотнесите фразеологизмы с их значениями.

1) <i>Как зеницу ока</i> 2) <i>Как из рога изобилия</i> 3) <i>Как корова языком слизала</i> 4) <i>Как красная тряпка для быка</i> 5) <i>Как в аптеке</i>	А. Что-либо раздражающее, провоцирующее на агрессивные действия Б. Что-либо бесследно исчезло В. В огромном количестве, неисчерпаемо Г. С максимальной точностью Д. Относиться как к самому важному, бдительно беречь, охранять что-либо или кого-либо
--	--

6. Раскройте скобки и подберите необходимый компонент фразеологизма. С помощью словаря определите их значение:

- 1) семантическое поле «цвет»: *красный как (белка, рак), седой как (заяц, лунь), черный как (ворон, сажка)*;
- 2) состояние, характер, внешность человека: *молчит как (рыба, пень), дрожит как (рак, осиновый лист), крутится как (сокол, белка, уж) в колесе, упрямый как (корова, осел, овечка), мягкий как (матрас, воск, свеча), красивый как (цветы, природа, картина)*;
- 3) социальный статус: *беден как церковная (свеча, мышь), гол как (рыба, сокол), богат как (банкир, Крез)*.

7. Прочитайте словосочетания. Определите, в каких из них нарушена лексическая сочетаемость. Назовите соотносимые слова. Подберите свои примеры: *быстрый, словно тюлень; быстрый, как стрела; горький, как изюм; горький, как полынь; тепло, как в Антарктиде; тепло, как в Африке; белый, как сажка; белый, как стена*.

8. Выпишите из «Словаря сравнений и сравнительных оборотов» сравнения со стилистическими пометами. Составьте с ними свои предложения.

Выполняя подобного рода задания, обращаясь за помощью к словарям, учащиеся знакомятся с различными видами сравнений и сравнительных оборотов, овладевают навыком опознавать сравнения в тексте, в итоге готовятся к следующему этапу (заключительному) – работа с текстом.

Хотелось бы отметить, что интересный языковой материал для работы над сравнением, его выразительными свойствами на уроке русского языка можно найти, опираясь на тексты М. Горького. Так, в школьном курсе литературы предлагаются для изучения повесть «Детство», рассказ «Челкаш» и др., фрагменты из данных произведений можно использовать в качестве текстовой основы для анализа. Например:

¹*Ночь была темная, по небу двигались толстые пласты лохматых туч, море было покойно, черно и густо, как масло.* ²*Оно дышало влажным соленым ароматом и ласково звучало, плескаясь от борта судов о берег, чуть-чуть покачивая лодку Челкаша.* ³*На далекое пространство от берега с моря подымались темные остовы судов, вонзая в небо острые мачты с разноцветными фонарями на вершинах.* ⁴*Море отражало огни фонарей и было усеяно массой желтых пятен.* ⁵*Они красиво трепетали на его бархате, мягком, матово-черном.* ⁶*Море спало здоровым, крепким сном работника, который сильно устал за день.*

⁷ – *Едем!* – сказал Гаврила, спуская весла в воду.

⁸ – *Есть!* – Челкаш сильным ударом руля вытолкнул лодку в полосу воды между барками, она быстро поплыла по скользкой воде, и вода под

ударами весел загоралась голубоватым фосфорическим сиянием, – длинная лента его, мягко сверкая, вилась за кормой.

⁹ – Ну, что голова? болит? – ласково спросил Челкаш.

¹⁰ – Страсть!.. как чугуна гудит... Намочу ее водой сейчас.

Мы предлагаем следующие задания к тексту.

1. Какие изобразительно-выразительные средства используются автором в данном тексте?

А. Метафора. Б. Гипербола. В. Олицетворение. Г. Сравнение.

2. В каком предложении сравнение выражено в форме творительного падежа?

3. Найдите предложение со сравнительным оборотом. Выпишите его.

4. В каком предложении есть сравнение в форме родительного падежа?

5. С каким словом соотносится словосочетание *длинная лента* в 8-м предложении?

А. Вода. Б. Лодка. В. Сияние. Г. Корма.

6. Каким членом предложения выражен сравнительный оборот?

А. Определение. Б. Приложение. В. Дополнение. Г. обстоятельство.

Таким образом, организация целенаправленной работы формирует представление о сравнении и учит употреблять его в качестве средства выразительности в собственной речи.

Библиографический список

1. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. 9-е изд., стереотип. М., 2004.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2003.
3. Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Четет Р.Г. Стилистика и культура речи: Учеб. пособие / Под ред. П.П. Шубы. Мн., 2001.
4. Русский язык: Учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений / Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. и др. / Под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. 4-е изд., стереотип. М., 2002.
5. Федоренко Л.П. Совершенствование речи учащихся: принцип выразительности речи // Русский язык в школе. 1980. № 6. С. 40–46.

О.Б. Киселева

Формирование акцентологических и произносительных норм в речи младших школьников

Комплексное изучение норм произношения и ударения в рамках орфоэпии позволяет наилучшим образом решать задачи формирования и развития произносительных умений и навыков. В статье представлены упражнения, которые помогают учащимся овладеть интонационными средствами выразительности, а также способствуют более прочному усвоению норм ударения и делению слов на слоги, вырабатывают умения разграничивать омонимы и подбирать антонимы к данному слову, а также разграничивать многозначные слова.

Ключевые слова: орфоэпия, орфоэпическая норма, фонетическая система, произношение, ударение, развитие речи школьника.

Как известно, литературный язык существует в двух формах – устной и письменной, для которых характерно наличие обязательных норм – лексических, грамматических и стилистических. При этом письменная форма языка подчиняется еще орфографическим и пунктуационным нормам (т.е. правилам правописания), а устная – произносительным и акцентологическим нормам.

Интенсивный процесс усвоения норм литературного языка происходит преимущественно в дошкольном и младшем школьном возрасте. Отсюда велика роль школы в становлении и развитии навыков правильной устной речи.

В начальных классах, как правило, уделяется особое внимание пополнению и обогащению словарного запаса школьников, однако очень мало времени отводится нормам литературного произношения.

Языковая норма – это «одна из сложнейших проблем, многомерность и разноплановость которой определяются факторами объективно-историческими, культурно-социологическими и собственно-лингвистическими, т.е. внутриязыковыми» [6, с. 16].

С.И. Ожегов рассматривает понятие нормы, как «узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй». Языковая норма закреплена в словарях и грамматиках и принята обществом [5, с. 421].

Признание возможности сознательного воздействия общества на развитие литературного языка приводило некоторых лингвистов к утвер-

ждению, что норма – результат «целенаправленной деятельности человека» [2, с. 157].

Другой подход к решению проблемы нормы – рассмотрение ее как проблемы лингвистической, убеждение, что норма существует в языке. Сторонники такого решения проблемы рассматривают язык как «систему условных средств, определяющую многообразие ее реализации, а речь – как форму существования системы». Наиболее подробно описал норму языка и ее взаимодействие с системой Э. Коссериу. Он считал, что норма – это система «обязательных реализаций», она соответствует тому, что уже говорится по традиции, т.е. норма «соответствует фиксации языка в традиционных формах» [4, с. 175]. Все последующие теории, объясняющие сущность нормы, представляли собой попытки усовершенствовать теорию Э. Коссериу.

Проанализировав мнения известных ученых-лингвистов, под *нормой* мы будем понимать формирующееся исторически употребление звуков, слов, отдельных форм слов и синтаксических конструкций, разрешенное системой языка, поддерживаемое образованными людьми, предписываемое грамматиками и словарями и являющееся обязательным для носителей данного языка.

Произносительная норма – это компетенция орфоэпии.

Лингвисты по-разному относятся к определению объема понятия «орфоэпия». Одна группа ученых включает в это понятие только нормы произношения звуков, их сочетаний и слов (А.Н. Гвоздев, М.В. Панов, В.В. Иванов и др.). Другие определяют орфоэпию как совокупность норм произношения и ударения (Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский и др.). Последняя точка зрения представляется для школы наиболее приемлемой и обоснованной, т.к. произношение и ударение являются взаимосвязанными и взаимообусловленными проявлениями устной речи.

Работа по овладению нормами произношения предполагает наличие системы упражнений по орфоэпии и акцентологии, основанной на развитии и совершенствовании речевого слуха детей, и спланирована в два этапа.

Первый этап связан с работой по развитию речетворческой системы учащихся в I классе, т.к. обучение нормам произношения невозможно без хорошо развитого артикуляционного аппарата. Понятие «произношение» охватывает звуковую систему языка и состав основных звуков языка, их качество и изменения в определенных фонетических условиях (например, оглушение/озвончение, твердость/мягкость согласных).

Кроме того, здесь рассматривается звучание некоторых грамматических форм (например, возвратных суффиксов глаголов, прилагательных

на *-кий, -зий, -хий*). Следовательно, произношение – более широкое понятие, нежели понятие фонетической системы [1, с. 15].

На уроках используются различные скороговорки, дикционные и интонационные упражнения, логопедические стихи, артикуляционная гимнастика, что позволяет сделать послушными органы речи ребенка, научить правильно дышать во время речи, быстро и четко ставить в нужное положение язык и губы. Четкая дикция – это основной произносительный навык, который тренируется на протяжении обучения в начальной школе.

Во время *второго этапа* изучается часть слов из орфоэпического минимума. На этом этапе происходит знакомство учащихся с новыми словами, усваиваются правила литературного произношения и ударения в этих словах. Слышать ударение в слове и правильно его произносить – это умение, без которого невозможна сама речь.

Другой, важной стороной орфоэпии является ударение, т.е. звуковое выделение одного из слогов слова. Ударение в русском языке «привязано к определенному слову, поэтому неправильное ударение в слове часто свидетельствует о незнании правильного произношения слова. С фонетической точки зрения, русское ударение является сильноцентрализующим, т.е. ударный слог в слове резко противопоставлен безударным, как в количественном, так и в качественном отношении. Именно в этом заключается глубокий функциональный смысл. Можно, пожалуй сказать, что качественная разница между ударяемыми и неударяемыми слогами в русском языке потому настолько сильна, что ударение имеет в нем важную семантическую функцию» [3, с. 299].

Ударение современного русского языка количественно-динамическое: гласный ударного слога, в отличие от безударных гласных, характеризуется относительно большей напряженностью произнесения, а потому и более четким звучанием.

Единственный возможный или предпочитаемый вариант правильного образцового произношения и правильного ударения – орфоэпическая норма.

Современные орфоэпические нормы регулируют произношение звуков, их сочетаний, грамматических форм, имен и отчеств и т.п., а также правила постановки ударения в различных частях речи. Эти нормы, представляя собой одновременно устойчивое и динамическое явление, с одной стороны, производное языковой системы и ее речевого функционирования – с другой, результат речевой практики и сложившихся традиций произношения и ударения. Знание и соблюдение этих норм – непереносимое условие для успешного формирования и воспитания орфоэпической культуры младших школьников.

С целью формирования орфоэпических и акцентологических норм современного русского литературного языка в рамках обучающего эксперимента нами разработана и апробирована система упражнений для учащихся начальной школы.

Приводим образцы таких упражнений.

1. Произнесите скороговорку «Проворонила ворона вороненка» с такими намерениями:

- 1) пожалеть вороненка: «*Ах, как жалко, пропал вороненок из-за вороны!*»;
- 2) упрекнуть ворону: «*Эх ты, растяпа, что ты наделала!*»;
- 3) выразить недоумение: «*Что вы говорите? Этого не может быть.*».

2. Поставьте ударение в выделенных словах.

- а) **Красивей** всех реснички
У маленькой лисички.
- б) В волшебный **квартал**
Змей Горыныч прилетал.
- в) Трое маленьких чижей
Ободрали весь щавель.

3. Прочитайте. Слова с ударением на первом слоге подчеркните синим, слова с ударением на втором слоге – зеленым, а слова с ударением на третьем слоге подчеркните черным цветом.

Алфавит, щавель, звонит, свекла, километр, комбайнер.

4. Придумайте рифмовки к следующим словам: *банты, торты, звонит.*

5. Прочитайте. Поставьте ударение. Подчеркните ударный слог. Составьте из ударных слогов каждой строчки слово.

Подарок, встречает, коза.

Плотина, карта, весна.

Корней, Ока, Полина.

Нарезал, усики, задача, нанизывает, поехать.

6. Составьте предложения со следующими словами: *звѳздики, звѳзди́ки; за́мок, замѳк; кру́жки, кружки́; пла́чу, плачу́.*

В скобках запишите значения слов.

7. Укажите, какие слова из приведенных ниже можно произносить в соответствии с нормой с [шн], а какие – с [чн] и с [шн].

Булочная, горчичники, девичник, Ильинична, конечно, сердечный, скворечник, скучно, яичница, булабочный, молочный, подсвечник, прачечная, сливочный, яблочный, будничны́й, добавочный, Кузьминична, двоечник, командировочный, копеечный, спичечный, нарочно, нечто, ничто, чтобы.

8. Подчеркните слова, в которых *те* произносится как [тэ].

Бутерброд, компьютер, темп, термос, свитер, принтер, текст, тема.

9. Подберите к следующим словам слова, противоположные по смыслу.
Утро, грустный, холодный, сухой, близко.

10. Как в следующих примерах произносятся сочетания *тск, дск, ств*?
Напишите в скобках.

Братский (...), городской (...), заводской (...), Кисловодск (...), наследство (...), родство (...).

11. Найдите последнее слово, которое будет по рифме согласовано со слогами.

СА – СА – СА, в лесу бегают ...

УСЬ – УСЬ, на лугу пасется...

ТА – ТА – ТА, у нас дома ...

ТЫ – ТЫ – ТЫ, сметану съели всю ...

ЧА – ЧА – ЧА, горит в комнате ...

ЧУ – ЧУ – ЧУ, молоточком я ...

12. Подберите антонимы к выделенным словам:

Летний день – за ... неделю. У короткого ума ... язык. Ради нового дружка ... не покидай. Ранняя птичка носок прочищает, а ... глазки протирает. Полный колос к земле клонится, а ... к небу тянется. Знай больше, а говори

Таким образом, при формировании акцентологических и произносительных норм в речи младших школьников необходимо систематически и целенаправленно использовать специальные упражнения на уроках русского языка, независимо от его темы. Они помогают выявить уровень произносительных норм и определить словарный запас младшего школьника. Данные упражнения дают возможность учащимся овладеть интонационными средствами выразительности, способствуют более прочному усвоению норм ударения и делению слов на слоги, помогают выработать умение разграничивать омонимы и подбирать антонимы к словам, а также разграничивать многозначные слова, выработать умение осознавать и подбирать рифму.

Библиографический список

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984.
2. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962.
3. Зиндер Л.Р. Общая фонетика: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1979.
4. Коссериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–346.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1998.
6. Скворцов Л.И. Основы культуры речи: Хрестоматия. М., 1984.

Баева Луиза Викторовна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева; учитель русского языка и литературы, Варшавская средняя школа, Карталинский район, Челябинская обл. E-mail: tam.corshun@yandex.ru

Баурин Екатерина Викторовна – аспирант кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета; учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 14, г. Ногинск, Московская область. E-mail: korolevna_3000@mail.ru.

Бекшенева Гузель Хамзовна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева. E-mail: bec-77@yandex.ru.

Буйнов Игорь Александрович – соискатель кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; главный специалист Федерального координационного центра развития кадрового потенциала и молодежной политики МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: igorbuynov@list.ru.

Гусева Татьяна Константиновна – кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; доцент кафедры иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: Tatianaguseva@yahoo.com.

Даниленко Ольга Дмитриевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: psycholyoka@rambler.ru

Киселева Ольга Борисовна – соискатель кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета; учитель начальных классов, средняя общеобразовательная школа № 53, г. Рязань. E-mail: kiseleva.1985@mail.ru.

Киселева Виктория Александровна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. Шолохова. E-mail: peretz16@yandex.ru

Лю Ди – аспирант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета. E-mail: llsh352@yandex.ru.

Нимгирова Мария Анатольевна – аспирант кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета; ассистент кафедры лексики английского языка, Московский педагогический государственный университет. E-mail: marynimgirova@rambler.ru.

Папилова Елена Вячеславовна – соискатель кафедры теории литературы МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: llenochka@mail.ru.

Петрова Мария Алексеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 20, г. Химки, Московская область. E-mail: tmaria94@mail.ru

Полонская Ксения Леонидовна – аспирант кафедры теории и практики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: polonsk@mail.ru.

Рудакова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: rudakovamasu@mail.ru.

Серкина Вера Николаевна – аспирант кафедры русского языка МГГУ им. М.А. Шолохова; ассистент кафедры русского языка, Астраханский государственный технический университет. E-mail: lady_of_shadows@mail.ru.

Шемчук Юлия Михайловна – доктор филологических наук; заведующий кафедрой перевода и переводоведения факультета иностранных языков и международных коммуникаций, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: shemchuk@rambler.ru.

Щербитко Александра Викторовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: rajani@yandex.ru

L. Baeva

Realization of the regional component in the school course of the Russian language on the example of lexical dialectisms

The article is focused on the contents of the regional component of the Russian language and some ways of its realization on various stages of education. The author as an investigator of the dialect vocabulary and a teacher shares her own experience of linguistic and regional-oriented work at school.

Key words: ethnocultural approach, linguistic constituent of the regional component, regional vocabulary, lexical dialectisms.

E. Baurina

Methodological aspects of teaching phraseology in Russian school

The article presents some controversial issues in the methods of teaching phraseology in the Russian language class in a modern comprehensive school.

The author describes the nature of a phraseological unit, a system of exercises to be used alongside with the Russian language textbooks that can help in mastering all kinds of learners' competencies.

Key words: phraseology, linguistic identity, technique of teaching phraseology, competence.

G. Beksheneva

Study of simile as a means of formation of learner's speech expressiveness

The article presents a step-by-step system of formation of learners' skills to find and use simile as a means of development of their speech expressiveness. The article also presents examples of tasks and exercises for 8 grade learners of a comprehensive school.

Key words: speech expressiveness, simile as a means of expression, simile phrase in depiction-expressive function.

I. Buinov

Theme of a historical memory in rock-poetry
of the XX–XXI centuries

The article is devoted to the topic of historical memory and spiritual heritage in the works of rock-poets and musicians who created and are creating their own poetry and music works at the end of the XX and the beginning of the XXI centuries. These works are devoted to Russia and are all filled with gentle love of the native land, country, towns and streets. The loss of the historical look of some places and historical memory as a whole is viewed by the rock-poets as a terrible grief. That is why they all urge the people to love their own land and remember their background and origin.

Key words: theme of the native land, historical memory, freedom, protest, spiritual values, Russian rock-culture, rock-poetry.

T. Guseva

On the issue of theomachism:
the Spanish and the Russian versions

The author of the paper makes a comparative analysis of the narratives of the Russian and Spanish writers – “Basil Fiveisky’s life” by Leonid Andreev (1903) and “Saint Manuel the Good, martyr” by Miguel de Unamuno (1931) in a broad context of artistic-philosophical ideas of the first third of the XX century. The author emphasizes the humanistic orientation of ideas of the both writers that tended to discover in a human the power capable of adding the purport into the life, revolted against the contemporary person equalization by the society, for the necessity of historical and cultural renaissance, of finding a way out of the impasse of the mass culture, creating the theory approximated maximally to the human. The author demonstrates that the ideas of the Spanish and Russian writers continue being topical at the present.

Key words: L. Andreev, M. de Unamuno, existentialism, fate, agony, intrahistory.

O. Danilenko

Techniques of the psychological analysis
in F.M. Dostoevsky’s novel “Humiliated and Offended”

The article presents analysis of some techniques of the psychological analysis in F.M. Dostoevsky’s novel “Humiliated and Offended” which partly help to understand one of the central themes of work – an egoism theme. Such

devices as parallelism of the subject lines, dialogue, principle of the contrast comparison, a repeating detail, speech, gesture, a mimicry, a sign symbolical episode, etc. allow to group types of heroes-egoists and to define the novel as "transitive" work, planned in itself a line of the psychologism inherent in more mature work of the writer.

Key words: psychologism, techniques of the psychological analysis, an egoism theme, parallelism of subject lines, dialogue, a principle of contrast comparison, a repeating detail, speech, gesture, a mimicry, a sign symbolical episode.

O. Kiseleva

Formation of accent and pronunciation norm
in the speech of primary school learners

Integrated study of the norms of pronunciation and word stress in terms of orphoepy leads to the best results in formation and development of pronunciation skills. The article contains exercises that can help learners to master intonation means of expressiveness as well as skills in word stress and syllabus formation and also help to differentiate homonyms, to choose antonyms to a given word and to recognize polysemantic words.

Key words: orphoepy, orphoepic norm, phonetic system, word stress, development of school learner's speech.

Kiselyova V.A.

The image of war in the poetry of Joseph Brodsky
("Verses on the Winter Campaign in 1980")

In the article the author's grading system of war as a social phenomenon and events in the life of the individual in the works by J. Brodsky are presented.

Key words: war image, attitude, artistic image, poetic discourse, J. Brodsky.

I. Kovrigina

American culture-specific vocabulary
of the second half of the nineteenth century
in the original and russian translations of this vocabulary
(based on the novel "The financier" by Theodore Dreiser)

The article is dedicated to the culture-specific vocabulary of the second half of the nineteenth century, its expression in the original and translations of the novel "The Financier" by Theodore Dreiser. The aim of this analysis is to

reveal culture-specific vocabulary typical for the cultural and financial system of that period. In the course of the work several semantic groups of words which describe culturally specific features of American development and have no direct equivalents in other languages were found. The article contains quotations from the novel in the source language, analysis of translations of different authors and linguistic-cultural information about culture-specific vocabulary which helps to judge about its meaning and the adequacy of translations.

Key words: culture-specific vocabulary, translation, transcription, transliteration, tracing, transformation.

Liu Di

Means of achieving of pragmasemantic equivalence
in translating Russian adverbial participle into Chinese

In the paper the author will research the problem of equivalent translation of Russian adverbial participle into Chinese. Analyzing the Chinese means for translating Russian adverbial participle is done according to their pragmasemantic equivalence.

Key words: Russian adverbial participle, semantics, pragmatics, stylistics, translation, means of expression, Chinese, equivalence.

E. Papilova

Imagology as a humanity discipline

The article is devoted to one of the areas of comparative literal studies – Imagology. Imagology is the branch of learning whose object are the images of “foreign” peoples, countries, cultures, which are alien for the recipient.

Key words: Imagology, comparative literal studies, stereotype believes, “native – foreign” concept, image of an “alien”.

M. Petrova

Retrospection as a way of construction
of a lyrical plot in Yesenin’s poetry: motive of memoirs

The author analyses a number of poems by A.S. Yesenin for the purpose of revealing art peculiarities of the motive structures of his poetry. The researcher considers retrospection as a special way of construction of Yesenin’s poetic text, and brings into use a new scientific notion – retrospective idyllic khronotop. The author comes to the conclusion about diversity of retrospective

sphere in Yesenin's text, about through, leitmotif character of a theme of memoirs in Yesenin's poetry, its autobiographical basis.

Key words: lyrics, lyrical hero, a literary genre, retrospection, motive of memoirs, retrospective idyllic khronotop.

K. Polonskaya

Terminological synonymy
in tennis vocabulary

The article deals with the problem of synonymy in the sphere of tennis vocabulary. The analysis of language material shows that the synonymy of the above mentioned sphere is based on the principals common to the sphere of general word-stock. However, the sphere of tennis provokes some moments that reveal the trends favorable to appear the absolute synonyms. The analyzed material proves this phenomenon.

Key words: vocabulary, synonymy, synonym, term, tennis vocabulary, terminology.

S. Rudakova

The poem "Still, as the patriarch, I am not ancient..."
in a context of the book "Twilight" by E.A. Boratynsky

The article presents an analysis of various interpretations of the poem "Still, as the patriarch, I am not ancient..." The author also provides her own interpretation of this poem in the context of the book "Twilight" that is viewed as a realization of the poet's aspiration to deepen the contents of a single poem.

Key words: E.A. Boratynsky, E.A. Baratynsky, the book of verses "Twilight", the antique, the Christian, lyrical hero.

A. Shcherbitko

Theme and image of the book in Bradbury's novel
"Fahrenheit 451"

This article is devoted to the key theme of the novel "Fahrenheit 451" by R. Bradbury – book which appears a center of meanings, as well as a symbol of the idea of the traditional human values, mind and spirit. Special attention is given to the image of "people-books" as an object concept.

Key words: image of the book, anti-utopia, mass culture, one-dimensional person, literary tradition

Ju. Shemchuk

Updating of cultural codes in the German language

The article is devoted to the updating of cultural codes in the German language. Semantic level of culture is coded by new lexemes. The problem is seen on the material of recoding of the literary language in slang.

Key words: cultural code, switch of the codes, recoding of the literary language in slang.

V. SerkinaCase texts as means of expression of an emotional estimation:
functional aspect (on the material of regional mass media)

In given article case texts as means of expression of an emotional estimation are considered on the material of case texts used by local regional mass media. The attention is given to the use of case texts as a means of creation of the image of the author.

Key words: connotation, image of the author, case text, mass-media, background knowledge, emotional estimation, linguistic identity.

Памятка автору статьи, представленной для публикации
в ВЕСТНИКЕ МГГУ им. М.А.Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Материалы направлять по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 225.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 1-1102 – Журавлева Татьяна Юрьевна, заместитель главного редактора журнала.

E-mail: arhat_5@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2011.4

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 16.11.2011 г.
Подписано в печать 25.11.2011 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 6,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.